Колдовские миры

Кира Измайлова

Алийское зеркало

SHOUT
SHARE
IT

Колдовские миры

Кира Измайлова

Алийское зеркало

Текст предоставлен правообладателем
«Алийское зеркало / Кира Измайлова. »: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089116-0

Аннотация

Верно говорят, ничего в жизни случайно не происходит. Казалось бы, что за надобность была ключнице Марион спасать алийского посланника, прибывшего в герцогский замок? Вроде никакой! Вот только оказалось, что было у него к ней дело, и очень важное. Касалось оно таинственного волшебного ключа, когда-то отданного алиями на хранение еще ее бабушке, а теперь вот понадобившегося назад. И кто теперь объяснит, почему ключ так важен и какую дверь он должен открыть или, наоборот, запереть? И правда ли, что раньше он принадлежал жадным и злобным феям, бежавшим из этого мира? А самое главное: сможет ли теперь Марион жить по-прежнему или однажды ей придется бросить всё и отправиться скитаться, спасая самое драгоценное, что только у нее есть на свете?

Кира Измайлова
Алийское зеркало

Разработка серийного оформления *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Колдовские Миры

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Глава 1

Вам когда-нибудь доводилось видеть алия, пьяного до изумления? Мне вот раз довелось. Его великолепие еле-еле стояло на ногах, придерживаясь за стену, и не падало только потому, что никак не могло решить, в какую именно сторону ему рухнуть. Поскольку выбор был достаточно обширен, то оставалась надежда, что некоторое время алий еще удержится в вертикальном положении.

Я бы прошла мимо – не мое дело, что там господа вытворяют, – если бы дело происходило в другом месте. А так я удивилась – ну с чего это алия занесло в то крыло, где слуги обитают? Да еще в таком виде… Неужели перебрал настолько, что позабыл, куда шел, да и заплутал?

Я подошла поближе и осторожно спросила:

– Господин, все ли с вами хорошо?

На мои слова он никак не отреагировал, он вообще, похоже, меня не видел. Что ему совсем не хорошо – это любой дурак бы понял. Нет, разило от его великолепия, как из винной бочки, но вот глаза у него были трезвые. Глаза трезвые, а взгляд какой-то пустой и словно бы остановившийся, как бывает от сильной боли.

Тут уж мне стало не до шуток и не до раздумий. Что, если сиятельного гостя кто-то вздумал отравить? Желающих, думается мне, найдется немало!

Я в точности не знала, чего ради алии явились с визитом, не моего ума это дело. Однако слышала кое-что о договоре насчет торговли, а еще о подорожных пошлинах – их княжество ведь аккурат у нас под боком. А мало ли? Вдруг кому-то из соседей вовсе не хочется, чтобы товары шли через наши земли, вот и решили свинью нашему герцогу подложить. Известно, как алии не любят, когда люди их хоть как-то задевают, а если уж убить вздумают, да кого, посла!.. – дня не пройдет, как приграничные деревни заполыхают! Это дела алии долго обсуждают, чтобы ни единой тонкости не упустить, ни одной буковки в документе не перепутать (слыхала я, как наши придворные от их дотошности волками воют и ругаются на чем свет стоит), а вот на расправу куда как скоры…

Так вот, это все быстро у меня в голове пронеслось, а я тем временем уже действовала. Хорошо, до моей комнаты совсем недалеко было, иначе я это сиятельное великолепие ни за что в жизни бы туда не дотащила. Это только издали кажется, что алии хрупкие да тонкокостные и никогда ничего тяжелее флейты в руках не держали. На самом деле один такой за пару минут рукопашной положит десяток не самых последних бойцов из людей и навряд ли при этом запыхается: устраивали недавно их слуги потешные бои с герцогскими оруженосцами и подручными, я видела кое-что… А если у алия будет хоть самый завалященький кинжал, я уж молчу о луке со стрелами… Словом, не стоит с ними связываться, опасный это народ!

Я девица не из слабеньких, однако ж еле-еле управилась. Алий оказался высоченным, вдобавок, утратив поддержку в виде прочной стены, завалился на меня всей тяжестью. Ну, мне не впервой пьяных господ до опочивален провожать, справилась и сейчас. Хорошо еще, по пути никто не попался, спали все давно, а кто не спал, тот вино господам разносил.

Что делать, я знала. Ядами в наших краях частенько балуются, поэтому даже самый распоследний слуга знает, как поступить, если вдруг его господин начинает хрипеть и валится на пол, пуская слюни… Понятно, против быстрых ядов ничего не

поделаешь, а с чем-то попроще, вроде крысиной отравы, еще можно побороться. Что его великолепие именно этой гадостью траванули, я почти не сомневалась. Во-первых, он был еще жив, на человека (или алия, они куда живучее) крысиный яд не сразу действует. Во-вторых, от алия несло розовым вином с южных виноградников, а оно такое душистое и терпкое, что слабый запах и легкую горчинку отравы перебивает напрочь, стало быть, именно в вино яду и подсыпали. В-третьих, я уж сказала, от крысиного яда умирают долго и… некрасиво, словом. Разве для алиев хуже оскорбление придумаешь? Ладно бы еще ножом в бок пырнули, а то – крысиный яд! После агонии на покойничка смотреть страшно, с души воротит, а ведь алии считают, что смерть должна быть достойной. В общем, я не сомневалась, что обо всем догадалась верно.

Рассуждать-то я рассуждала, а тем временем дело делала. У меня все всегда под рукой, по-другому при моей должности нельзя. За кипятком на кухню самой пришлось бежать, а то пока дозовешься кого, уже ничего и не понадобится…

Вы когда-нибудь видели алия, которого выворачивает наизнанку? Я вот видела: зрелище малоаппетитное, а от человека в тот момент его великолепие абсолютно ничем не отличался. Я тем временем кой-каких травок заварила, как меня бабушка учила. Это зелье даже выглядит тошнотворно, от запаха и здорового воротит, а уж про вкус я и вовсе молчу… Зато отрезвляет моментально, да и от похмелья спасает лучше не надо (если, конечно, кто решится эту пакость выпить). Собственно, алию деваться некуда было: после того как тебя полчасика отчаянно тошнило, особенно не посопротивляешься, а я, повторюсь, девица крепкая, у меня еще никто не вырывался… Ну а поскольку я в отвар еще кой-чего добавила, то у его великолепия живо глаза закрылись.

Дышал он ровно, умирать не собирался… До утра, глядишь, оклемается, тогда пускай сам и решает, что делать да как быть! Правда, сомнительно, чтобы он хоть о чем-то вспомнил, ну а я стану твердить, мол, он просто упился до полного неприличия и свалился в коридоре. Не звать же было слуг на подмогу, чтобы тащить его великолепие через весь замок в его покои, устроив несусветный шум? Это ж для алия позор на всю оставшуюся жизнь, а поскольку живут они немало… Думаю, он меня еще и поблагодарит, и за молчание заплатит. Опять же и человеческий интерес соблюден: кто бы ни сыпанул в вино крысиного яда, он желаемого не добился, стало быть, все останется по-прежнему и никакой беды не приключится. Вот и хорошо!

Я взглянула на спящего алия. Между прочим, спал он на моей

кровати, так что мне предстояло коротать ночь в старом кресле. Хотя что там коротать, до утра всего ничего осталось! Господа к рассвету как раз улягутся (кто еще на ногах стоит), а у слуг самая работа начнется: прибраться, обед приготовить, да мало ли еще что… А я знай доглядывай, чтобы все делалось вовремя и как полагается, а то, случись что, кому отвечать придется? Правильно, старшей ключнице!

Мне эта должность от бабушки досталась. Кто-то нос сморщит и фыркнет, дескать, подумаешь, всего-навсего ключница, даже не горничная при герцогине и тем более не придворная дама… Однако кто, спрашивается, день за днем следит за порядком в замке, проверяет кладовые, составляет списки необходимого, отряжает слуг на работу, ругается с экономом и старшей поварихой? Снова я…

Бабушка моя, начинавшая всего-навсего младшей помощницей при тогдашнем ключнике, прижила моего отца от внебрачного сына тогдашнего герцога, чем всегда очень гордилась. Герцогский бастард, впрочем, вскоре пропал, и никто больше никогда его не видел и не слышал о нем. Ходили слухи, что к этому исчезновению приложил руку сам герцог: у него был лишь один законный сын, и тот еще совсем юный, вот старик и опасался, что резвый бастард возжелает избавиться от сводного братца и занять отцовское место. (Впоследствии, говорят, герцог признавал, что, может быть, оно было бы и к лучшему.) Что на самом деле приключилось с моим дедом, неведомо: то ли просто отослали с глаз долой, то ли вовсе пустили в расход, теперь уж никто не скажет…

Отец же мой, не дождавшись, пока бабушка найдет ему подходящую супругу, может быть, даже не совсем из простых, затащил на сеновал красивую деревенскую девку… Так на свет появилась я. Отец же испарился, вероятно, убоявшись материнского гнева, и с тех пор его никто в нашем герцогстве не видел: должно быть, эта способность исчезать бесследно передавалась по мужской линии.

Бабушка сперва схватилась за голову, а потом забрала к себе мою мать со мною вместе. Однако мама в замке не прижилась: буйные забавы господ ее пугали, а в горничные она не годилась, поскольку представления не имела, как обращаться с дамскими платьями и прическами. В поварихи же или простую прислугу ей хода не было: бабушка не допустила бы, чтобы невестка старшей ключницы (к тому времени бабка уже заняла это место) горбатилась наравне с мелкой челядью. Вот поэтому мама вскоре отправилась обратно в деревню, где вскоре и вышла замуж – приданое за ней бабушка дала неплохое. Теперь у меня сводных

братьев и сестер человек семь наберется.

Я же осталась при бабушке – она взялась воспитывать из меня достойную преемницу, и с самого раннего детства я была при ней: училась читать, писать и считать, запоминала, как ведется большое хозяйство, как искать недостачи, ловить нечистых на руку слуг, сберегать герцогское добро…

Я отвлеклась от воспоминаний и снова посмотрела на спящего алия. Сейчас в нем не сыскать было и капли знаменитой волшебной красоты. Лицо казалось бледным до зелени, глаза запали, даже нос заострился, перепутанные волосы промокли от пота и облепили виски. И не казались хваленые алийские локоны ни золотыми, ни серебряными: обычные светло-русые, пепельные даже, но в неверном свете лампы поди разбери… Должно быть, на солнце эти кудри и впрямь засверкают серебром! Если их отмыть, да.

Впрочем, недосуг мне было полумертвых алиев рассматривать. Я начала прибираться, а заодно размышляла, как все-таки поступить и что говорить алию, когда он очнется. Положим, байку про то, как я его в коридоре повстречала, я ему расскажу, но если он хоть что-нибудь помнит, то не поверит. И тогда либо решит промолчать, чтобы не поднимать скандала, либо… Чего доброго, меня в свидетельницы потянет, а это его светлость, герцога нашего разлюбезного, вовсе не порадует! Да и мне репутацию портить не с руки… Первая заповедь, что мне бабушка в голову вдолбила: старшая ключница про все и всех в замке должна знать, все видеть, все подмечать и принимать к сведению, но при этом помалкивать. Иначе какой от нее прок?

Я выпрямилась и взглянула в зеркало. Его бабушке подарила одна из дочерей старого герцога как раз за умение молчать: бабушка застала ее в весьма недвусмысленной ситуации с одним придворным, бедным, почти нищим, зато красивым и пылким. Это при том, что у девушки уже жених имелся, которого ей отец подыскал, немолодой и далеко не красавец, зато весьма влиятельный вельможа, отношения с которым портить было не с руки. Бабушка и сделала вид, будто ослепла и оглохла, и никому и словечком не обмолвилась. (Мне вот только рассказала, да тогда уж ни того вельможи, ни старого герцога в живых не было, а любвеобильная девица давно внуков нянчила.) Вот откуда взялось это зеркало, по тем временам вещь редкая и дорогая, пускай и не слишком большая – поменьше обеденной тарелки, пожалуй… Однако и теперь такой чистоты стекло не враз отыщешь, а и отыщешь – стоить оно будет на вес золота, а то и побольше.

Из холодной глубины на меня взглянула суровая на вид

статная темноволосая девица. От этой суровости да еще от строгого платья и гладкой прически кажусь я старше, чем есть на самом деле, зато придворные кавалеры не суют мне в руку золотые, приглашая лично прибраться у них в опочивальне. Пробовали раньше, конечно, только стоило мне глянуть в упор, эти галантные господа мигом куда-то испарялись. Бабка говорит, точно так старый герцог смотрел, когда ему что не по нраву было. А и верно, я видела фамильные портреты герцогского рода: эти холодные серо-зеленые глаза, считай, у каждого, и прищур одинаковый! Нынешнему герцогу, правда, ни взгляда отцовского, ни характера не досталось, а вот наследник его – вылитый дед. Может, и нехорошо так говорить, только многие ждут не дождутся, когда, наконец, он отцовское место займет: совсем тот сдал к старости, а все еще за власть цепляется, никак ее сыну уступить не хочет…

Я закончила уборку, села в кресло, думала вздремнуть до рассвета, но спать не хотелось. Какой уж тут сон, когда не знаешь, чего от завтрашнего утра ждать! И надо мне было этого алия к себе тащить?.. Но ведь все равно ничего другого не оставалось, что уж теперь казниться?

Так я и промаялась до утра, не зная, что предпринять. Пойти, может быть, к его светлости да и рассказать все как есть? Он, в отличие от отца, за голову хвататься и в панику впадать не станет, а что-нибудь дельное придумает, такое, чтобы и алиям обиды не вышло, и у нас беды не приключилось… Но этак я поступлю лишь в том случае, если самой не удастся с алием договориться. Впрочем, на это я мало надеялась: ну кто я такая, чтобы их великолепие со мной разговаривать стал, а тем более – договариваться? Служанка обыкновенная… (Тут я глянула в зеркало и взялась за гребень – не дело даже после бессонной ночи выглядеть растрепой, бабушкина наука.)

«Нет, герцогу лучше ничего не говорить, во всяком случае пока, – решила я, причесываясь. – А вдруг окажется, что это его рук дело или кого-то из придворных и обо всем он распрекрасно знает… То-то я влипну! А вот алию лучше рассказать, не то неизвестно, чем его еще попотчевать могут. Пусть уж остережется… Мое дело – предупредить, а если он слушать меня не станет – ну так кто ж ему враг?»

Стоило мне об этом подумать, как алий (будто мысли мои прочитал!) очнулся от мертвого сна, разлепил длиннющие ресницы и взглянул на меня вполне осмысленно.

Вот тут-то мне и стало понятно, отчего наши придворные прелестницы из кожи вон лезут, лишь бы обратить на себя внимание кого-нибудь из их великолепий. Что там лицо, что там

локоны золотые-серебряные!..

Ох и глаза же у него были… Вчера-то мне некогда было разглядывать, а теперь…

Глаза у алия оказались не синие и не зеленые, не бирюзовые и не серые – говорят, морская вода такая, изменчивая, да я моря не видела, врать не стану, – очень темные, в тени и за черные бы сошли, и в то же время прозрачные… Словом, не бывает у людей таких глаз. Меня аж мороз по коже продрал.

– Где я? – спросил он совсем тихо. Видать было, в голове у него полная ясность наступила. Иначе и быть не могло, бабкины травки никогда не подводят. – Кто ты такая?

– Я старшая ключница этого замка, – негромко ответила я (голова у него с похмелья должна была болеть, вот я и поостереглась), – а вы, ваше великолепие, вчера пьяны были до такой степени, что в коридоре чуть не упали. Уж простите, до ваших покоев мне никак вас не дотащить было, а слуг я звать не стала, только шум лишний поднимать…

Я полагала, он быстро сообразит, что к чему, и начнет приказы сквозь зубы цедить, как алии это обычно делают, но он только задумался на минуту и спросил:

– В каком коридоре?

Вот тут меня оторопь взяла. И только сейчас я вспомнила вчерашнее свое удивление: в самом деле, что позабыл алий там, где я его подобрала?

Ответила я правду, потому что врать смысла не было:

– В том коридоре, что ведет в крыло, где слуги живут.

Тогда он огорошил меня еще больше, спросив:

– Я был один?

– Я никого больше не видела, – ответила я чистую правду, а сама подумала: то ли у него с головой не все в порядке, то ли тут затевается что-то нехорошее.

Он призадумался на минутку, потом словно бы что-то сообразил и задал очередной вопрос:

– Раз ты старшая ключница замка, стало быть, ты и есть Берта Трай?

Я чуть дара речи не лишилась, но все же совладала с собой и ответила:

– Никак нет, ваше великолепие, я ее внучка. Берта Трай умерла позапрошлой зимой.

Алий взглянул на меня, убедился, что я не шучу, и рассмеялся коротко и зло, словно говоря: «Ну и дурак же я!» Должно быть, его великолепие напрочь позабыл, что люди живут куда как поменьше алиев! Такое случалось, и не раз, и ладно бы со слугами – их и люди не запоминают, зачем? Но ведь и герцогов

алийские послы распрекрасно путали с их предками! И поди знай, то ли случайно, то ли нарочно, чтобы подчеркнуть, насколько алии выше каких-то там недолговечных людишек… Ух, как герольды этого боялись и как костерили потом алиев, если удавалось вывернуться… а если не удавалось – так и втройне! Надо ведь было и этикет соблюсти, и дать понять его великолепию, послу алийскому, что тот самую чуточку ошибся, всего-то на два-три поколения… И при этом не оскорбить, не обидеть даже в самой малости, ухитриться ни малейшего намека не допустить на то, что люди усомнились в алийской безупречности! Словом, нет ничего удивительного в том, что таких гостей у нас не любят.

Но я отвлеклась.

Конечно, одна загадка разрешилась: теперь ясно стало, что делал его великолепие ночью в коридоре, который ведет в крыло прислуги. Ему зачем-то понадобилась бабушка Берта, он, должно быть, дождался, пока остальные перепьются до такой степени, что не обратят внимания на его уход, и отправился сюда. Только кто-то, видно, знал или догадывался о предстоящем визите его великолепия и озаботился тем, чтобы алий никуда не дошел. Но то ли не рассчитал с порцией отравы, то ли на алиев крысиный яд действует иначе, чем на людей… Во всяком случае, он почти добрался до места, прежде чем его скрутило. И вот теперь ломай голову: что же все-таки могло связывать алия и мою бабушку? И какие неприятности могут мне грозить из-за этого?

– Значит, Берта умерла… – протянул алий, потом снова взглянул на меня, а я опять поразилась необыкновенной красоте его глаз. Вот только холод в этих глазах царил невозможный, обледенеть впору. – Ты ее внучка… Скажи, она не передавала тебе на хранение какую-нибудь вещь?

– Какую вещь, ваше великолепие? – вконец ошалев, спросила я.

– Передавала или нет? – не терпящим возражений тоном повторил алий.

– Нет, ваше великолепие, – смиренно отвечала я, памятуя о том, что терпение алиев лучше не испытывать, поскольку этой добродетелью их великолепия обделены начисто.

– Берта не рассказывала тебе никаких… – Он сдвинул брови, как будто пытался подобрать подходящее слово. Может, и так: алий говорил по-нашему чисто, почти без акцента, но все равно чувствовалось – этот язык ему не родной. Время от времени он будто в словарь заглядывал и проверял, нужное ли слово выбрал, то ли оно означает, что он хочет высказать? Звучит странно, но так оно выглядело со стороны. – Никаких историй, тайн,

связанных с каким-либо предметом?

– Нет, ваше великолепие, – окончательно растерялась я. Меня уже не столько занимали бабушкины тайны, сколько то, что алий вполне мирно со мной беседовал. – Разве что… говорила про это вот зеркало.

– Что именно? – спросил он, коротко взглянув на свое отражение и брезгливо отвернувшись, и я пересказала ему историю про дочку старого герцога и ее безденежного любовника. Впрочем, алий почти сразу потерял всякий интерес к моему рассказу, сказав: – Не то… Больше ничего?

– Нет, ваше великолепие, – в который раз повторила я и добавила: – Может быть, она и рассказала бы, раз это было так важно, только бабушка умерла внезапно, ночью, просто заснула и не проснулась.

Алий вполголоса произнес что-то не по-людски, выругался, должно быть, и снова задумался. Мне, признаться, некогда было на его красоту таращиться, потому что уже рассвело, и мне следовало приниматься за дело.

– Ваше великолепие, – решилась я прервать мрачную задумчивость алия. – Вы уж извините, но меня работа ждет… Все, что мне от бабушки осталось, здесь, в комнате, ничего не пропало. Хотите – ищите эту вашу вещь, а я пойду, меня за безделье по голове не погладят.

Алий меня словно бы и не услышал, так что я тихонько выскользнула за дверь и с облегчением перевела дыхание. Пускай сам ищет, что ему нужно, если не побрезгует в моих вещах рыться. Уж, наверно, не присвоит скромные мои сбережения и простенькие украшения, бабушкины подарки… А у меня и впрямь дел невпроворот!

Глава 2

Закрутившись по хозяйству, я и думать позабыла обо всяких тайнах. Как наши господа гуляют – это ж уму непостижимо! А если еще и перед заезжими алиями начнут выделываться, так и вовсе туши свечи… Два десятка слуг к полудню еле-еле пиршественный зал в порядок привели!

А к вечеру господа проспались, поправили здоровье и приготовились повторить вчерашний кутеж… Надеюсь, алии скоро уедут, потому как такие празднички мало того что обходятся в невиданные суммы, так еще и прислугу выматывают сверх всякой меры. Поди побегай, поугождай пьяным вдрызг господам!.. И ладно бы своим, тех-то напросквозь знаешь – одному так нужно угождать, другому этак, один любит молоденьких служанок в уголке зажимать, другому непременно

ванну подавай, да погорячее, один во хмелю делается буен, другой, наоборот, раскисает и начинает плакать и ушедшую юность вспоминать… А вот с алиями никогда не угадаешь, что им придется по нраву, а что нет. Хорошо, у них свои слуги есть, но с ними-то тоже надо как-то разговаривать… Та еще морока!

Так вот, после полудня я выкроила минутку, чтобы забежать к себе. Интересно, убрался ли этот странный алий восвояси?

Как оказалось, никуда он не делся. И, похоже, поискать то, что ему так нужно было, все-таки не побрезговал. Вроде ничего в комнате и не изменилось, а все же… Кресло чуть-чуть развернуто, зеркало на столике не так стоит, как я привыкла… Вроде бы мелочи, но в своем жилище их сразу приметишь!

– Как тебя зовут? – спросил меня алий, стоило мне войти в комнату.

Ну конечно, додумался спросить, не прошло и полугода… Хотя мог бы и вовсе не поинтересоваться, зачем ему мое имя?

– Марион Трай, ваше великолепие, – ответила я.

Фамилия у меня бабушкина, как и у отца. Да и дед мой не ту фамилию носил, что его родной отец. Кто б ему позволил герцогской-то называться?

– Вот что, Марион… – Имя мое алий выговорил с легкой гримаской, словно оно у него во рту застревало. – Здесь нет того, что я ищу. Но оно должно здесь быть.

– Но, может… – начала было я, но его великолепие слушать меня не собирался.

– Берта знала о ценности этой вещи, – сказал он. – Причин сомневаться в ее честности у нас не было.

«У кого это – у нас?» – подумала я, но промолчала.

– Возможно, эта вещь пропала после ее смерти, – добавил алий.

Я невольно вспомнила утро, когда нашла бабушку бездыханной…

Кажется, помогать мне тогда приходили другие служанки, всего трое. И я прекрасно помню, кто это был. Могла какая-нибудь из них прихватить какую-нибудь вещицу из бабушкиной комнаты? Вполне.

– Я вижу, тебе понятен ход моих мыслей, – сказал алий, пристально наблюдавший за мной.

– Да, ваше великолепие, – кивнула я. – Возможно, эту вашу вещь стащил кто-то из прислуги, когда бабушку Берту готовили к похоронам. Я помню, кто тогда заходил сюда.

– Замечательно, – сухо сказал он. – Будь любезна выяснить, у кого эта вещь, и верни ее мне.

– Ваше великолепие! – воскликнула я, видя, что он

направляется к двери. – Но скажите хотя бы, что это такое! О чем я должна расспрашивать служанок? И как?

– Как – это не мое дело, – ответил алий, холодно глянув на меня через плечо. – Могу сказать лишь одно: этот предмет был невелик и очень красив.

Я мысленно выругалась, да так, что любой конюх позавидовал бы. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Похоже, его великолепие и сам толком не знал, что ищет…

Замечательно! Я унаследовала от бабушки должность и кое-какое имущество, а теперь выходит, что и ее странные обязательства перед алиями тоже перешли ко мне… Конечно, если я найду то, что нужно, я отдам это законному владельцу, а если не найду? Тогда что?

– Хорошо, – сказала я. – Я поговорю с теми служанками, как только представится случай, ваше великолепие.

– Прекрати величать меня «вашим великолепием», – поморщился алий.

– Как прикажете, господин, – пожала я плечами. Какая мне разница, как именовать высокородного гостя? Лишь бы не обиделся! – Как тогда мне вас называть?

– Зови меня Ирранкэ, – сказал он. – Полного моего имени тебе все равно не выговорить.

– Как прикажете, господин Ирранкэ, – спокойно произнесла я. – Могу ли я задать вам один вопрос?

Он едва заметно приподнял брови, и я спросила:

– Эта вещь, что вы ищете… Это из-за нее вас вчера пытались отравить?

– Отравить? – В голосе алия слышалось неподдельное изумление, и я поняла – он в самом деле ничего не помнит из произошедшего вчера! – О чем это ты?

– Вчера я повстречала вас в коридоре, господин Ирранкэ, я уже говорила, – пояснила я. – Сперва мне показалось, что вы просто пьяны, но потом я догадалась, что с вами не все в порядке. Не спрашивайте о подробностях, пожив с мое в этом замке, такие вещи начинаешь понимать с полувзгляда. Судя по всему, это была обыкновенная отрава для крыс. Вероятно, ее подмешали в розовое вино, оно достаточно терпкое и душистое для того, чтобы перебить привкус и запах яда.

– Замечательно, – фыркнул алий. Глаза его потемнели, словно небо заволокло грозовыми тучами, и сделались почти черными. – Хорошо. Я благодарен за предупреждение. Когда допросишь тех, кто мог стащить… эту вещь, найди меня. Мы задержимся здесь еще на несколько дней.

С этими словами алий покинул мою комнату, чему я была

несказанно рада. Тяжело все же с ними разговаривать, особенно если не ограничиваться «да, господин» и «будет сделано, господин»…

Ничего не поделаешь: выкраивая по несколько минут, уже к вечеру я сумела переговорить со всеми тремя служанками. Как и следовало предполагать, ничего ценного я от них узнать не смогла. Правда, одна из них так долго мялась перед тем, как ответить, что я уж было обрадовалась, но… Выяснилось лишь, что нахальная горничная не устояла перед соблазном и прикарманила несколько серебряных монет, непредусмотрительно оставленных бабушкой Бертой на столике у зеркала. Воровка клялась именем Создателя, что больше ничего не тронула, и я вынуждена была поверить ей на слово.

Впрочем, навряд ли я сумела бы отличить наглое вранье от правды, я всего лишь ключница, а не герцогский дознаватель! Конечно, должность моя такова, что разбираться в людях необходимо, но… опыта у меня, как ни крути, пока маловато. Вот бабушка – та вмиг бы поняла, врет горничная или говорит правду!

Другие две служанки, немолодые и вполне порядочные женщины, заметно удивились моим расспросам, однако и они уверяли, что ничего не брали…

И что мне оставалось делать? И что я могла предпринять, по большому-то счету? Оставалось только пойти и доложить как есть, а дальше его великолепие пускай сам разбирается…

И только я всерьез собралась отправиться искать алия, как ко мне припожаловала гостья. Была это моя матушка, и в любой другой день я бы очень ей обрадовалась, но сегодня ее рассказы о деревенском житье-бытье пролетали у меня мимо ушей.

Вдобавок возникла у меня интересная мысль: почему это его великолепие так уверен, что таинственная вещица пропала именно после смерти бабушки? Если вещь была так важна, вряд ли бабушка держала ее на виду или носила с собой. Скорее всего, она припрятала доверенную ей ценность как следует… Но я заглянула в наш тайничок: ничего там не было, кроме нескольких монет, прибереженных на черный день. Но, может быть, кто-то еще знал о тайнике? Знал – и прибрал ту вещицу к рукам, рассчитывая на то, что бабушка не каждый день заглядывает туда?

Я взглянула на матушку, одетую в лучшее платье. Она всегда наряжалась, когда шла навестить меня, – гордилась, что дочь служит в замке, да не судомойкой или горничной, а ключницей! – вот и старалась не ударить лицом в грязь. Я прекрасно помнила эту темно-синюю ткань, слишком дорогую для простой крестьянки, равно как и скандал, разразившийся из-за нее в замке

пару лет назад.

Дело было так: одна из придворных дам заказала себе отрез прекрасной материи, рассчитывая пошить платье для конных прогулок, но оказалось, что другая модница ее опередила. Расстроенная красавица велела случившейся поблизости бабушке выкинуть отрез с глаз долой, но, конечно, та и не подумала выполнить приказ: не в ее привычках было разбрасываться хорошими вещами. Ткань эта пролежала в сундуке до тех пор, пока окончательно не вышла из моды (а произошло это очень скоро), и тогда бабушка отдала ее матери. Да-да, так и было! Бабушка как-то раз затеяла разбирать вещи перед зимними праздниками и нашла этот отрез, думала еще, что с ним делать: мне что-нибудь сшить или себе… А потом к нам заглянула мама, ей он и достался, отличный подарок, не стоивший бабушке, по сути, и медной монетки!

Что и говорить, она была прижимиста, а матушка радовалась любой мелочи. Хорошая же материя – вовсе не мелочь! Там не только матушке на платье хватило: она ведь не носила пышные юбки со множеством складок и шлейфом, как придворные дамы, поэтому еще и моим сестренкам на обновки осталось. То-то соседки завидовали…

И тут меня посетила кощунственная мысль: а уж не она ли?.. Думать так было стыдно, но… житье-бытье в герцогском замке приучило меня думать о людях не слишком хорошо. Слишком часто я видела, как любящие родственники рыдали на похоронах ими же отравленных мужей и жен, дядьев и кузин, а потом сцеплялись за наследство не на жизнь, а на смерть, куда там бойцовым псам!

Ведь матушка была здесь незадолго до бабушкиной смерти? Была… И ведь она могла даже не подозревать о ценности той вещи! Несмотря на возраст и уйму детишек, в некоторых вещах она – сущий ребенок.

– Матушка, – сказала я, перебив рассказ о проказах самого младшего своего братишки. – А ты помнишь, когда в последний раз видела бабушку?

– Так на похоронах, – удивленно ответила она.

– Нет, я имею в виду, еще живой, – пояснила я.

– Ну… – задумалась она. – А вот прямо перед тем, как померла она… Ну да. Тогда она мне денег немного дала да младшеньким гостинцев собрала, как обычно делала… Точно, точно, а на следующий день и не стало ее…

– А когда ты была здесь, – начала я, чувствуя неожиданный азарт. – Ты… Матушка, не подумай, что я обвиняю тебя, но… Ты не брала ничего из нашей комнаты? Безделушку какую-нибудь?

По внезапному румянцу, залившему ее лицо, я поняла, что попала в точку. Врать она не умела совершенно, а когда пробовала, ее тут же выдавали бегающие глаза и пламенеющие щеки, а то и уши.

Наверно, потому и в замке ее бабушка не оставила: чтобы тут служить, нужно быть себе на уме, держать язык за зубами и, если уж по собственной косорукости что-нибудь натворила, уметь извернуться так, чтобы избежать наказания. Скажем, горничные в глаза врали хозяйкам, что это кошка прыгнула на туалетный столик, уронила флакон с духами, рассыпала коробочку пудры и закатила в какую-то щель баночку с помадой, пряча при том те самые коробочки и баночки в кармане фартука.

Духи так просто не приберешь, запах выдаст, а вот всякие мелочи наподобие красок да шпилек – запросто. Ну и, конечно, приметные вещи точно не брали, а ворованными белилами и пудрой пользовались потихоньку, когда на свидания бегали. А то и продавали это горожанкам, знала я и таких девиц…

– Ой… – сказала матушка, комкая накрахмаленный передник. – Да я ж… я ж не нарочно… Так как-то само собой вышло… Разве ж я стала бы?..

Из ее путаного рассказа я сумела понять следующее: в тот день, когда матушка пришла к бабушке, та очень торопилась по делу и велела ей подождать. Дожидаясь, матушка разглядывала комнату, дивилась на зеркало, какие не у всяких господ имеются, и вдруг заметила на подзеркальном столике какую-то вещичку. Я же говорю – кое в чем она сущий ребенок и, увидев что-нибудь блестящее, ни за что не удержится, чтобы не схватить ее и не рассмотреть поближе. Так оно и вышло… Но стоило матушке взять ту штучку в руки и начать разглядывать, поражаясь тонкой работе, как вернулась бабушка.

Матушка ее всегда побаивалась, к тому же знала, что та не любит, когда без спроса берут ее вещи, потому и спрятала безделушку в карман, рассудив, что потихоньку положит ее на место, как только бабушка отвернется. Но случая так и не представилось, признаться честно, мама побоялась, так и ушла, унося с собой явно дорогую и красивую вещь.

Мучилась она при этом несказанно, поскольку чужого в жизни не брала… Хотела на следующий день заглянуть еще разок и отдать вещичку мне, чтобы я тайком положила на место, да закрутилась по хозяйству… И вдруг ей сообщили, что бабушка-то умерла. Тут уж вовсе не до блестящих безделушек стало.

– Так она все еще у тебя? – не веря своей удаче, спросила я.

– У меня, у меня, – кивнула она. – Припрятала я ее как следует, чтобы маленькие случайно не нашли, а то заиграют.

Выбросить жалко, красивая, да и выглядит дорого, продать – так не моя ж она, да и спросят, откуда взяла? По-хорошему, давно надо было тебе отдать, да только… – Она замялась. – Вот уж в руки возьму, соберусь с собой захватить, как к тебе пойду… ан не могу! Не пускает что-то… Вот ведь! Отродясь жадиной не была, никогда к барахлу не привязывалась, а тут…

– Вот что, – перебила я. – Я-то про эту вещичку и вовсе знать не знала. А тут пришел ко мне один знатный господин, да и говорит, мол, вещь эта была твоей бабке на сохранение дана, так что изволь вернуть! А я ни сном ни духом!.. Хорошо, догадалась тебя спросить.

– Дорогая, да? – спросила матушка, и я тут же поняла, что просто так она мне ту безделицу не отдаст. – А господин-то богатый, поди?

– Очень богатый, – поспешила я заверить, подумав, что вряд ли алий откажется заплатить за столь необходимую ему вещь. – И грозный! Дал мне сроку три дня, чтобы эту штучку отыскать. Если найду, обещал наградить, а не найду – наказать. Так что… ты уж принеси ее, сделай милость, а я всю награду тебе отдам. Мне-то она не очень и нужна, а у тебя младшие, небось, опять изо всех одежек повырастали? Зима ведь скоро! И лошадь новую вы давно купить собираетесь…

– Ох, и верно… – вздохнула матушка.

Я знала, чем ее пронять: братья и сестры мои и впрямь росли, как сорная трава, и денег в доме вечно не хватало, и то – такую ораву одеть, обуть, накормить, в учение пристроить!

– Сегодня уж не успею обернуться, – добавила она, – мне еще скотину надо обиходить, да по дому дел выше крыши… Завтра с утра непременно принесу, а ты уж постарайся, дочка, чтобы тот господин хорошенько заплатил. А то они, господа эти, обещать горазды, а как до дела дойдет, так живо в кусты!

Она явно намекала на моего отца, которого так и не позабыла за столько лет: говорила, только на меня взглянет, а он уж перед глазами стоит – статный красавец, только подмигнет, а у глупых девиц уж сердце колотится и коленки подгибаются! Вот и подогнулись… Только замуж выйти за него не удалось, я уж рассказывала.

Я заверила ее, что сделаю все как надо, проводила до ворот, а сама отправилась искать алия. Дело шло к вечеру, скоро господа снова примутся веселиться, и в этой кутерьме отыскать его великолепие будет затруднительно.

Мне повезло: алий обнаружился на одной из галерей замка, выходящих в парк. Вид у него был одновременно неприступный и невыносимо скучающий. Наши придворные прелестницы – уж я-то

видела! – извелись, не зная, как подступиться к гостю, который на них и не глядел.

Мне что, я не придворная дама, разводить всякие реверансы мне не с руки, поэтому я просто подошла потихоньку и окликнула:

– Господин Ирранкэ…

– А, это ты. – Алий смерил меня ледяным взглядом своих невозможных глаз. – Удалось что-то узнать?

– Да, господин Ирранкэ, – ответила я спокойно. – Я нашла человека, присвоившего эту вашу вещь.

Говоря это, я искренне надеялась, что матушка моя тогда унесла с собой не серебряную пудреницу и не золоченую шпильку для волос.

– И где же она? – Голос у алия был по-прежнему спокойным, но я видела – он весь подобрался, как охотничья собака, почуявшая дичь, и чуть не дрожал от нетерпения.

– Дело в том, господин Ирранкэ, – сказала я, – что человек этот задаром расставаться с вашей вещью не желает. Он обещал принести ее завтра поутру, но взамен рассчитывает получить вознаграждение.

– Ясно, – неожиданно улыбнулся алий. Улыбка его совершенно не красила, скорее даже наоборот. – Сколько?

– Он надеется на вашу щедрость, господин Ирранкэ, – дипломатично ответила я.

С него сталось бы отблагодарить вора десятком плетей, вот что пришло мне на ум, и отдавать такую награду матушке, равно как и забирать ее себе, мне вовсе не хотелось!

– Надеюсь, ты не сказала ему, кто я такой? – осведомился он. – Иначе жалкой полусотней золотых я не отделаюсь.

Полусотней золотых?! Жалкой?! У меня волосы на голове зашевелились! Да на такие деньжищи вся моя семья сможет жить много лет, ни в чем себе не отказывая! А если распорядиться ими с умом…

– Разумеется, нет, господин Ирранкэ, – ответила я, стараясь унять дрожь в голосе и прекратить считать мешки шерсти с не то что не остриженной, а еще и не купленной овцы. – Я назвала вас просто знатным господином.

– Хорошо, – сказал он. – Ты получишь деньги. Но если вздумаешь меня обмануть…

Я опустила глаза. Все прекрасно знали, что пытаться надуть алия не стоит. Не потому, что это невозможно, очень даже возможно, но только обманщику стоит приготовиться к тому, что жизнь его с этого момента превратится в пытку. Потому что местью обманщику ни один алий, будь он хоть самим их князем,

не погнушается, прирежет своими руками, и хорошо, если сразу, а не запытает… По части пыток алии мастера, это всем известно.

Глава 3

Деньги я и впрямь получила тем же вечером: увесистый кожаный мешочек принес слуга его великолепия. Многие не верят, что алии тоже бывают в услужении, но не могут же все они родиться знатными? Конечно, их слуги перед людьми тоже нос дерут будь здоров, да не только перед челядью, а и перед господами, но этот не показался мне особенно чванливым. Разговоров мы с ним не разговаривали, он просто отдал деньги из рук в руки и тут же испарился. Ну, с таким господином, как его великолепие, мешкать не стоит…

Всю ночь я проворочалась с боку на бок, а уже утром, когда причесывалась перед зеркалом, твердо решила, что всех денег матушке не отдам. Они с отчимом к таким деньжищам непривычны – или спустят на ненужную ерунду, или, чего доброго, ограбят их! Иные и за медную монетку зарежут, что уж о сотне золотых говорить? А у матушки язык за зубами не удержится, это уж точно, похвастает неожиданно привалившим богатством… А даже если и смолчит, все равно заметно будет – в деревне народ глазастый, вмиг приметят обновки, покупки… Ту же лошадь за пазухой не утаишь! Ну а там… слово за слово, матушка и сболтнет, откуда на них такое счастье свалилось, а как знать, кто может это услышать? Ключница, значит, из замка матери сотню золотых дала? А у нее такие деньжищи откуда? Украла или кто-то за что-то отблагодарил? Этак слух может дойти и до того, кто охотился за господином Ирранкэ! И вдруг он концы увяжет да и заявится ко мне выспрашивать, что у меня за дела с алиями?

Нет уж, довольно будет матушке и пяти золотых для начала, а остальное получит по мере надобности. Про такие деньги еще можно сказать, что скопили немного, я кое-что дала, а может, наследство от дальнего родственника досталось – отчим не местный, его семью тут никто не знает, можно придумать какого-нибудь дядюшку-бобыля, облагодетельствовавшего племянников.

Себе-то я эту награду не оставлю, мне своего заработка хватает… Но именно что хватает, выкроить из него лишку удается с трудом: не такое уж у меня большое жалованье, как многие думают. Конечно, я все равно помогала деньгами семье, но то были сущие крохи. Опять же, и о себе думать нужно: случись что, оказаться без медяка в кармане и врагу не пожелаешь, а на господскую милость лучше не рассчитывать – сегодня ты у них любимая служанка, а назавтра они о тебе и

думать забыли!

Ну ничего, теперь лучше дела пойдут…

Матушка не обманула, заявилась еще до рассвета, отдала мне нечто, завернутое в мягкую тряпочку, взамен получила кошелек с монетами (я озаботилась разменять золото на серебро с медью, а то ведь и на этом ее обмануть могут!), пересчитала и ахнула:

– И впрямь богатый господин попался! Теперь-то уж точно лошадь купим, а может, и телочку еще одну…

– Лучше тот лужок за ручьем возьмите, – посоветовала я. – Я слышала, на будущий год там запруду будут строить, так у вас его втридорога выкупят. Не продешевите только! Я узнаю, сколько за него сейчас просят, если по-честному, и вам скажу, так что не торопитесь.

Она закивала, расцеловала меня и была такова, только подол платья мелькнул, того самого, синего…

Теперь бы не оказалось только, что вещь – совсем не та, что нужна его великолепию!

Я развернула тряпочку, чтобы получше рассмотреть безделушку: странная это была вещица, вроде бы из серебра, только больно уж тяжелая… А работа до того тонкая, что просто не верится! Людям такого не сделать, это уж точно.

И, главное, никак не разобрать, что это такое и для чего оно нужно? Сперва поглядела – на дамскую брошку похоже: с одного конца полураспустившийся цветок наподобие розы, внутри бутона – то ли птичка, то ли бабочка, такая крохотная, что ее в зрительное стекло надо рассматривать, как ювелиры делают! Но и так, если хорошенько приглядеться на свету, видно, что у этой птички-бабочки каждое перышко видно (а может, чешуйку?) и черные глазки-камушки размером с маковое зернышко блестят. А с другого конца «стебелька» – острие, вроде как у стрелы, только зазубренное (хотя вроде бы и такие бывают, я слыхала, нарочно, чтобы из раны так просто не выдернуть). Но уж больно зазубрины странные, неровные какие-то…

Чуть иначе повернула – и не заколка это никакая, а, скорее, ключ. Стержень змейка обвивает, и это у нее на голове то ли крылышки пристроены, то ли веточка плюща, на которой сидит птичка. А бородка узкая, прихотливо вырезанная, и даже представить трудно: какой же это мастер мог сделать замок, для которого этот ключ подойдет? Есть умельцы, конечно, которые и для крохотных шкатулочек делают замочки, но такой тонкой работы я никогда не видала!

Я долго вертела эту безделушку в руках, но так и не поняла, зачем она нужна… и как на самом деле выглядит. Да мне и не нужно понимать, если уж на то пошло! Я снова завернула вещицу

в тряпочку, спрятала в карман и отправилась искать его великолепие.

Алий снова стоял на галерее, будто нарочно поджидал (может, и поджидал), а увидев меня, ни о чем не спросил, но посмотрел так, что стало ясно: его разбирает нешуточное любопытство, вот только к нему примешивалась и нешуточная тревога, и даже страх почему-то. Хотя разве алии чего-то боятся? Вот странно…

– Господин, – сказала я, поприветствовав его великолепие и вовремя сообразив, что знать его имя, а уж тем более произносить вслух там, где это могут услышать, мне не положено. – Я нашла то, что вы искали.

«Надеюсь, это именно оно», – добавила я про себя.

– Не вздумай достать это при всех, – негромко произнес он, глядя в сторону. – Слишком много любопытных вокруг.

Что верно, то верно, в замке соглядатаев полным-полно, и не известно еще, кому они служат.

– Придешь ночью на старую галерею. В два часа пополуночи, – сказал он и удалился.

«Дивно придумано, – только и вздохнула я. – В два часа пополуночи… А спать-то мне когда прикажете, ваше великолепие? Я уж и не помню, когда в последний раз высыпалась! В детстве разве что, когда болела…»

Но разве с алием поспоришь? Придется идти… И хорошо, если я не останусь там, на этой галерее. Как знать, может, заполучив эту вещь, он прикажет от меня избавиться?

– Чего это от тебя его великолепие хотел? – любопытно спросила Трикки, одна из горничных герцогини, симпатичная кудрявая девица моих лет.

– Сказал, в комнатах душно и постельное белье сырое, – ответила я. – И что было через слуг не передать? Нет ведь, не побрезговал, высказал лично!

– Поди пойми этих привереd, – покачала она головой. – Их светлости не жалуются, а этим все не так: то вино кислое, то хлеб не пропечен, то дичь костлявая, а теперь постели им не угодили! Интересно, как это они у себя живут? Небось на перинах из лебяжьего пуха спят и шелковыми одеялами накрываются! А пьют, не иначе, росу и цветочной пыльцой закусывают…

– Да кто же знает, – вздохнула я. – Кто у них в гостях бывал? Послы разве что, да и тех, говорят, дальше порога не пускали и уж в княжеский замок на ночлег не приглашали.

– А интересно… – Похоже, Трикки хотелось почесать языком, а я пока никуда не торопилась, вот и задержалась.

Вдруг скажет что-нибудь интересное? У нее ушки на

макушке, а поскольку она всегда вертится подле герцогини, то слышит много любопытного!

– Что тебе интересно?

– Ну… какие они… – Трикки принялась выразительно накручивать блестящую каштановую прядь на палец. – Да где там! Вон, позавчера один баронессе Илене от ворот поворот дал, да так грубо! Она даже заплакала, можешь себе представить?

– Неужели? – удивилась я.

Баронесса Илена числилась первой красавицей: она лишь в прошлом году прибыла ко двору, но уже снискала расположение герцога. Герцогине, разумеется, это было весьма не по нраву, и я знала, что юной баронессе недолго осталось порхать, словно бабочка: ее светлость лично озаботилась поиском супруга для бойкой девицы, желательно, такого, чтобы держал жену в отдаленном поместье.

Увы, борьба герцогини за внимание мужа была бесконечной и заведомо проигрышной: она, хоть была знатна и принесла ему немалое приданое, не говоря уж о важных политических и торговых связях, не могла похвалиться красотой. О нет, дурнушкой ее никто бы не назвал, но герцог наш предпочитал дам стройных и легких что сложением, что нравом, а ее светлость была несколько… тяжеловесна. Рослая, статная, монументальная даже, с горделивым профилем и царственной осанкой, она прекрасно смотрелась на парадных портретах и легко родила герцогу наследника и четырех дочерей. Вот только воспитана ее светлость была в строгости и не любила увеселений, от которых не мог отказаться ее муж, и уж тем более не одобряла его увлечения юными красавицами. Увы, о супружеской верности герцог рассуждал, как о сказочном звере единороге: возможно, он и существует, но кто из ныне живущих видел его воочию?

Возможно, именно потому ее светлость благосклонно относилась ко мне, что мы были чем-то схожи: я думала о своих обязанностях, а не о симпатичных придворных, как большинство горничных и служанок, и меня не в чем было упрекнуть.

– …а он выставил ее за дверь в одной кружевной сорочке, – закончила Трикки, а я поняла, что прослушала всю душераздирающую историю о злосчастной баронессе Илене, обиженной жестокосердным алием. – И, разумеется, она занемогла от простуды!

– Бедняжка, – сказала я, хотя полагала, что баронесса отлеживается в своих покоях вовсе не из-за простуды, а лишь потому, что эта история уже стала достоянием всего замка. Ей просто хотелось подождать, пока сплетни о ее приключении немного поутихнут, чтобы не стать всеобщим посмешищем. –

Надеюсь, она скоро поправится.

– Да уж, небось, не при смерти, – фыркнула Трикки. – Ладненько, отдохнула маленько, теперь побегу, не то ее светлость мне задаст!

Я посмотрела ей вслед и вздохнула: я помнила Трикки еще маленькой, она тоже была дочерью служанки и выросла в замке. Сперва помогала на кухне, потом стала подручной у матери, а там и сама сделалась горничной. Глядишь, герцогиня и ей подыщет хорошего мужа, не из дворян, конечно, но и не крестьянина. А может, оставит при себе: хорошую горничную еще поди поищи… Что так, что этак, Трикки внакладе не останется, это уж точно!

* * *

До самой ночи мне даже присесть не удалось, и я только боялась, как бы не заснуть и не проворонить время встречи. Этак вот опоздаешь или вовсе не явишься, а его великолепие с тебя голову снимет…

Но обошлось: я все же сумела урвать часок, чтобы вздремнуть, а на галерее оказалась ровно тогда, когда часы на башне отбили без четверти два.

Там было пусто, даже парочки не обнимались в укромных уголках. Ну да на старую галерею редко кто забирается: ее давно не подновляли, камни кое-где шатаются, а парапет, того и гляди, обвалится, если на него облокотиться. Герцог давно уже подумывает снести и галерею, и самое старую башню: проще выстроить новую, чем латать эту древность, но все руки не доходят. Впрочем, подозреваю, он просто ждет, пока башня обрушится сама: нанять людей разгрести обломки всяко станет дешевле, чем платить им за то, чтобы разобрали эту рухлядь по камушку.

В старой башне давно уже живут разве что совы да летучие мыши, слишком уж тут неуютно, да еще и дует изо всех щелей: скреплявший камни раствор давным-давно выкрошился, и держится это сооружение на честном слове, мастерстве древних строителей да на плюще и диком винограде, обвившем стены сверху донизу. Да еще осина подпирает, проросшая у подножия стены и нахально просовывающая ветви в узкие окошки-бойницы.

Да вот и на галерее что-то растет в трещине меж камней, заметила я. Похоже на клен: видно, семечко-крылатку принесло ветром, оно и зацепилось. Воды тут после дождей предостаточно,

земли ветром нанесло… Клены растут быстро, и если дело так пойдет, то вскоре галерея и впрямь обрушится, когда корни раздвинут камни…

– Ты уже здесь, – раздалось за спиной, и я невольно вздрогнула: алий приблизился совершенно бесшумно, не потревожив ни камушка, не задев ни единой ветки плюща. – Похвально.

– Вы приказали быть здесь в два, господин. Я пришла пораньше – тут лестница опасная, пока вскарабкаешься…

– В самом деле? Не заметил, – едва заметно усмехнулся он. В свете прибывающей луны алий казался каким-то… ненастоящим, будто морок или привидение. Может, он вовсе и не поднимался по осыпающимся и крошащимся от времени ступеням, а соткался из лунного света прямо здесь, у меня за спиной? – Где?..

– Вот, господин.

Красивая безделушка легла на требовательно протянутую ладонь алия, и глаза у него вспыхнули такой радостью, что я поняла – это именно та вещь, которая была ему нужна.

– А тебе… – Он неожиданно взглянул мне в глаза, и было в его взгляде не только всегдашнее презрение к людям, а и что-то еще. – Тебе не хотелось оставить ее себе?

– С чего бы, господин? – удивилась я. – У меня нет привычки присваивать чужие вещи.

– И тебе не жаль с ней расставаться?

– Ни капли, – пожала я плечами. – Вот тот человек, у которого она обнаружилась, – тому жаль было, привык, должно быть… А мне-то она зачем?

– Просто так. Женщины ведь падки на красивые безделушки, разве не так?

– Мне не пристало украшаться такими вещами, господин. Она разве что герцогине впору, а я всего лишь ключница.

– Отчего же сразу «украшаться»? – В глазах у него отражалась луна, и выглядело это… жутковато. Наверно, так выглядит море в полный штиль. – Просто любоваться, как любуются цветами или звездами… Тоже нет?

– Позвольте откланяться, господин Ирранкэ, – сказала я вместо ответа. Мне не понятны были его вопросы, тем более я высказалась достаточно ясно. – Час поздний, а мне с утра снова нужно приниматься за работу.

– А из-за моего поручения ты не выспишься… – негромко сказал алий. – Я не подумал о том, что люди не могут не спать сутками, как мы. Извини, Марион.

Я удивилась – мысли он умеет читать, что ли? Потом опять удивилась – он назвал меня по имени, а то все «эй, ты»… Они,

алии то есть, и господ-то наших не всегда по имени зовут, что уж о прислуге говорить!

– Мне кажется, на тебя можно положиться, – добавил его великолепие. – Ты похожа на Берту. Ты не откажешь мне еще в одной услуге?

– Разумеется, нет, господин Ирранкэ, – ответила я, окончательно переставая что-либо понимать. Какие такие услуги понадобились от меня алию? – Что вам угодно?

– Пока – ничего, – помедлив, произнес он. – Но, возможно, в будущем я обращусь к тебе с просьбой. Обещай, что выполнишь ее.

– Я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, господин Ирранкэ, – осторожно ответила я. – Но не стану ничего обещать вам заранее.

Да уж, так вот наобещаешь…

Бабушка не была любительницей сказок, да и некогда ей было мне их рассказывать, однако иногда она выкраивала минутку для какой-нибудь волшебной истории. Я уже плохо помнила, о чем в них говорилось: наверно, о прекрасных принцессах и отважных рыцарях, огнедышащих драконах и прочих дивных существах… Вот об этих дивных существах я и подумала: бабушка всегда особенно упирала на то, как глупо поступает человек, безоглядно доверяя какому-нибудь волшебному созданию, явившемуся из ниоткуда и предложившему помощь почти что даром. Подумаешь, какое-то обещание, которое, может, и вовсе не придется выполнять! А помощь – вот она, бери да пользуйся! Только ничем хорошим этакие сделки не заканчивались: даже если история заканчивалась, как ей и полагается, свадьбой и пиром на весь мир, никак не получалось забыть, что волшебный помощник все еще где-то рядом… И уж он-то никогда не забудет уговора, хоть сто лет прождет, а получит то, что так беспечно пообещал ему герой!

– О чем ты задумалась? – спросил алий, пристально взглянув на меня.

– Об опасности, – ответила я. – Простите, господин, но я повторю: я ничего не стану вам обещать. В конце концов, может выйти так, что, вернувшись сюда, вы уже не застанете меня в живых, как это вышло с бабушкой, и какой тогда будет прок от обещанного? Ну а в ином случае, как я уже сказала, я постараюсь сделать, что сумею.

– Понимаю, – произнес он после паузы. – Вижу, ты и впрямь удалась в Берту, и это хорошо. Ну что ж… В таком случае – до встречи.

– Доброй ночи, господин Ирранкэ, – сказала я и направилась было к лестнице, осторожно придерживаясь рукой за стену, но алий остановил:

– Не торопись.

«Да что тебе еще от меня нужно?» – мысленно вскричала я и вздрогнула, когда он крепко взял меня за локоть и сказал негромко:

– Упадешь, чего доброго. Я забыл, что вы не видите в темноте, а лестница и впрямь, того и гляди, рухнет.

– Не стоит беспокойства, господин, – выговорила я, но он, конечно, слушать меня не стал, и как я оказалась внизу, и по сию пору не могу вспомнить.

– А теперь… – он повернулся ко мне, – закрой глаза.

– Что…

– Закрой.

Я повиновалась и почувствовала невесомое прикосновение – это алий провел кончиками пальцев по моему лбу, векам, едва заметно притронулся к губам.

– Вот теперь можешь идти, – кивнул он, неожиданно теряя ко мне всякий интерес.

Я повиновалась и признаюсь, еле добралась до своей комнаты, так меня клонило в сон! Не проспать бы…

Утром, однако, я встала раньше обычного с таким чувством, будто проспала от заката до восхода, а не бродила полночи невесть где… Неужто алий что-то начаровал? Поговаривали, они это умеют…

Как бы там ни было, больше господин Ирранкэ ко мне не обращался, и я была этому очень рада. Ходили слухи, будто он все-таки утешил баронессу Илену – она достаточно быстро оправилась от недомогания, узнав, что алии задерживаются в наших краях. Впрочем, все ее истории следовало делить на дюжину, по меньшей мере, да и Трикки уверяла, что Ирранкэ красавицу и на порог не пустил. Вернее даже, не он сам, а тот его слуга, который вроде бы с интересом поглядывал на саму Трикки. Ну да она тоже соврет – недорого возьмет!

На наше счастье, их великолепия вскоре распрощались с герцогом и отбыли восвояси. «Скатертью дорога», – подумала я и принялась за обычные свои дела, но сама нет-нет да и вспоминала необыкновенные глаза его великолепия, господина Ирранкэ. Да не я одна, надо думать, а и все придворные дамы…

Глава 4

Полгода прошло с тех пор, и постигла нас тяжелая утрата – скоропостижно скончался старый герцог. Был он не так уж стар и

еще ох как боек, а что до свойственных возрасту болезней, так многие и с худшими хворями живут, и подолгу. Да и то: незадолго до смерти его светлость целыми ночами куролесил с новой своей фавориткой, избранной взамен отданной замуж баронессы Илены. Возможно, сказали доктора, это и стало причиной удара: все-таки возраст есть возраст, излишества дали о себе знать…

Наследник не слишком-то расстроился, узнав о смерти отца, а потому злые языки тут же распустили слух, что он сам батюшку и уморил, устав дожидаться, пока тот отбудет в мир иной. Я была уверена, что все это – чистой воды выдумки: каким бы ни был молодой герцог, отца он любил и уж на убийство бы точно не пошел.

Так или иначе, но замок погрузился в траур, а вдовая герцогиня удалилась в свое поместье, захватив с собой Трикки и избранных дам, и вернулась лишь через месяц, на торжества в честь сына.

Алийский князь, разумеется, не соизволил пожаловать лично ни на похороны, ни на празднество, но посол со свитой все же прибыл почтить память усопшего и поздравить нового правителя.

И опять наши дамы принялись изо всех сил утягивать талии, чтобы казаться такими же тонкими и воздушными, как алийки, сильно пудриться и белиться, чтобы обрести интересную бледность, и оголять плечи и грудь сверх всякой меры. Правда, на их великолепий эти уловки вовсе не действовали, и хотя многие дамы по-прежнему, закатывая глаза, шепотом рассказывали друг другу, каковы алии в альковных делах, было это обыкновенным враньем.

Челядь, что прибирается в комнатах и меняет простыни, частенько не замечают, будто мебель, вот только господа забывают, что у слуг есть глаза и уши, да и соображают они очень даже недурно. Ну а мне, повторюсь, по должности положено быть в курсе всяческих слухов и сплетен, что витают в замке, так что и я знала – о любовных приключениях с алиями дамы разве что мечтали. И примером тому баронесса Илена, о которой рассказывала мне Трикки.

Его великолепие господина Ирранкэ я повстречала совершенно случайно. Вернее, не я его повстречала, а он меня разыскал. И не просто разыскал, а… Словом, вернувшись поздно вечером к себе, я застала сиятельного гостя сидящим в моем любимом кресле.

Честно признаться, я его не сразу и признала, ибо выглядел его великолепие далеко не так дивно, как при прошлой нашей встрече. И без того худощавый, алий исхудал еще больше, а от

интересной бледности и следа не осталось – ее сменил самый что ни на есть простецкий загар. Видно было, что его великолепию пришлось изрядно попутешествовать, да не в карете, а верхом, если не вовсе на своих двоих.

– Добрый вечер, господин Ирранкэ, – сказала я, постаравшись ничем не выдать удивления. – Что вам угодно?

– Помнишь, что ты мне пообещала? – спросил алий, и не подумав ответить на приветствие.

– Я ничего вам не обещала, господин, – напомнила я, – а лишь сказала, что постараюсь выполнить одну вашу просьбу, если это окажется в моих силах, – ответила я, постаравшись подчеркнуть голосом слово «одну».

– Верно. – Его великолепие поднялся с кресла и отошел к окну. – Но прежде чем я озвучу эту просьбу, я хочу кое-что рассказать тебе. Вот об этом…

Он вытянул из-за ворота серебряную цепочку, на которой висела, конечно же, та самая замысловатая вещичка.

– Об этом? – удивилась я. – Но что же это все-таки такое?

– Я и сам не знаю, – неожиданно усмехнулся алий. – И никто из ныне живущих не знает. Нам известно лишь о малой толике тех свойств, которыми эта вещица обладает. Но и этого более чем достаточно, чтобы…

Он замолчал, но я и без того прекрасно поняла его мысль: очень многие, похоже, хотят заполучить эту штучку.

– Ты, конечно, спросишь, почему я намерен говорить об этом именно с тобой, – сказал он, опередив меня буквально на секунду: я и впрямь собиралась задать этот вопрос. – Дело в том… Нет, не так!

Алий помолчал немного, потом произнес:

– Помнишь, о чем я расспрашивал тебя на той галерее?

Я кивнула.

– А помнишь, насколько твоей матери было трудно расстаться с этой вещью?

– Конечно, помню, – ответила я, и только потом до меня дошел смысл сказанного. Наверно, я сильно покраснела…

– Не удивляйся, – сказал господин Ирранкэ. – Мой слуга проследил за «одним человеком», который принес тебе это, а потом выяснил, кто такая эта женщина. Равно как и сообщил, что никаких богатств неведомо откуда на эту достойную женщину не свалилось.

– Я не стала отдавать ей всю награду, она таких денег и не видела никогда, где же ей с ними управиться? Ее и ребенок обманет! Да и отчим… – начала я оправдываться, но алий повелительно поднял руку, приказывая умолкнуть.

– Меня совершенно не интересует, как именно и о чем ты договаривалась со своей матерью, – сказал он. – Я хочу услышать ответ на свой вопрос: ты заметила, насколько тяжело ей было отдать тебе какую-то безделушку, вовсе никчемную для простой крестьянки? Даже за большие по ее меркам деньги? Ты ведь что-то ей все-таки отдала, полагаю, иначе откуда в ее хозяйстве взялась вторая лошадь, корова и земельный надел?

– Отдала, конечно, – сказала я. – И да, я видела, как ей не хочется расставаться с этой вещью.

Это и впрямь было заметно: мне даже показалось, что вот сейчас матушка откажется от денег и унесет вещицу с собой. Не силой же отнимать! Хотя я и могла бы так поступить, я намного сильнее, но выкручивать руки родной матери… это уж слишком.

– Она действует так почти на всех, – сказал алий, помолчав. – На кого-то сильнее, на кого-то меньше, но – почти на всех. Чем дольше держишь ее при себе, тем тяжелее потом расставаться с нею. Но есть и те, кто не ощущает чар этой вещицы. И доверить ее на хранение можно только им, иначе…

Я снова закончила мысленно: «иначе кто поручится, что, когда эта вещь понадобится законному владельцу – уж не знаю, кто он! – тот, у кого хранится эта вещь, сможет добровольно с ней расстаться?»

– Я вижу, ты понимаешь, – произнес он, пристально глядя на меня. – Понятное дело, не каждый из тех, кто не подвержен этому воздействию, годится на роль хранителя. Таким образом, выбор у нас невелик.

– Но при чем же тут я? – не выдержала я, хотя уже начала догадываться.

– Я – один из немногих, над кем чары этой вещи не властны, – сказал алий, не обратив внимания на мой вопрос. – Увы, в хранители я не гожусь. На моем пути попадается слишком много… случайностей сомнительного толка.

Я и раньше подозревала, что его великолепие вовсе не праздный придворный, а разведчик или кто-то навроде этого. Алии, даже знатные, подобного не чураются и считают такой род занятий весьма почетным.

– Раньше эту вещь хранила твоя бабушка, – произнес он. – Не стану рассказывать, почему мы остановили свой выбор именно на ней, скажу лишь, что мы не разочаровались. У вас, людей, это свойство – не поддаваться чарам – может передаваться по наследству. Правда, лишь по женской линии. У нас, – алий невесело усмехнулся, – не передается вообще.

– Так вы хотите, чтобы теперь я… – Я не закончила фразу, он и так меня прекрасно понял.

– Да, – ответил он. – Это и есть моя просьба, и не думаю, чтобы тебя сильно стеснило это обещание. Берта хранила это не меньше полувека, если мне не изменяет память, с тех самых пор, как ее нашел мой наставник.

– Но если эта вещь так ценна… неужто вы не боитесь доверять ее какой-то служанке, да еще всего лишь человеку? – спросила я, прекрасно понимая, что отказаться от этой сомнительной чести мне все равно не удастся.

– У нас нет другого выхода, – ответил он, снимая с шеи цепочку. – Просто спрячь ее как следует и забудь… до тех пор, пока за ней не приду я или кто-то по моему поручению.

Я взглянула на замысловатую безделушку, оказавшуюся вовсе не безделушкой, а чем-то очень важным и очень странным… И куда прикажете ее спрятать?

Наверно, последний вопрос я задала вслух, потому что алий искоса взглянул на меня и произнес:

– Берта держала ее в тайнике под подоконником.

– В первый раз о нем слышу, – призналась я.

Он в два шага оказался возле узкого высокого окна, провел рукой под самой рамой, куда-то нажал… Что-то тихонько щелкнуло, и один из камней на подоконнике повернулся, открывая небольшую нишу. Бабушка никогда не показывала мне этот тайник!

– Итак, – негромко произнес его великолепие, – ты согласна?

– А у меня есть выбор? – усмехнулась я, и он убрал вещицу в нишу. – Согласна. Только… если, как вы говорите, за этой вещью придет кто-то по вашему поручению, как я узнаю, что посланник – именно от вас? Вы же с меня шкуру живьем сдерете, если вдруг что окажется не так!

– Вот это кольцо. – Алий вытянул левую руку, чтобы я могла полюбоваться перстнем в виде замысловато переплетенных ветвей и лесных цветов. Работа тончайшая, но до той вещицы ей было далеко. – Узнаешь его?

– Да, господин Ирранкэ, – ответила я. И впрямь, как не узнать, вещь очень приметная! – Только кто сказал, что кольцо нельзя снять с убитого? И вы, часом, не забыли, что вас здесь отравить пытались?

Я сообразила, что говорю с его великолепием в совершенно недопустимом тоне, и осеклась. Однако алий, казалось, и не заметил дерзости.

– Ты права, – сказал он, несколько помрачнев. – Кольцо не подойдет. Вот что… расскажи мне что-нибудь, о чем, кроме тебя, не знает никто. И не будет знать – кроме меня и того, кого я пошлю к тебе. Тоже не лучший вариант, любой пароль можно

узнать под пыткой… но для этого надо знать, что он есть, этот пароль.

– Никто не знает, кроме меня… – Я огляделась, пытаясь вспомнить что-нибудь подходящее. – Господин Ирранкэ, я вам уже как-то рассказывала вот про это зеркало. Подойдет? Откуда оно, знала только моя бабушка, ну и та, что подарила ей зеркало. Только та дама давно уж уехала в дальние края и, говорят, совсем выжила из ума…

– За неимением лучшего, – вздохнул он, – и это подойдет. И вот еще что… Ты вправе требовать награды за свою услугу.

– Хотелось бы знать, – сказала я, поразмыслив, – кто в нашем замке может догадываться о существовании этой вещи? Ведь кто-то же пытался вас убить! Из-за нее или нет – как знать?

– Мне бы тоже хотелось знать, кто это был. – Алий растянул губы в холодной усмешке. – Но не думаю, что кто-то из местных. Подозреваю, за мной следили от самого нашего княжества… и на обратном пути. Кто бы это ни оказался, он уверен, что эта вещь все еще у меня. Это не значит, что ты можешь быть беспечной, но и бояться каждой тени не стоит.

– И на том спасибо, – вздохнула я и, спохватившись, добавила: – Господин Ирранкэ…

– Я рассчитываю на твою честность, – сказал он, открывая дверь.

– Доброй ночи, – произнесла я ему в спину. А что еще я могла сказать?

И опять я не спала ночью… Теперь мне не давало покоя вот что: если бабушка хранила эту вещь в тайнике, о котором не знала даже я, то как она оказалась на подзеркальнике? Почему она лежала совершенно открыто, так что моя мать смогла ее увидеть и взять в руки? Может, к бабушке явился кто-то из законных владельцев? Осмотрел эту вещицу, а потом бабушка просто не успела ее спрятать, и… Но я точно помнила: никакие алии в те дни в замке не появлялись. Правда, посланцем мог быть и человек, хотя это маловероятно!

И почему бабушка вдруг умерла? Она ведь была еще вовсе не старой, а выглядела намного моложе своих лет, да и здоровьем обладала завидным, у иных женщин вдвое моложе ее такого не сыщешь! Правда, припомнила я, в последние дни она как-то погрустнела и осунулась, а на мои вопросы не отвечала, говорила лишь, что все с ней в полном порядке… Может быть, существовала какая-то связь между ее смертью и доверенной ей на хранение вещью? Как теперь узнаешь? И алия не спросишь, так он и расскажет, жди… Да он и сам, поди, не знает!

«Ох и в темную же историю ты угодила, Марион Трай!» –

сказала я себе перед тем, как ненадолго забыться сном.

* * *

На следующий день навалились обычные заботы, так что я и думать позабыла о таинственной вещице, спрятанной в моей комнате. Не вспоминала я о ней до самого вечера, когда меня неожиданно потребовал к себе герцог.

– Добрый вечер, ваша светлость, – поприветствовала я нашего нового правителя.

– И ты здравствуй, – кивнул мне герцог. – Проходи, проходи, разговор у нас с тобой будет долгий…

Я изобразила на лице вежливый интерес, готовясь отвечать, куда уходят деньги, отпускаемые на хозяйство, да еще в таких количествах, однако герцог меня ошарашил.

– Что у тебя за шашни с алиями? – спросил он в лоб. – Что это за ночные визиты?

Я лишилась дара речи и, вместо того чтобы придумать складный ответ, принялась соображать, кто же мог видеть господина Ирранкэ, когда он выходил из моей комнаты… Да кто угодно! Скорее всего, соглядатай, приставленный к алию: эти умеют оставаться незаметными, а спрятанных за портьерами да фальшивыми панелями ниш и потайных ходов в замке хоть отбавляй! Даже алий не заметит…

Герцог истолковал мое молчание по-своему, и, надо сказать, меня это очень выручило, иначе я непременно ляпнула бы какую-нибудь глупость.

– Что краснеешь? – спросил он с понимающей ухмылкой. – Дело-то молодое… Вот только хотел бы я знать, что его треклятое великолепие в тебе нашел! Хотя… – Герцог пристально оглядел меня с головы до ног. – Хотя… Не будь я уже женат и не будь ты простолюдинкой, лучшей герцогини я и искать бы не стал.

Я опять не нашлась что ответить, а герцог махнул рукой:

– Иди уж. Всем ты хороша, упрекнуть тебя не в чем… Только впредь по сторонам оглядывайся, когда водишь к себе кого-нибудь. Тут не то что у стен, у каждой занавески глаза есть и уши. И язык болтливый… Поди прочь!

Я и ушла, продолжая дивиться неистощимой людской фантазии. Это ж надо такое придумать: я и его великолепие!.. Хотя… что еще мог подумать тот, кто увидел алия возле моей двери, а то и выходящим от меня? Если поразмыслить, может, оно и к лучшему, так хоть не станут допытываться, что на самом деле

понадобилось господину Ирранкэ в моей комнате!

Допытываться и в самом деле не допытывались. Служанки только шушукались и смотрели мне вслед с завистью и жгучим любопытством, но расспросить меня не решались. Была бы здесь Трикки, она бы не постеснялась, но вдовствующая герцогиня вновь уехала в свое поместье и забрала ее с собой. (Трикки говорила, там очень симпатичный старший конюх, не женатый, так чего ж еще надо?) Признаюсь, порой я скучала по ее веселой болтовне: хоть я сама молчалива, иногда хочется поговорить хоть с кем-нибудь. С зеркалом не станешь разводить задушевные беседы, с матушкой тем более, при ней и упоминать о подобном не стоит… Бабушка поняла бы, но ее больше не было со мной.

Знатным дамам очень хотелось со мной побеседовать, но они считали ниже своего достоинства заводить задушевные разговоры с прислугой. Так и мучились, бедные, пытаясь понять, что же такого нашел во мне его великолепие, чего нет в них… Это и смешило, и раздражало, но я старалась не подавать виду, будто сплетни хоть как-то меня задевают.

Ясное дело, мужской интерес ко мне тоже заметно возрос. Я часто ловила на себе заинтересованные взгляды: дескать, чего же мы не разглядели в ней? Может, стоит приглядеться поближе?

Многие, правда, сходились на мысли о том, что его великолепию просто наскучили утонченные соплеменницы, потому он и остановил свой выбор на «деревенской кобылке». Всякое болтали, одним словом. Некоторые, правда, болтовней не ограничивались, кое-кто норовил и юбку задрать, ну да с этими разговор был короткий – рука у меня тяжелая, и не посмотрю я, слуга это или благородный господин! А если такой вот вздумает герцогу нажаловаться на то, что его ключница оплеухой наградила, тот первый же его и высмеет…

Кое-кто даже пытался ко мне присвататься, да не совсем из простых. Тут я ненадолго призадумалась, но все же отказала, потому что понимала: замуж меня зовут не по любви и даже не ради денег… Самое большее через полгода муженек сообразит, что ничегошеньки особенного во мне нет, тут и начнет попрекать и скромным приданым, и скверным нравом, и сомнительным моим происхождением. Дед мой хоть и был герцогским бастардом, да не признанным, так что я никто и звать меня никак! Словом, отказала я одному, отказала другому, а там и женихи кончились. Я же решила, что лучше уж останусь сама себе хозяйкой, как бабушка моя. Если мне суждено одной век вековать, то так тому и быть, не пропаду и без мужа!

Постепенно жизнь в замке вошла в привычную колею, сплетни обо мне утратили свежесть и новизну: все принялись

обсуждать одну даму, родившую двойню от егеря мужа, причем сам муж так ни о чем и не догадался, хотя весь замок чесал языками об этом происшествии. Потом приехала труппа бродячих артистов, за ними явился знаменитый певец с учениками, и обо мне вовсе позабыли…

Глава 5

Ну а через несколько месяцев к нам в гости снова пожаловали алии. Визит был обставлен с немыслимой пышностью, а все почему? Да потому, что на сей раз они привезли с собою ее великолепие госпожу Меланноэ.

Алийка была диво как хороша! Не знаю уж, откуда пошел слух, что их женщины все как одна тоненькие, хрупкие, – дунь и переломится… Ее великолепие, конечно, была изящна и стройна, а также обладала пресловутой изысканной бледностью, вот только бледность эта происходила не от болезненности и не от слоя белил и пудры, просто у алийки кожа была такой от природы, на диво и зависть простым смертным. А что до хрупкости… Видела я, как госпожа Меланноэ управляется со здоровенным жеребцом, – любой мужчина бы позавидовал!

Разумеется, господа наши так и увивались вокруг ее великолепия, она же никого не дарила особым вниманием, однако и резкого отпора не давала. Придворные дамы от злости изломали не один десяток вееров и перебили уйму фарфоровых безделушек, однако с госпожой Меланноэ им было не тягаться: иссиня-черные кудри и медовые глаза прекрасной алийки свели с ума всех, от подростков до глубоких старцев. Что уж говорить о его светлости, унаследовавшем от отца неутолимую тягу к красивым женщинам!

Меня, понятно, прелести ее великолепия нисколько не занимали, вот разве что любопытно было, зачем вообще она приехала в наши края? Уж не за тем ведь, чтобы головы кружить кому попало! На посла она никак не походила, не звалась супругой кого-то из прочих алиев… Неужели просто любопытство одолело, решила взглянуть, как люди живут? Почему бы и нет: по алиям невозможно угадать, сколько им лет, так что госпоже Меланноэ могло быть и двадцать, и двести двадцать!

Впрочем, скоро все стало на свои места: когда в свите ослепительной алийки я разглядела знакомое лицо господина Ирранкэ, то пришла к выводу, что красавица приехала исключительно ради того, чтобы отвлекать на себя внимание, и справилась с этим просто замечательно. Готова поклясться, никто и не заметил, как господин Ирранкэ улизнул из-за праздничного стола!

– Добрый вечер, – сказала я, когда он без стука вошел в мою комнату.

– Не вижу в нем ничего доброго, – ответил алий, плотно прикрывая за собой дверь. – Все в порядке?

– Да. Никто не интересовался этой вещью, никто вообще ни о чем не спрашивал. Разве что…

– Разве – что? – так и подобрался алий.

– Вы знаете, какие слухи ходят о вас и обо мне? – спросила я.

Нет, он не знал, по лицу видно было, но понял сразу же и – вот удивительно! – не рассердился, а развеселился.

– Что же, – сказал он. – Лучшего прикрытия и не сыскать!

– Вы приехали забрать ее? – спросила я, чтобы замять некоторую неловкость.

– Разумеется, иначе зачем бы мне являться сюда? Уж не затем же, чтобы напиваться в компании с вашими вельможами!

– Берите, – вздохнула я, кивая на подоконник, вернее, на укрытый в нем тайник. – Господин Ирранкэ…

– Что?

– Позвольте задать один вопрос, – сказала я, тоже подходя к окну. – Раз уж я вынуждена хранить эту вещь… могу я хотя бы знать, для чего она нужна? То есть…

– То есть ты хочешь знать, не используем ли мы ее во вред людям? – прищурился алий.

Я кивнула.

– Можешь быть спокойна, – усмехнулся он. – Силам, которые подвластны этой крохотной игрушке, безразлична ваша мышиная возня.

На его великолепие сегодня напала совершенно не свойственная ему говорливость. Не буду врать, будто я поняла все, о чем он поведал, но…

Главным, что я уяснила, было вот что: никто не знал, кто, когда и зачем создал эту вещицу. Никто не знал и всех ее возможностей, тайных ли, явных… Но алии – не все, а лишь немногие, кто обладал даром предвидения, как сам Ирранкэ, – могли уловить, что, оказавшись в нужное время в нужном месте, эта вещь может хоть немного, но изменить ход грядущих событий.

Как именно это происходит, они не понимали, но пользоваться этим все же научились. Человек скажет: ну какая разница, начнется сезон дождей в дальней провинции неделей позже или раньше? Но алии – не люди, особенно провидцы: они умеют заглядывать далеко вперед, им по силам понять, во что может вылиться даже самый безобидный на первый взгляд поступок. Не всегда это срабатывает, а если срабатывает – не

обязательно так, как хотелось бы, но они стараются не упускать ни единого шанса…

– Другое дело, что такие перемены далеко не всем по нраву, – сказал алий под конец. Я не поняла его слов, но предпочла не переспрашивать. – Далеко не всем.

Он помолчал немного, потом добавил:

– Возвращать эту вещь тебе будет кто-то другой. Не я.

– Почему?

– Это путешествие станет для меня последним, – спокойно ответил Ирранкэ. – Ну что ты так смотришь? Мы это чувствуем. Знаем. А я уж тем более уверен – вернуться из этого похода мне не суждено. Что ж… я прожил жизнь так, что мне не в чем себя упрекнуть. Это уже немало…

Я хотела что-нибудь сказать, но промолчала: на ум ничего не пришло, а в таких случаях лучше промолчать, авось за умную сойдешь, как говаривала бабушка Берта.

– Жасмином пахнет, – сказал вдруг алий. – Откуда бы?

Я смутилась: сегодня я в подражание придворным дамам украсила волосы цветущей веточкой жасмина. Понятно, цветы в прическах дам были сплошь из золота и драгоценных каменьев, но жасмин смотрелся не хуже, а уж аромат – куда там лучшим духам!

И только тут я заметила, что стою совсем близко к алию, так близко, что наши руки едва не соприкасаются, и надо бы отойти, но… Я не пошевелилась. То ли ночь была виновата, то ли аромат жасмина, то ли полная луна, а пуще того я сама…

А он… Ему, должно быть, все же страшно было умирать, а кому не страшно? Жизнь прожил достойно… а что проку в том, если знаешь, что жизни этой осталось всего ничего? И хочется в эти последние дни взять от жизни все, даже то, на что в обычное время и не взглянул бы!

Кровать у меня узкая, такая узкая, что вдвоем на ней можно лежать, только тесно прижавшись друг к другу. Вот как мы…

Тонкая цепочка на шее Ирранкэ съехала на сторону, так что замысловатая вещица оказалась у него чуть ли не плече, как раз у меня перед глазами. Подумать только, из-за этой крохотной безделушки происходит столько всего… странного.

– Ты так не похожа на наших женщин, – сказал Ирранкэ. Это были первые его слова за все время. То есть он и раньше говорил, но только по-своему, не по-людски, а я по-алийски знаю всего несколько слов, да и те – «подай, принеси, поди прочь». – Вы, люди, совсем другие… Ваши женщины бывают красивы – и осознают это. Но красота эта так преходяща, так недолговечна и мимолетна… и это они осознают тоже. И так торопятся жить…

Наверно, это в вас и привлекает.

– А вы такие прекрасные и безразличные, такие недосягаемые, – произнесла я тихо, бездумно водя ладонью по его плечу: на нем едва виднелась сложная вязь из сплетенных трав и цветов, она сбегала по руке почти до запястья и, мне казалось, едва заметно мерцала в полумраке. Никогда не видела татуировок настолько изящных! Казалось, это не творение чьих-то рук, Ирранкэ будто родился с этим рисунком… – Вечно молодые и при этом мудрые… Наверно, это в вас и привлекает.

– Шутишь? – едва заметно улыбнулся он. Я почувствовала эту улыбку щекой и невольно прижалась крепче. – Ничуть мы не лучше вас… Живем дольше, стареем медленнее, потому и опыта успеваем накопить побольше. Но настоящую мудрость обретают единицы, а будто у людей не так? Да что тут скажешь!

– Ничего не говори, – шепнула я. – До утра еще далеко…

«Утром ты уйдешь, – подумала я, нащупав подвеску на его груди и до боли сжав в ладони. – Навсегда, как сам сказал. А если и вернешься когда-нибудь, я к тому времени сделаюсь сморщенной старухой и ты меня не узнаешь, потому что даже не заметишь, как пролетело время. Принял же ты меня за бабушку Берту… Но даже если и так, пускай. Я тебя никогда не забуду…»

– А плакать не надо, – шепотом произнес Ирранкэ, коснувшись губами моей щеки. – Или я обидел тебя чем-то?

Я покачала головой. Он подумал, наверно, что я, как те придворные дамы, мечтала узнать, каковы алии… Но разве им он рассказал бы то, что доверил мне? Разве только какая-нибудь оказалась бы возможной хранительницей загадочной вещи!

А на меня-то что нашло? Всю жизнь держала себя в строгости, как бабушка Берта завещала, и вдруг… Лунный свет и запах жасмина виноваты, что ли? Как же, ничего умнее придумать не могла! Глаза его меня заворожили, изменчивые, как невиданное море, как небо и ветер в нем – подхватило порывом и унесло в чужедальние края…

Спроси – я ведь не сумею рассказать, каков Ирранкэ собой, красив или нет, но глаза его не забуду до скончания дней моих, и голос его буду помнить всегда.

– Я слышала, каждое алийское имя что-то означает, – сказала я, чтобы не молчать. – А твое?

– «Ири» по-нашему – радость или счастье, – помолчав, ответил он. – А «ран» – печаль.

– И что же выходит?

– Радость сквозь слезы, – был ответ. – Моя мать умерла, когда я родился.

– Неужели такое случается даже с алиями? – шепотом спросила я, потому что слыхала не об одной женщине, умершей родами.

– Редко, – сказал он. – Но это было не то, о чем ты подумала.

– Откуда тебе знать, о чем я думаю? – не выдержала я. – Ты в самом деле читаешь мысли?

– Нет. Угадываю, – улыбнулся он. – Люди в большинстве своем очень предсказуемо мыслят. А если видишь лицо, то понять, о чем думает человек, и вовсе легче легкого.

– Темно ведь… ах да, вы же видите в темноте!

– Для меня сейчас светло, как днем, – серьезно сказал алий. – Цвета не такие яркие, будто смотришь сквозь закопченное стекло, но все прекрасно различимо. Конечно, в кромешной тьме, в каком-нибудь каменном мешке и я мало что разгляжу, но если на небе звезды и луна, фонарь мне ни к чему. Даже и пасмурной ночью полной темноты не бывает.

– Вот оно как… – Мне показалось, будто Ирранкэ заговорил об этом, чтобы не вспоминать о матери, но он, видно, снова прочел мои мысли, потому что произнес негромко:

– Мне выпало родиться в страшный год. Вряд ли в ваших летописях найдется хоть что-нибудь о тех временах… Шла война, и все уже забыли, что послужило ее началом. Мать моя сопровождала отца: наши женщины сражаются не хуже мужчин, а бывает, и лучше, вот только…

Он помолчал.

– Отец не мог отослать ее домой, дороги были перекрыты. Ей было безопаснее оставаться рядом с ним, чем отправляться в далекий путь, в котором на каждом шагу поджидает опасность. И сопровождать ее было некому: ведь каждый воин на счету! Так и вышло, что родился я в крестьянской лачуге, в человеческой деревне из тех, чьи жители укрывали алиев, потому что никогда не видели от нас зла и помнили об этом. Приняла меня тамошняя знахарка, и все обошлось бы, если бы кто-то не выдал противнику наше убежище. – Ирранкэ перевел дыхание. – Наши бойцы держались до последнего, но все-таки не выстояли. Деревню сожгли, людей – кого убили, кого угнали в рабство, а моя мать…

Я невольно сжалась, а он закончил:

– Она была еще слишком слаба и не могла бежать. Может быть, еще несколько часов – и она осталась бы в живых, но… она предпочла умереть, но не достаться людям. Они не пощадили бы и роженицу. Любая алийка выбрала бы смерть, а не плен и рабский ошейник… в лучшем случае. Всегда есть надежда вырваться из плена, но когда привязывают врастяжку меж четырех кольев и весь отряд…

Он умолк.

– Но как же ты… – Я осеклась.

– Я родился в страшный день, но под счастливой звездой, – помолчав, сказал Ирранкэ. – Старуха знахарка завернула меня в свое тряпье, укрылась в погребе и сидела там, пока не остыло пепелище, а люди не убрались прочь. На наше счастье, я уродился не крикливым и нас не обнаружили. А уже на мое особенное счастье – в погребе у нее имелись кое-какие припасы, и она давала мне сосать тряпицу, намоченную козьим молоком. На третий день пришли алии, среди которых был мой дед, отец моей матери. Он и дал мне это имя.

– А знахарка?

– Она еще долго прожила при нашем дворе. Успела даже выучить меня разбираться в травах по-человечески, у нас-то их используют совсем иначе, – Ирранкэ улыбнулся. – Многие говорили, что не место человеку в наших краях, но дед готов был золотом осыпать ту, что спасла сына его любимой дочери.

– А я никогда не видела отца, – зачем-то сказала я. – Не знаю даже, каким он был, бабушка не желала рассказывать о нем. Говорила только, в родителя удался, такой же беспутный, только герцогского отпрыска хотя бы воспитание и долг его вельможный сдерживали, а этого шалопая ничем не остановишь…

– Герцогского? – нахмурился Ирранкэ.

– Ну да. Мой дед – бастард, хоть и не признанный. Но, конечно, на бабушке Берте он жениться не собирался, мало ли таких служанок! А куда он потом пропал, никто не знает. И отец так же – исчез однажды, и с концами.

– Надо же… – протянул алий. – А я все думал, на кого же ты так похожа! Вроде бы и на Берту, но есть еще что-то. Теперь вижу: вы же с герцогом словно брат с сестрой! Но не скажи ты, я и не догадался бы.

– Да и не нужно. Кто знает, тот помалкивает, а кто не знает, тому и не следует, – серьезно ответила я. – Я просто ключница.

– Откровенность за откровенность, – улыбнулся Ирранкэ и коснулся губами моего виска. – Иногда нужно, чтобы тебя услышали.

– Не умирай, – беззвучно попросила я, но Ирранкэ все равно разобрал, а может, прочитал по губам, и ответил негромко:

– Это не мой выбор. Я хотел бы остаться. Не с тобой – этого я сделать не могу, – но хотя бы в твоей памяти. Не так страшно уходить, когда знаешь – о тебе помнят…

– Даже если той памяти, как и жизни человеческой, – словно у бабочки-однодневки, по вашему-то счету?

– Да, – серьезно сказал он. – Знаешь, почему мы так редко

сходимся с людьми?

– Теперь, наверно, знаю, – ответила я. От него пахло почему-то свежим снегом. – Вы же не каменные и не ледяные, хотя притворяетесь лучше некуда.

– Вот именно. – Ирранкэ обнял меня крепче. – Я ведь помню, как повстречал Берту. Она была совсем юной, не старше тебя. Времени прошло всего ничего, а ее уже не стало… А я всего лишь был знаком с нею, не более того, и то мне стало не по себе. Когда же узнаешь кого-то лучше, а вскоре потеряешь…

– Больно? – зачем-то спросила я.

– Да. – Он помолчал и добавил: – Существует множество легенд о людях и алиях. И ни одна не заканчивается счастливо. А наша завершится, даже не начавшись. И тоже печально.

– Почему?

– Потому, что я уйду и никогда не вернусь. Потому, что я тебя опозорил, так у вас говорят, я не путаю? А что ты могла принести в приданое мужу, кроме девичьей чести и той горстки золотых?

– С такой «горсткой» и горбатую вдову с пятью детьми умчат с присвистом… – пробормотала я. Мне почему-то сделалось смешно: много эти алии понимают в наших обычаях! – А я и отбиться бы сумела, если б не захотела… Ты что, смеешься?

– Конечно. – Ирранкэ провел ладонью по моим волосам. – Вот и ты улыбнулась.

– Не вздумай сказать, что я еще встречу своего человека и буду счастлива, – удачно припомнила я фразу из какого-то романа: дамы читали их друг другу за рукоделием, волей-неволей что-то да услышишь. – И довольно об этом! Может, я завтра с лестницы упаду и шею сверну, так что ты меня переживешь…

– А ты не шути такими вещами, – серьезно сказал он. – Мало ли, кто может услышать!

– Кто? Создатель, что ли?

– Может, и он. Говорят, он до сих пор бродит между мирами, – без тени иронии ответил Ирранкэ. – Вдруг заглянет и сюда, кто знает, какие дороги он выбирает? И возвращается ли туда, где уже побывал однажды? Мы ведь не отсюда родом.

– Как так? – не поняла я.

– Родина алиев не здесь, – произнес он. – Это легенда, но… Говорят, однажды Создатель вышел зимой в сад и поразился: до того хороши были заснеженные деревья! А потом обернулся и огорчился: на снегу остались его следы, а ветки, которые он задел, были черными и голыми. Тогда он решил создать существо, которое сумело бы пройти по первому снегу, не потревожив его, так же легко, как свет проникает сквозь ветви

деревьев. Так и появился первый алий – из лунного луча и снега…

– Вот почему ты им пахнешь, – невольно улыбнулась я.

– В самом деле? – улыбнулся Ирранкэ. – Не замечал… Однако мы и правда почти не оставляем следов даже на рыхлом снегу, а по лесу можем пройти, не потревожив листвы. Хотя для этого нужны годы тренировок. Но даже если это и легенда, то красивая, не правда ли?

– Очень. А другие алии откуда взялись?

– Тому, первому, было одиноко, и он слепил девушку из снега, – совершенно серьезно ответил Ирранкэ, – говорил с ней и печалился, потому что близилась весна и она должна была вскоре растаять на жарком солнце. Создатель увидел это, понял, как горька будет разлука, и оживил снежную красавицу. От этих двоих и пошел наш народ.

– Ты сказал, вы не отсюда, – вспомнила я, – но как это может быть?

– Создатель, говорят, был рассеян и частенько забывал закрыть за собой двери, через которые странствовал между мирами, – сказал он. – И однажды, когда в нашем родном мире алиям не осталось места, мои предки ушли прочь через одну из таких незапертых дверей. Рассказывают, им помогли крылатые – они тоже покинули свою прародину, потому что тамошние люди истребили волшебство, а без него какая жизнь?

– Крылатые? Драконы? – удивилась я. – Но их же не существует, это сказки!

– Вовсе нет, – улыбнулся Ирранкэ. – Другое дело, что именно здесь их может не быть. Мы ведь рассеялись по многим мирам в поисках самого лучшего, так что где-то нет алиев, где-то крылатых, а где-то – людей. Мне выпало жить именно здесь, и я этому рад. Может быть, есть места и получше, но я люблю этот мир и не хочу его покидать…

– А люди тогда откуда взялись?

– Сами завелись, – серьезно ответил он. – А если взаправду – не знаю, никто не знает. Вероятно, вы – тоже дети Создателя, так ведь ваши священники учат?

– Незапертые двери… – проговорила я и сильнее сжала в руке странную вещицу. – Двери…

Мне ведь показалось, что она похожа на ключ! Так не может ли она и в самом деле им оказаться?

– О чем ты? – шепнул Ирранкэ, и я сбивчиво объяснила ему, что мне вдруг пришло в голову. – Хочешь сказать, у меня на шее висит ключ самого Создателя?

– Ты же сам сказал, что он был большим шутником, –

сконфуженно ответила я, – вдобавок рассеянным. Вдруг он потерял этот ключ, потому и двери за собой не запирал? Ох, ну и чушь я несу!..

– Нет, Марион, – сказал вдруг Ирранкэ совсем другим тоном, и я почувствовала, как он напрягся. – Это не чушь. В этом что-то есть…

– О чем ты?

– Этот ключ… будем уж называть его так, – он накрыл мою руку своей и сжал пальцы, – передается у нас из поколения в поколение. Мы используем его, как умеем, но не понимаем и сотой доли его свойств. Это просто забылось за давностью лет, а может быть, никто никогда и не знал, на что именно он способен. Мы пытались исследовать его, но тщетно, удалось лишь подметить некие закономерности… Увы, даже нашего века не хватит, чтобы проверить, не было ли это случайностью! Но это не так важно. Мы живем долго, но есть те, кто старше нас. И, возможно, старше этого мира.

– Ты о Создателе? – Мне стало холодно.

– О его ровесниках, – шепнул мне на ухо Ирранкэ и обнял обеими руками. – Существует старая-престарая легенда о том, что эти создания стремятся открыть некую дверь, но не способны сделать этого. У них нет ключа.

– А взломать замок они не могут?

– Смогут, если наберут достаточно мощи. А для этого им нужно высосать все силы из мира, где они оказались… Они ищут свою родину, то место, откуда их изгнали люди, самые обычные люди, – он тихо засмеялся, – чьи потомки охраняют дверь и по сию пору! А эти твари – их остается все меньше и меньше, но даже одна такая может опустошить всю округу, чтобы набраться сил, – идут все дальше и дальше, если им удается обнаружить приоткрытую дверь. Их можно остановить, говорится в легенде, можно и убить, можно запереть и запечатать двери, чтобы твари никуда не ушли из умершего уже мира и сдохли от голода. Но если они заполучат ключ, открывающий любую дверь, для них не останется преград. И тогда…

– Нам конец? – прошептала я.

– Нет.

– Ты же сказал, они выпивают жизнь из тех миров, где оказываются!

– Выпивают – для того, чтобы хватило сил прорваться в другие места. А на своей родине они жили бок о бок с людьми, как мы живем, не замечая мелких зверушек… если вдруг не захочется позабавиться, устроив крысиные бои или тараканьи бега! Марион? Ты дрожишь?

– Да. – Я вздохнула поглубже и положила ладонь ему на грудь, на странный рисунок, туда, где ровно билось сердце. – Ты будто страшную сказку рассказываешь! Только это не сказка. И если это в самом деле ключ…

– То мы использовали его не по назначению, – закончил Ирранкэ. – Нужно было запереть дверь и уничтожить его. Но мы не знаем даже, где эта дверь и как ее найти! И одна ли она? А ключ прочнее, чем кажется: даже пламя огненных гор его не возьмет, что уж говорить о кузнечном молоте!

Он умолк ненадолго, потом добавил:

– Кажется, теперь я знаю, что должен сделать. Правда, не представляю, как именно, но время у меня еще есть. Вот, значит, что означали мои предвиденья…

Я промолчала. А что я могла сказать? «Не жертвуй собой ради призрачной цели», как пишут в тех же романах, которые дамы читают друг другу вслух? Ирранкэ все равно не послушает, раз уже все решил для себя! Но может… может, он все-таки сумеет вернуться? Не ко мне, какое там! Просто – вернуться живым, к своим родным, у него ведь есть семья… Если бы у меня была волшебная палочка, я загадала бы такое желание.

– Знаешь, – он вдруг коротко рассмеялся, – ты была права. Я боюсь смерти. Я не видел еще и сотой доли чудес этого мира!

– Я не видела ничего, кроме этого замка, нашего городка и ближней деревни с ярмаркой. Хотя, наверно, если сравнивать людей с алиями… – не удержалась я, порадовавшись, что он сменил тему, – то на то и выйдет. А ты, как ребенок, хватаешь то, что попалось под руку?

– Будь я таков, я бы всех ваших придворных дам перебрал, как тот самый ребенок – цветные камушки, – ответил он с усмешкой. – Не в том дело. Луна позвала, и цветы… будто лепестки ветром подхватило, голова пошла кругом…

– Неужто ты бы остановился, если б я сказала «нет»?

– Остановился бы, – негромко сказал Ирранкэ. – Никогда в жизни я никого не брал силой. А ты боялась, я чувствовал.

– И все же промолчала.

– Да. Но вовсе не потому, что опасалась отказать вельможе, просто не знала, каково это, и не хотела показаться смешной и неуклюжей…

– Опять угадываешь мысли?

– Конечно. Я ведь живу достаточно давно, чтобы научиться разбираться в человеческих побуждениях, не забывай. Довольно слов…

Заглянувшая в окно полная луна отразилась в его глазах, как в бездонном колодце, и я падала в него, падала, падала…

Наутро я проснулась одна. О том, что Ирранкэ был со мной, напоминала только смятая постель, а еще – цепочка у меня на шее. Та самая, с ключом на ней.

Алии уехали на рассвете, все разом, не потрудившись ничего объяснить, вот что я узнала поутру. Больше они не появлялись в наших краях.

В комнате еще долго пахло первым снегом, хотя на дворе стояла весна.

Глава 6

Моя дочь родилась на переломе зимы, в страшную вьюжную ночь, когда буря бушевала так, что дрожали ставни, а вой ветра мешался с волчьим воем – стая бродила совсем рядом с замком, в ближнем лесу…

Мне долго удавалось скрывать свое положение: я, повторюсь, рослая и крепкая, а под передником поди разгляди что-нибудь… Однако настало время, когда таиться уже не было возможности, и тогда хватило мне и заугольных шепотков, и любопытных взглядов. Всем интересно было, кому же это неприступная Марион доверила ключи от своей твердыни? Даже герцог как-то поинтересовался, но я смолчала… Боялась только: не выставил бы прочь! Но нет, обошлось, как и с бабушкой Бертой. Кому какое дело, от кого прижила ребенка ключница, если она не пренебрегает своими обязанностями?

Я до последнего срока не оставляла службы, повезло мне: дамы, я знала, неделями, а то и месяцами отлеживались в постелях, зеленея от одного вида еды, но меня миновала эта напасть. Должно быть, тут матушкина кровь дала о себе знать: она семерых… восьмерых, считая меня, родила, не оставляя хозяйства ни на день, и самый ее младшенький оказался на два месяца старше моей дочки.

В замковой книге дочь ключницы записали как Ирену Трай, а я (а вслед за мной и прочие) называла ее Ири – радость по-алийски. Пускай слез мне тоже хватило с избытком, я не хотела об этом вспоминать.

Повитуха, меня саму принимавшая у матушки, говорила о моей дочери, что в жизни не видала такого красивого ребенка. По мне, так все младенцы одинаковы, но когда Ири подросла, о том же начали твердить и служанки, и даже знатные дамы: им нравилось возиться со спокойной и послушной девочкой. Сколько красивых платьиц, из которых господские дети выросли, не успев их даже примерить, досталось моей дочери, и не счесть! Я не возражала: мне нужно было работать, и если первые несколько недель у меня жила младшая сестра, помогавшая с ребенком, то

потом мне приходилось справляться одной. Признаюсь, я опасалась, что Ири перестанет считать меня матерью, я ведь появлялась так редко… Но нет: она всегда тянула ко мне ручонки и не обижалась, если я надолго отлучалась.

Ири рано пошла, а вот заговорила только на втором году, но зато сразу целыми фразами. И с тех пор она всюду была со мной, ходила, цепляясь за мою юбку, смотрела и слушала, все запоминала, как я когда-то с бабушкой Бертой.

Она любила бывать на кухне и помогать поварятам (конечно, никто не доверил бы Ирене следить за кастрюлями, но ощипывать дичь, чистить рыбу, лепить пироги и украшать их она научилась очень быстро). Да мало ли найдется работы для проворной девчонки! Она бегала и на конюшню – лошади ее любили, и на псарню, возиться с щенками, и в птичник – задавать корм курам и гусям. А потом, отмывшись как следует и принарядившись, сиживала в покоях у знатных дам: те, повторюсь, рады были привечать красивую, приветливую и умную девочку, звали ее то почитать вслух (это искусство Ири постигла как-то незаметно, когда пробиралась на уроки детей вельмож и тихонько сидела в уголке), то музицировать и танцевать…

Никто не учил ее этому нарочно, но даже старый преподаватель, помнивший еще деда нашего герцога, говорил, что у Ири удивительный слух, а грации ее движений позавидует любая принцесса: когда она начинала двигаться под музыку, казалось, она вовсе не касается паркета, и дамы ставили ее в пример своим дочерям. Ну а запомнить не такие уж сложные па придворных танцев даже мне было под силу, что уж говорить об Ири!

Наверно, каждой матери ее ребенок кажется самым лучшим, особенным и одаренным… Но что же тут скажешь, если Ири в самом деле выделялась среди других девочек?

Я же боялась только одного: кто-нибудь догадается, чья Ири дочь. И ведь это было так легко понять! От меня она взяла только смоляной цвет волос, но все остальное… У нее была белая кожа, не сгоравшая на солнце, но лишь едва золотившаяся от загара, тонкие черты лица, легкая кость, гибкая фигурка – ничего общего с моей крестьянской основательностью, – но при этом немалая сила. И глаза… Создатель, эти глаза! Помню, поначалу я не могла в них смотреть. Потом привыкла – это была Ири, не Ирранкэ, и в ее глазах я видела не море, а грозовое небо, и отблески солнца в лесном озере, и блеск росы на весенней траве…

Она пахла первым снегом. И ландышем.

Алии в наших краях не появлялись. И никто не приезжал за ключом, который я с той самой ночи носила на шее не снимая.

«А ты был бы рад, наверно, узнав, что у тебя есть дочь, – подумала я, расчесывая на ночь волосы. – Это же намного больше, чем просто воспоминание! Да что там, как можно сравнивать подобное?»

– Мама, ты что, плачешь? – окликнула Ири. – Что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Нет, – покачала я головой, а она забралась ко мне на колени. – Правда, звездочка, все в порядке. Так… вспомнилось кое-что.

– Ты о бабушке думала? – поразмыслив, спросила Ири: я сидела перед зеркалом, о котором ей уже рассказывала, отсюда, наверно, и взялся ее вывод. – То есть твоей бабушке?

Я молча покачала головой. Почему-то дочери я лгать не могла.

– О твоем отце.

– Ты о нем никогда ничего не говоришь, – сказала Ири и заглянула мне в лицо. – Он тебя обидел?

– Да что ты!

– А где он тогда?

– Умер, – ответила я и сжала губы, потому что не хотела в это верить. – Он умер, звездочка. Ты очень на него похожа.

И это было правдой: теперь, когда Ири исполнилось восемь, стало ясно, что она – одно лицо с Ирранкэ. Те же высокие скулы, прихотливо изогнутые брови, и тонкий нос с едва заметной горбинкой, и твердая линия рта. Только у него губы были по-мужски узкими, а у Ири – красиво очерченными, алыми, как кровь на снегу… Начнешь разглядывать все по отдельности: вроде бы и ничего особенного и писаной красавицей не назовешь. А потом взглянешь – и оторваться невозможно! А глаза… Ох уж эти глаза!

– Так часто говорят, если мужчина взял и ушел, – вдруг сказала она. – Я слышала от служанок. И от нашей бабушки. А на самом деле вовсе он не умер, а просто у него еще жена есть и другие дети!

– Твой отец не был женат, – ответила я, хотя не знала наверняка. – И он знал, что уходит умирать. Останься он в живых, вернулся бы, это уж точно.

«Не ко мне, так за ключом», – добавила я про себя.

– Он был хороший? – тихо спросила Ири.

– Я его почти не знала, – честно сказала я. – Я понятия не имею, каким он был в обычной жизни. С виду – вроде нашего герцога, суровый и властный, а со мной…

Я прижала дочку к себе, вдохнула морозный запах…

– А плакать не надо, – попросила Ири. – Мама? Ну что с

тобой сегодня?

– Он говорил точно так же… – вздохнула я, смахнув слезы. – Когда прощался. Ну, довольно! Идем спать.

– Ага… Завтра к бабушке сходим?

Я кивнула, задула свечу и забралась под одеяло.

Так-то Ири частенько бегала к моей матери одна, то гостинец относила, то просто так – поиграть со сверстниками. Здесь-то, хоть детей и хватало, но… Отпрыски слуг – вечно заняты, подай-принеси, нарежь-почисти, помой-подмети, а дети знатных особ заняты учебой либо рукоделием, с ними не пойдешь головастиков в канаве ловить! Но не дело ведь сидеть сиднем день деньской, да и хозяйственные дела наскучивают в таком-то возрасте… Я помнила, как бабушка отправляла меня к маме погостить и развеяться, и сама так же поступала с Ири.

Вот только намедни дочка сказала, что в прошлый раз, когда она несла бабушке лучшие пирожки от нашей кухарки, за ней увязался какой-то мужчина. Ири убежала и спряталась в овраге, и просидела там чуть ли не до заката, боясь, что тот человек где-то поблизости, и только вечером побежала сломя голову к бабушке. Назад ее мой старший брат проводил, спасибо ему, но больше я не собиралась отпускать дочь одну. Пускай ей едва сравнялось девять, но мало ли падких на красоту ублюдков? Не рухнет замок, если ключница на полдня отлучится…

«А ты все-таки остался со мной, как я и просила, Ирранкэ, – подумала я, дотронувшись до ключа. Я заменила его серебряную цепочку на железную, дорого заплатила мастеру, чтобы сделал попрочнее, тройного плетения, как у лучшей кольчуги. Сам ключ спрятала в кожаный мешочек, а цепочку перевила сыромятным шнурком, на котором этот мешочек висел. Наверно, проще было оторвать мне голову, чем сдернуть эту подвеску! – Жаль, ты никогда не увидишь Ири. А я никогда не забуду тебя. Как жасмин зацветет – ты тут как тут…»

Жасмин благоухал так, что дыхание останавливалось: Ири принесла целую охапку свежих ветвей и поставила в кувшин, сказала, садовник подстригал кусты и срезал лишнее, так не пропадать же такой красоте!

* * *

Мы вышли еще до рассвета и, право, славно было идти по мокрой от росы траве! Как я любила в детстве пробежаться вот так по лугу, раскинув руки, а потом упасть на спину и смотреть в

бездонное небо, на облака, в рисунке которых мне мерещились то конные рыцари, то драконы с грифонами, то прекрасные дамы с единорогами, а то просто пушистые коты…

– Мам, я разуюсь, – сказала вдруг Ири и, не дожидаясь моего разрешения, живо скинула ботинки и чулки. – Как хорошо!

– Холодно еще, – нахмурилась я, но она только помотала головой:

– Вовсе нет! Сама попробуй, земля совсем теплая, а трава такая щекотная…

А и правда: когда-то я и сама бегала босиком чуть не до снега, а теперь, гляди-ка, остепенилась, подумать смешно!

– Погоди… – Я тоже разулась и ступила на прохладную траву. – Ой!

– Ты не привыкла просто! Иди вот так, тут мягко… А тут осторожно, мам, крапива уже вылезла, а она по весне такая жгучая, просто ужас… А лучше закрой глаза! Ну, закрой, я тебя за руку поведу!

– Ну хорошо, – сдалась я и зажмурилась. – А зачем это?

– А ты шагни, и почувствуешь, – серьезно сказала Ири. – Что у тебя под ногой? Какое оно?

– Что-то прохладное… гладкое, – подумав, ответила я. – Подорожник?

– Верно! А тут?

– Шершавое… никак лопухи уже проклюнулись? Так, а это вот точно крапива!

– Угадала! – засмеялась Ири и потянула меня вперед.

Молодая трава щекотала ступни, и я вдруг словно вернулась в детство, когда вот так же могла узнать, не глядя, на что наступила: на нежные пушистые листочки земляники, на жесткие кожистые листья ландыша (он-то что на обочине позабыл?), на клейкую по весне заячью капусту, мохнатый и не колкий еще репейник, мягкий бархатный мох или прошлогоднюю осклизлую солому…

Ири скакала вокруг меня козленком, но вдруг замерла, прислушиваясь, и сказала:

– Едет кто-то по дороге. Конных десяток и… да, карета. Мам, может, лучше лесом пойдем? Ну их…

Я ничего не слышала, но привыкла уже к тому, что Ири чуть не за полдня пути может угадать, много ли народу явится в гости в замок, поэтому кивнула.

– Не заблудимся?

– Да где же там плутать? – удивилась она и потащила меня в рощицу. – Вот он, тот овраг, а от него до бабушкиного дома рукой подать!

В весеннем лесу было до того хорошо, что я позабыла, куда и зачем мы идем.

– Скачут… – шепнула вдруг дочь и дернула меня за рукав, вынуждая присесть. – Гляди!

Сквозь прозрачный еще кустарник я увидела промчавшихся всадников и запряженную четвериком карету.

– Это теща нашего герцога, – сказала я, разглядев герб на дверце экипажа, и невольно улыбнулась. – Он ее так страстно любит, что наше отсутствие ему только на руку! Авось ей не понравится прием, она и уедет восвояси.

– А тебя честно отпустили, – добавила Ири. – Как положено. А что она заявилась без спросу, так мы не виноваты, правда?

– Ага! – улыбнулась я. – Так где, ты говоришь, короткий путь через овраг?

– Я покажу! Идем, мам! – загорелась она. – Только там ручей наверняка разлился, но это ничего, он не очень глубокий!

Конечно же, мы вымочили юбки, хоть и подоткнули их выше колен, измазались, потом долго отмывались в том самом ручье… И мне вовсе не хотелось идти ни к матушке, ни обратно в замок. Весенний лес был невыразимо прекрасен! Уже начали пробовать голос соловьи, негромко отсчитывала чьи-то годы кукушка, нежно пахли ландыши – ими поросли целые поляны, – и мокрая трава, и едва развернувшиеся блестящие листья, и молодая хвоя цветущих елей и сосен…

– Мам, гляди! – раздался голос Ири, и я, вздрогнув, очнулась. – Какие милые!

Ей под ноги выкатились четыре меховых клубка, мне показалось сперва – щенки… Да, щенки, только волчьи! Откуда бы тут взяться собакам?

– Чудо какое! – Ири схватила сразу двоих в охапку и повернулась ко мне, улыбаясь во весь рот. – Правда, мам?

– Оставь их, – тихо попросила я. – Не трогай. Идем скорее отсюда…

– Ну почему-у! – воскликнула она, отпустила щенков и, подоткнув юбку, упала на четвереньки. – Смотри, какие смешные! Тяв!..

Щенкам понравилась новая игра, они наскакивали на Ири, били лапами и игриво покусывали ее за рукава, за подол, а она только смеялась да норовила повалить их в траву и мягкий мох и в шутку пугалась, когда острые щенячьи зубы щелкали возле самого ее носа.

Надо было хватать дочь и тащить прочь, и я уже сделала шаг вперед, как вдруг…

Что-то холодное коснулось моей руки. Я посмотрела вниз и

оцепенела: рядом со мной стояла волчица. Крупная, хоть и худая волчица с отвисшими сосцами, перелинявшая уже, серовато-бурая.

Я встретилась взглядом с желтыми волчьими глазами…

Говорят, на диких животных нельзя смотреть в упор, они принимают это за вызов. И еще – от меня наверняка оглушительно пахло страхом, а звери ведь отлично это чуют!

«Только не трогай Ири, только не ее, лучше меня… – вот все, о чем я могла думать в ту минуту. – Мы же ничего тебе не сделали, мы просто шли мимо, а она ребенок, как твои щенки, видишь, они играют?»

Она вздохнула, села рядом, снова коснувшись холодным носом моей руки, и уставилась на возню своих щенят с моей дочкой.

– Угощайся… – шепотом сказала я, осторожно подняв руку и вынув из корзинки пирожок с мясом.

Волчица глянула на меня, понюхала гостинец, взяла пирожок и улеглась, зажав его в передних лапах и откусывая понемножку. Когда она закончила, я достала второй, разломила и предложила ей половину. Волчица не отказалась.

– Вот ведь глупые, – сказала я зачем-то, кивнув на детей, которые носились взапуски по поляне, топча первоцветы. Потом подумала и села на траву. Что стоять-то? Если волчица захочет, она так и так меня задерет, не отобьюсь. У меня при себе даже палки нет, а мой маленький нож волчице – что заноза. Я ведь не опытный охотник, чтобы глотку ей одним движением перерезать!

Волчица облизнулась и ухмыльнулась во всю пасть. Я не удержалась, боязливо протянула руку и положила ее на щетинистый загривок. Собаки на ощупь совсем не такие…

Мы успели прикончить почти все пирожки к тому времени, как дети наигрались и кинулись к нам. Я уже и не пыталась отбиваться от волчат, лезущих ко мне на колени, и не думала отпихивать Ири, бросившуюся к волчице.

– Это она, мам! – радостно сказала дочка, обняв ее за шею. Волчица ласково лизнула ее в ухо. – Когда я от того дяденьки пряталась в овраге, она пришла и сидела рядом, пока он не ушел. А ее муж увел собак за собой! У него собаки были, я разве не говорила? Наверно, охотиться ехал.

– Не говорила… А куда он делся? – зачем-то спросила я. – Волк, не дяденька.

– Не вернулся, – помолчав, ответила Ири. – Видишь, какая она худая? Охотиться некому, она одна осталась.

Я переглянулась с волчицей, она устало прикрыла глаза. Кажется, мы понимали друг друга.

– Так мы идем к бабушке?

– Да нет уж, пожалуй, – вздохнула я, взглянув на ее перепачканное платье. – Вернемся обратно. В другой раз сходим.

– А и ладно! Зато я их повидала! – весело сказала Ири и снова сгребла в охапку подвернувшихся волчат. – Знаешь, какие они маленькие были смешные? Во-от такусенькие, пушистые, клубочки-колобочки!

– А ты откуда знаешь? – нахмурилась я.

Волчица снова ухмыльнулась во всю пасть.

– Ну… я когда к бабушке шла, всегда сюда сворачивала, – повинилась Ири. – Посмотреть, как они. И приносила что-нибудь, а то рано-то по весне совсем голодно, дичь тощая, да и много ли в одиночку наловишь тех зайцев?

– Вот и воспитывай ее! – сказала я волчице. – Спасибо, что не закусила ею. Она одна у меня.

Та только фыркнула, смешно сморщив черный нос, и встала. Волчата мигом подкатились к ней, а когда мать потрусила в лес, пристроились след в след, как взрослые.

– Чего я еще о тебе не знаю? – спросила я Ири, когда она отряхнула подол и выпрямилась.

– Ну… ты же не разрешила бы мне ходить к волкам, – серьезно сказала она, подумала и добавила: – И лосей угощать. Они соленые ржаные сухари любят. А маленькие лосята тоже ужасно смешные! Ноги – во-от такущие!

– Лоси – еще куда ни шло, – тяжело вздохнула я. – Но…

– А к медведю я не ходила, – поспешно заверила Ири. – То есть, конечно, я его знаю, но так… иногда вижу, когда через малинник летом иду, зимой-то он спит. Ну так я здороваюсь да прохожу скоренько… Хотя…

– Что? – спросила я, понимая, что сейчас сойду с ума.

– Да нет, ничего, – сказала она, посопела и созналась: – Бабушкино варенье в прошлом году… Я тебе сказала, что горшочек разбила, а на самом деле ему отдала. Он сластена такой, унюхал и привязался – угости да угости… Ты не злишься, мам?

– Нет, я просто в ужасе, – честно ответила я. Рука еще помнила прикосновение волчьего носа. – Идем домой.

– Правда не злишься? – допытывалась Ири. – Мам, ну он очень просил, я и дала попробовать… А ему тот горшочек – два раза лизнуть. Вот. Мама? Ты что?

– Ничего, – покачала я головой и утерла глаза. – Я не буду сердиться, ты только говори мне, что делаешь и куда идешь, а то… где тебя искать-то, случись что?

– Звери меня не тронут, – со странной уверенностью заявила

дочка. – Я знаю. Если я им вреда не причиню, то и они… Люди хуже. Они не понимают.

– Я тоже? – зачем-то спросила я.

– Ты понимаешь, – подумав, ответила Ири. – Ты же говорила с волчицей, а она отвечала! А другие бывают хуже зверей, ничего им не объяснишь…

– Только в замке такого не скажи, – попросила я, взяв ее за плечи. – А не то… такого насочиняют!

– Не скажу. Говорю же – они не понимают. Не слышат даже. Ни собак, ни лошадей… Вот Марта-скотница – та умеет с коровами разговаривать, но она сама по себе, – Ири вздохнула, – не очень умная.

У Марты и впрямь с головой было неладно, но она хорошо ладила со скотиной, умела успокоить даже самую бодливую корову или буйного бычка, козы ходили за ней как привязанные, и даже дерзкий петух, однажды клюнувший самого герцога, слетал к ней на могучее плечо и ласково щипал за ухо.

Я вспомнила Ирранкэ: видела, как он гладил коня, собираясь в дорогу, и вроде бы шептал ему что-то, а жеребец норовил положить голову ему на плечо и ласково фыркал… Может, у Ири алийская кровь так сказывается? Или просто совпадение?

– Идем, – сказала я, подумала и добавила: – А увидишь того человека, что к тебе руки тянул, укажи мне на него. Ему не поздоровится!

– А что ты ему сделаешь, мама?

– Убью, – спокойно ответила я. – Так ведь поступают волчицы?

Глава 7

А время шло незаметно: я вдруг обнаружила, что стала тетушкой нескольких племянников, – это мои братья успели жениться и обзавестись потомством, сестры тоже – какая была сговорена, какая на выданье. Вот когда пригодились припрятанные деньги: кому на свадьбу подарок приготовь, кому на рождение!

Ири выросла настолько, что ее вполне можно было принять за взрослую девушку, и хоть одевалась она очень скромно, на нее все равно глазели и юнцы, и бородатые мужчины, и это меня пугало.

– Хоть с головой в портьеру заворачивайся, а лучше в рыцарские доспехи прячься, – ворчала она вечерами, – ты посмотри, мам, опять синяк! Это маркиз Арлен, щиплется, как гусак. Из самого уже песок сыплется, а он все «внученька» да «внученька»! Пень старый…

Что я могла поделать? Ко мне, помнится, не больно-то приставали, но я в этом возрасте не была и вполовину так хороша, как Ирена! Гонять от нее слуг было мне по силам, да она и сама могла и ответить, и оплеуху дать: рука у дочки оказалась потяжелее моей. Но то слуги, они понимали, что не про их честь такой цветок расцвел. Однако, если им прикажут доставить девочку господину…

Но куда деваться? Отправить Ири в деревню к бабушке, смотреть за малышней? Но там тоже парней хоть отбавляй, затащат на сеновал, всего и дел-то… как вон матушку мою. Та, положим, не больно-то сопротивлялась, потому как мой отец оказался ей по нраву, но она была уже взрослой, а Ири еще ребенок! Да и не отобьется она от двоих-троих.

Если бы удалось пристроить ее горничной к какой-нибудь знатной даме или девице из тех, что сумели бы защитить! Ведь Ири умела и одеть госпожу, и причесать, и даже лицо накрасить, уж молчу о шитье и прочем… Но куда там! Какая женщина потерпит подле себя и своих дочерей горничную, которая намного красивее их? Даже дряхлые старухи подбирают служанок поневзрачнее: такие и с кавалерами по углам не обжимаются, и вообще… знают свое место.

Когда меня одолевали такие мысли, я звала ее и шли мы прочь из замка, обычно ночами, недалеко, до оврага. Ири разведала, как можно выбраться наружу, минуя стражу: в старой башне, которая все никак не могла обрушиться, хотя с ее макушки то и дело падали камни, имелся подвал, а из подвала лаз вел за пределы крепостных стен. Конечно, я запрещала дочери лазить на эту башню, она и не лазила… на нее, а насчет подвалов уговора не было – так она и заявила, когда я отругала ее за рискованные похождения и испачканное платье.

Зимними ночами из леса выходили волки. Может, те самые, может, другие, я среди них отличала только ту волчицу, а вот Ири, казалось, знает каждого.

Иногда мимо проходили лоси – огромные и неуклюжие с виду, они двигались удивительно быстро и плавно на длинных своих ногах, взрезая грудью глубокий снег, будто невиданные корабли бороздили пенные волны, и исчезали в лесу. Правда, против соленых сухарей устоять не могли – подходили полакомиться. Особенно лосята любили угощение, совались бархатными мордами в руки, забавно сопели и косили темными глазами – не припрятали ли мы чего-нибудь?

Время от времени откуда-то из темноты бесшумно слетала на мягких крыльях сова – только и заметишь дуновение ветерка, – и снова пропадала.

Ранним утром на снегу мышковали лисы, ослепительно-огненные на белом…

Ну а весной и летом в лесу было раздолье! И по осени – я никогда не забредала так глубоко в лес, как делала это теперь, с Ири.

– Откуда ты знаешь, что это съедобные ягоды? – спрашивала я в который раз.

– Птицы клюют, значит, съедобные, – отвечала она, набивая рот.

– Лоси вон мухоморы едят!

– Но это же совсем другое, мама, – серьезно говорила Ири. – Попробуй. А вот те не трогай. Они тоже красивые, но ядовитые.

– Их ведь тоже птицы клюют.

– Не все, сама посмотри! Только красногрудки, а остальные даже и не пробуют!..

Казалось бы, после таких походов я должна была целый день клевать носом и едва волочить ноги, а Ири тем более, но нет! Я забыла, когда в последний раз маялась после бессонной ночи, и началось это… Верно, как раз после рождения Ири. Случалось подобное и раньше: тогда Ирранкэ коснулся моего лица, и я еще несколько недель вставала бодрой и выспавшейся, даже если удалось урвать всего пару часов сна, но потом это сошло на нет. А когда появилась Ири, я с ужасом думала о том, как буду то и дело вскакивать ночью к дочке, а утром приниматься за работу, но… Ири оказалась на редкость спокойной, почти всю ночь спала беспробудно, а я перестала мучиться от недосыпа. Бабушка говорила: под старость люди спят меньше, но мне-то до старости было еще далеко… Чудеса да и только!

Однако никакое чудо не может длиться вечно, закончилась и наша пускай не вовсе беззаботная, но все-таки спокойная жизнь…

Близился праздник – герцогу нашему сравнялось полвека, и он намеревался отметить это событие со всей родней и знакомцами. В замке началась привычная суета: проветривали и протапливали гостевые покои, служанки носились туда и сюда с перинами и подушками, выбивали портьеры и ковры, надраивали перила и паркет, чистили хрусталь, серебро и бронзу. Кухарки сбились с ног ожидалось немало гостей, и наготовить снеди на такую ораву было делом не из простых!

Ну и я за несколько дней ни разу, считай, не присела: тем отопри кладовую с постельным бельем, этим – сундук со столовым серебром, да пересчитай его заодно… Сбегай туда, сбегай сюда, проверь вместе с экономом и распорядителем, все ли везде в порядке, достаточно ли привезли вина и прочих напитков, хватит ли припасов, не ударит ли хозяин лицом в грязь перед

знатными гостями? С нас же и спросят, окажись что не так!

Ири была при мне неотлучно: порой нужно срочно отправить кого-нибудь с поручением, а пока поймаешь какого-нибудь слугу… он, пока добежит, половину забудет, а другую – перепутает! Ири хоть понимала что к чему, а память у нее была лучше некуда, раз скажи – запомнит от и до. Вот она и летала туда-сюда, то на кухню, то еще куда.

Так и вышло, что когда явился очередной гость, обе мы оказались во дворе, как и другая челядь, и видели пышный кортеж – это был какой-то заморский вельможа, так закутанный в меха, будто на дворе стояла не теплая осень, а лютая зима.

Оказалось, что и нас увидели. И запомнили…

Праздновали, как водится, долго и очень, очень богато – негоже скупиться ради такого дела, заявил герцог, и ни супруга его, ни сыновья не могли возразить. Я знала, что у старшего, наследника, человека не то чтобы скупого, но прижимистого, сердце кровью обливается при виде таких безмерных и бессмысленных трат (видно, он удался в свою бабушку), да и младшему милее не пиршества, а путешествия, на которые отец ему денег жалеет… Но разве скажешь хоть слово поперек?

– Когда ж это закончится? – простонала старшая кухарка, утерев пот со лба, и тут же крикнула: – Эй, там, ставьте еще тесто да порубите цыплят!

– Еще дня два потерпи, – сказала я, потому что сама уже не чаяла избавиться от этой шумной толпы. Вот, заглянула к ней якобы с поручением, а на самом деле просто передохнуть, пускай даже в кухонной жаре и чаду. – Кое-кто уже отбыл, скоро и остальные по домам потянутся. Путь неблизкий, им успеть бы до снега вернуться.

– Твоими бы устами да медок наворачивать, – пробурчала она и пошла по кухне, отвешивая подзатыльники поварятам и пробуя кушанья. – Сколько они сожрали – это ж снеди на целую деревню!

– Марион, тебя герцог ищет! – заглянул с лестницы лакей.

– Это еще зачем?

– Он мне не докладывается, сказал, чтоб явилась к нему, и все, – пожал тот плечами и убежал прочь.

– Подожди меня здесь, – велела я Ири, и та кивнула. Пусть лучше побудет под присмотром Катрины, которая меня девчонкой помнит, чем окажется одна наверху, где полным-полно нетрезвых мужчин! – Катрина…

– Пригляжу, – махнула она гигантским половником. – Ири, а ты не стой столбом, порежь-ка пока вон овощи!

Я отряхнула передник, пригладила волосы и живо взбежала по лестнице. Мое счастье – годы меня почти не брали, как

бабушку Берту и матушку, а то иные в моем возрасте уже старухи старухами! Повезло, ничего не скажешь…

– Ваша светлость? – присела я в реверансе, когда камердинер впустил меня к герцогу. – Чего изволите?

– Есть у меня к тебе разговор, Марион, – негромко произнес он, мучительно икнул, отпил из бокала и скривился. Это было не вино, а какой-то лечебный отвар, поняла я по терпкому запаху. Ну что же, если пировать несколько суток кряду, в самом деле худо придется, тем более его светлость уже не мальчишка. – О твоей дочке.

Я заставила себя сохранять спокойствие, хотя внутри у меня что-то оборвалось.

– Красивая выросла девчонка, – продолжал герцог, – смышленая и обходительная. Приодеть, причесать – настоящая принцесса получится, а?

Я молчала, не понимая, к чему он клонит.

– Внук одного из моих уважаемых гостей, дэшавара Урзы, увидел Ирену, – сказал он, а я попыталась сообразить, о ком он говорит.

Ах да, это тот раззолоченный вельможа, который все время мерз и требовал натопить сильнее и принести еще жаровен, хотя в его покоях и так стояла нестерпимая духота.

– Увидел и сказал, что хочет взять ее в жены, – продолжал он. – Это самый любимый из внуков дэшавара Урзы, сын его единственной, ныне покойной дочери. Он не наследник и никогда им не будет, но дед потакает ему во всем, Марион, слышишь? Во всем! А мне позарез нужны его корабли и его связи, потому как торговля с югом – это не золотая, это бриллиантовая жила! И если я окажу своему дорогому другу крохотную услугу… – герцог улыбнулся, – он станет намного сговорчивее.

– Вот как… – сумела я выговорить.

– Да. Если мы сумеем угодить его обожаемому внуку, так похожему на безвременно покинувшую этот мир Алишу, да лягут облака коврами под ее ноги, – передразнил его светлость южного гостя, – переговоры пойдут намного легче.

– Но Ирена ведь простолюдинка, – прошептала я.

– Для южан это имеет значение только в том случае, если заключается политический брак, – ответил он. – В остальном… красота, или деньги, или все разом, вот как они выбирают невест. Вдобавок… – тут герцог подался вперед, едва не опрокинув кубок, – она не вовсе безродная, верно? Наши с тобою деды, Марион, были сводными братьями, и об этом не слыхал только глухой! Да и взглянуть на нас – похожи ведь, а?

– Да, ваша светлость, – ответила я, пытаясь сообразить, как

теперь быть.

– И отец Ирены, сдается мне, был отнюдь не подлого происхождения, – хмыкнул он. – Сознайся наконец, от кого ты ее нагуляла? Уж не от дальнего ли нашего родственничка, виконта Иддена? Что глаза прячешь? Угадал? Больно уж девчонка на него в профиль похожа, а сам Идден давно носа к нам не кажет…

Я промолчала, решив, что так будет лучше, а виконт, которого я помнила крайне смутно, переживет приписанного ему внебрачного ребенка, тем более девочку.

– Угадал, похоже, – довольно сказал герцог. – Ну да это уж мелочи. Сколько ей лет-то, запамятовал?

– Зимой будет двенадцать, – выговорила я. – Ваша светлость, она ведь еще ребенок! Как же…

– Ничего, вон какая кобылка вымахала, на все пятнадцать потянет, – фыркнул он. – В тебя статью пошла, похоже… А что молода, не страшно, на юге девчонок как раз в этом возрасте и отдают. Ну да мы годок-другой припишем для верности… И не благодари!

Я уставилась на него во все глаза.

– Что ей тут делать-то? – спросил герцог, допив свой отвар и передернувшись. – Замуж ее кто возьмет? Такой же, как ты? Да и не успеют присвататься – принесет в подоле, уж поверь. Чтоб мимо такой красоты пройти да утерпеть – это надо святым быть, а у нас тут таких не водится. Сколько еще ты сможешь ее укарауливать? А то сама влюбится в проходимца какого-нибудь да и сбежит с ним. Так хоть пристроена будет, на золоте есть, на шелках спать, в собственном дворце жить…

«А потом она надоест этому мальчишке и отправится на кухню, а то и на невольничий рынок, – могла бы я сказать, но сдержалась усилием воли. – Или он подарит ее какому-нибудь из своих придворных. Вроде бы у южан это в ходу: оделять отличившихся конем из собственной конюшни, перстнем со своей руки, одеянием с господского плеча… наскучившая жена ничем не хуже!»

– Великодушие вашей светлости поистине безгранично! – сказала я, склонившись в реверансе как можно ниже, чтобы он не увидел моего лица. – Не знаю, как и благодарить вас за такое участие в судьбе моей дочери…

– Не благодари, – ухмыльнулся герцог. – Очень уж удачно сложилось… для всех, а, Марион? И у тебя голова болеть не будет о том, как бы дочку уберечь до поры да пристроить, и я живо старика Урзу придавлю, мол, если хочешь внучка побаловать, подавай-ка договор на моих условиях! Каково?

– Вы всегда отличались большой дальновидностью и редким

чутьем, ваша светлость, – смиренно ответила я.

– То-то же… – Он подумал. – Так… У южан еще есть дела у наших соседей, но к зимним праздникам они вернутся… бедолаги! Уже теперь в сто одежек кутаются, а каково им будет зимой, а, Марион? Они, говорят, и снега отродясь не видывали, уж младшенький-то точно!

– В самом деле, им здесь неуютно, – подтвердила я. – В их покоях жарче, чем на кухне в разгар готовки.

– Топите, сколько прикажут, – кивнул герцог. – И вот еще что…

Он бросил мне увесистый кошелек.

– Справь девчонке приданое. И платье на свадьбу. Не королевское, конечно, но чтоб видно было: не простую служанку отдаем, а… скажем, дворяночку из бедных, не титулованную. Ясно? Справишься?

– Конечно, ваша светлость, – кивнула я.

– Ну, тогда иди. Да помалкивай покамест!

– Разумеется, ваша светлость, – ответила я, еще раз поклонилась и вышла.

Тяжелый кошелек оттягивал мой карман.

* * *

– Я лучше в лес к волкам жить уйду, – заявила Ири, услышав, какой подарок приготовил ей на день рождения наш герцог. – Неужели никак нельзя отказаться, мама?!

Я только крепче прижала ее к себе: мы сидели на кровати в своей комнате и держали военный совет.

– Послушай еще вот о чем, – добавила я и пересказала все те доводы, которые мне самой не раз приходили на ум и которые повторил герцог. – Я и впрямь тебя не уберегу, ты слишком красивая, Ири, но всего лишь служанка. А ты знаешь, что случается даже с дурнушками…

Она молча кивнула: о таких вещах дочь моя знала с малых лет, да и как не узнать, когда в замке служанки шмыгают туда-сюда и шепчутся о своих милых, а в деревне так уж и вовсе подобного не стесняются!

– Как ко мне бабушка никого не подпустила, даже не знаю. То ли времена другие были, то ли люди? А еще жив был старый герцог, он, бабушка говорила, виноватым себя чувствовал, что моего деда куда-то отослал, а тот не вернулся, и не велел нас с нею трогать. А нынешний, хоть и знает, что мы родня, а все равно…

– Не лучше племенной кобылы, – гневно фыркнула Ири.

– А кто знает, не лучше ли тебе будет замужем? Как он сказал – на золоте есть, на шелках спать… – пробормотала я.

– Конечно, мужу ноги целовать и до скончания века взаперти сидеть еще с десятком таких же… будто ты никогда не слыхала, как женщины у южан живут!

– Вдруг ты станешь любимой женой?

– А вдруг нет? – Ири обняла меня за шею и положила голову мне на плечо. – Я не пойду замуж, пускай это будет даже самый распрекрасный принц! А он вдобавок вовсе не принц и совсем не прекрасный, ты же видела!

Я видела, конечно. Внук дэшавара Урзы, Алиш, мог бы показаться симпатичным юношей, если б не был так толст. Должно быть, баловали его с раннего детства, сдували с него пылинки и подносили яства, каких только душа пожелает. А поесть южане любили…

Другое дело, что прочие-то и верхом ездили, и с саблями управлялись так, что любо-дорого посмотреть, и плясать были мастера на загляденье, а Алиш предпочитал возлежать на мягких подушках и наблюдать за остальными. Вдобавок капризен он был неимоверно, а еще вспыльчив и обидчив. С вельможами, правда, Алиш держался весьма обходительно и почтительно, но вот прислугу свою мучил несказанно…

А я еще подумала: надо же, для Урзы Алиш – сын любимой умершей дочери, совсем как Ирранкэ для его деда! Вот так каприз судьбы… Они ведь совсем разные! А хотя, говорят, у судьбы двух одинаковых не бывает…

– Что, так и будешь до старости в девицах сидеть? – усмехнулась я, чтобы отвлечься.

– Когда-нибудь встретится… настоящий, – странным тоном ответила Ири. – Как тебе. А нет, так фальшивки мне не надо.

– Не о том мы говорим! – встряхнула я головой. – Так или иначе, рано тебе замуж! Это раньше в тринадцать отдавали, но то во времена моей бабушки… а тебе-то и двенадцати нет. А и исполнится – не отдам!

– Ты же сама сказала – никак не воспротивишься, если герцог приказал, – напомнила она.

– Именно.

Я отстранилась, встала и вынула из тайника тот кошелек, что передал мне когда-то Ирранкэ. Там оставалось еще больше половины, потому как зазря я деньгами не швырялась, да и семейству помогала умеренно, чтобы окружающие не заинтересовались, откуда это у меня лишние деньги, не подворовываю ли…

– Это откуда? – удивилась Ири.

– Отец твой оставил, – ответила я. – А я сберегла. Думала, пригодится тебе в приданое, когда замуж соберешься, на обзаведение хозяйством, то да се, мало ли…

– Вот меня и собрали, не спросив!

– А это вот герцог дал. – Я бросила рядом второй кошелек. – Тоже… на приданое для тебя, чтобы перед женихом стыдно не было.

– Мам… – Ири подняла на меня свои невозможные глазищи. – Но это ведь такая прорва деньжищ! Давай просто возьмем их и сбежим! На это же можно свой дом купить и хозяйством обзавестись, как ты говоришь…

– А ты думаешь, зачем я их тебе показываю? – усмехнулась я и села обратно. – Послушай, никого поблизости нет?

– Никого, – на мгновение замерев, ответила она. – Все спят давно, умаялись. Так что же, мама?

– Надо сперва придумать, куда бежать, – ответила я, взвешивая на ладони кошелек Ирранкэ. – Так, чтобы сразу не отыскали. Герцог, сама понимаешь, страшно обозлится, если ты исчезнешь. Этак вот гости вернутся, а птичка-то упорхнула! И как с ними объясняться? Алиш разозлится, что ему новую игрушку не дали, дэшавар осердится, чего доброго, и прости-прощай, торговый договор!

– И если нас поймают…

– Меня в лучшем случае на конюшне выпорют и в деревню сошлют коровам хвосты крутить, а тебя… Не знаю. Если до приезда гостей успеют поймать, то им отдадут, а если после…

Я замолчала.

Я долго уже размышляла о том, куда нам с Ири податься. Само собой, подальше отсюда, может быть, даже через пролив… Но до побережья еще предстоит добраться, а ведь зима на носу! Зимы у нас суровые, путешествовать на своих двоих и опытные странники не отваживаются, отсиживаются где-нибудь в тепле… А мы? Я, сроду не бывавшая дальше матушкиной деревни, да девочка-подросток – далеко ли мы уйдем?

Можно было бы купить лошадей, да вот беда: я не умею ездить верхом! Взять еще и повозку? Править-то я умею, телегой, во всяком случае, правила в деревне… Но как это проделать, не привлекая к себе внимания? Где держать этих лошадей? Корма им задать и вычистить я еще смогу, но вот запрягать и распрягать – та еще забота!

Нет, с лошадьми хлопот полон рот, а случись что – даже в лесу с ними не спрячешься. А на дороге беглецов выследить намного проще…

У матушки моей в погребе не отсидишься, там искать станут

в первую очередь. Да она и сама убоится герцогского гнева, решит, что внучка от своего счастья бегает, да и шепнет кому надо, где мы с Ири прячемся.

– Нужно уходить по первому снегу, – сказала вдруг она, до того сосредоточенно о чем-то размышлявшая. – Чтобы следы укрыл.

– На снегу, наоборот, намного виднее, – нахмурилась я и вдруг вспомнила слова Ирранкэ: «Мы и на рыхлом снегу почти не оставляем следов». Может, Ири сумеет не потревожить и снежинки, но мне это уж точно не по силам!

– Это как идти, – задумчиво проговорила Ири. – Главное – убраться подальше, а самые морозы лучше где-нибудь переждать. Только нужно такое место, где нас точно не станут искать…

– А что, если… – я прикусила губу. – Старая герцогиня!

– Что? О чем ты, мам?

– Вдовствующая герцогиня, матушка его светлости, – напомнила я. – Она живет в своем поместье к западу отсюда, днях в пяти, кажется. Он приглашал ее на праздник, а она ответила, что уже слишком стара для такого путешествия и увеселений. Ей никогда такое не нравилось…

– И ты думаешь, она нас пустит? – тихо спросила Ири. – И не выдаст?

– Не знаю, но очень на это надеюсь, – честно ответила я. – Ко мне она всегда относилась благосклонно. И тебя видела, когда приезжала навестить сына. Ты была еще совсем крохой, только-только научилась ходить… Ее светлость строгих нравов, но мне почему-то выговаривать не стала, вздохнула только, покачала головой и дала тебе старинную серебряную монетку на счастье.

– Эту? – Ири выудила из-за пазухи монетку: я пробила в ней дырочку, чтобы можно было носить на шнурке.

– Ее самую.

– Тогда пойдем к ней? Может, если ей все-все рассказать, она правда нас спрячет? Хотя бы до весны!

– Попытка не пытка, – вздохнула я. – Но придется тяжело, Ири. Мы с тобой никогда так далеко и надолго не уходили, а ведь придется нести с собой и вещи, и припасы – как знать, сможем ли мы купить что-нибудь по дороге?

– А зачем нам идти по дороге? – нахмурилась она. – Пойдем напрямую, лесом.

– Ты смеешься? Я в трех деревьях плутаю!

– А я нет, – серьезно сказала Ири. – Да и… волки выведут. Только надо одеться потеплее и взять одеяла, а то в лесу ночевать холодно, а огонь не разожжешь – заметить могут.

– Так и замерзнем где-нибудь под кустом, – мрачно пошутила

я, пряча кошельки.

– Лучше уж так, чем на всю жизнь в клетку, – ответила Ири и накрылась одеялом с головой.

Я посидела еще немного, потом улеглась рядом, обняв дочь покрепче, а она, успевшая уже задремать, прижалась ко мне, как делала это всегда.

«Ирранкэ, – сказала я, глядя, как медленно движется серп луны за окном, – что мне делать? Куда ни кинь – всюду клин! Останемся – Ири, радость мою, отдадут этому толстяку на забаву. Сбежим… как знать, останемся ли живы? Волки-то нас не съедят, но замерзнуть зимой в лесу – проще некуда!»

Ири повернулась во сне, сбросив одеяло, я потянулась укрыть ее и замерла: лунный свет падал на ее руку, и мне показалось, будто на коже проявляется едва заметный светящийся рисунок, тонкий, замысловатый… Такой же или похожий я видела у Ирранкэ. Но у него… я думала, это татуировка. У Ири же не было подобных отметин на коже, я все ее родинки наперечет знала! Тут луна зашла за облако, в комнате потемнело, и сложная серебристая вязь на руке Ири, померцав, исчезла. Но не померещилось же мне?

– Может, это ты мне так знак подаешь? – прошептала я одними губами. – Если Создатель сотворил вас из лунного луча и первого снега… Первого снега, вот как!

– Мам, ты что, не спишь? – пробормотала Ири, приоткрыв один глаз.

– Сплю, сплю, – заверила я. – Просто размышляла. Ты права. Уйдем по первому снегу.

– Стоило столько раздумывать… – зевнула она и снова заснула.

Глава 8

Конечно, взять и уйти вот так, с бухты-барахты, было невозможно. С собой нужно было брать только самое необходимое, но этого необходимого набиралось столько, что не враз поднимешь! Тогда я безжалостно выбросила все вроде бы нужное, а на самом деле такое, без чего можно было обойтись. Стало полегче…

Для отвода глаз я велела нашим мастерицам пошить для Ири несколько нарядных платьев, белье – дескать, растет, как сорняк, все уже мало! А у портного в ремесленном квартале заказала зимнюю одежду из теплой шерсти и толстого сукна, а еще прочные башмаки, якобы в подарок на зимние праздники матушке и сестрам. Все знали, сколько у меня родни, потому и не удивлялись, только кивали – дескать, до чего заботливая дочь, не забывает своих!

Чулки мы с Ири и сами могли связать, и даже мужские штаны сшили, опять же суконные, потому как под юбки. Ну, будем выглядеть как копна сена с копешкой, что за дело? Лишь бы не окоченеть!

Ну а кроме запасной одежды, одеял да припасов нам и брать с собой было нечего. Жаль было оставлять бабушкино зеркало, но не потащишь же его с собой? А потащишь, так разобьешь…

Золото мы зашили в пояса, а часть я разменяла на серебро и медь. Серебро, опять же, припрятали поглубже, а медяки пускай себе брякают в кошельках.

Ну и запас лечебных трав я захватила, весят они всего ничего, а вдруг пригодятся?

– Сегодня? – спросила я Ири.

Она неотрывно смотрела за окно. Медленно-медленно падали снежные хлопья, крупные, похожие на перья. В деревне о таком снеге говорят – Зимняя королева перину выбивает, к своему празднику готовится. Помню, я в детстве всегда удивлялась: неужели королева своими руками станет это делать? Наши знатные девицы подушку-то сами не перевернут, не взобьют, горничных зовут… Так положено, объяснила мне тогда бабушка, некоторые вещи нужно делать только самим, иначе ничего не выйдет. Так вот Зимняя королева снежную перину готовит, такую, под которой земле спать будет тепло и мягко, Весенняя – первоцветы собственноручно сажает и по лесу гуляет, чтобы ручьи скорее текли, сугробы таяли, а деревья оживали, Летняя – за урожаем следит, а Осенняя – собирает жатву. Не нами это придумано, не нам этот обычай менять. А что люди у себя напридумывали – дело десятое, четырем королевам с их королями до этого дела нет…

– Да, – ответила наконец дочь. – Сегодня. Он уже не прекратится.

Заморозки случались уже неделю подряд, пару раз выпадал и снег, но тут же таял. Дороги развезло, но вот сегодня поутру земля схватилась уже по-настоящему.

Замок крепко спал, когда мы пробрались в старую башню и через потайной ход выбрались за стену. Я хотела было обернуться и попрощаться с местом, которое было моим домом столько лет, но Ири потянула меня за рукав.

– Не оборачивайся, мама, – сказала она негромко. – Нельзя. Дороги не будет.

Я невольно поежилась, и не холод был тому причиной. По правде сказать, еще только-только подморозило, да еще и снег пошел, а когда он идет, почему-то не так зябко.

Мы свернули на привычную дорогу, а оттуда – в лес, к оврагу.

Небо затянуло тучами, но темно не было: снег все валил и валил, а от него всегда становится светлее. Ири углублялась все дальше в лес, и я шла за нею след в след, как это делают волки.

«Даже если пустят по следу собак, они его не возьмут, – сообразила я, – до утра все засыплет, если снег не прекратится, а он не прекратится, раз Ири сказала. Значит, за ночь нам нужно уйти как можно дальше…»

Пока еще нас хватятся, пока доложат герцогу! А то еще решат, что я к матери ушла, нарочно ведь вчера говорила, что холодает, надо ей обновки отнести до того, как морозы ударят, пусть даже до праздников еще далеко… Хорошо бы так, время выиграем: прождут до вечера, на ночь глядя точно никого не пошлют выяснять, куда я запропала, решат, что в деревне заночевала, а до следующего утра еще далеко. И никто ведь не подумает, что мы пойдем лесом!

Тут только я поняла, что рядом со мною уже давно кто-то идет, покосилась вниз и встретилась взглядом с молодым волком. Может, тем самым, с которым когда-то возилась Ири, может, другим. Их тут много, а я, повторюсь, их не различаю, разве только Меченого отличу – у него приметный шрам на морде, Хромого да Белого, их ни с кем не спутаешь. Ну и старую волчицу признаю, конечно.

– Ири, а мы точно сумеем пройти лесами до поместья герцогини? – шепотом спросила я.

– Конечно. Напрямик короче, чем по дороге, – ответила она. – Идем скорее. Нас проводят до полпути. Дальше уже не их охотничьи угодья, им туда нельзя.

Позже, когда я пыталась вспомнить это ночное путешествие, у меня ничего не вышло. Кажется, мы шли и шли… Я думала, придется петлять, обходя бурелом, перелезать через поваленные деревья, но волчья тропа словно сама собою стелилась под ноги, я старалась не отставать от Ири, а снег засыпал наш путь позади…

Очнулась я от того, что яркое солнце било мне в глаза. Оказалось, мы с Ири, обнявшись, лежим в яме под большим выворотнем, а по бокам, свернувшись клубками и укрыв носы хвостами, спят уже по-зимнему мохнатые волки. Как мы тут оказались, как расстилали одеяла и укладывались, я не помнила. Однако ведь не замерзли!

Волк побольше, очень светлой масти (это его я называла Белым), поднял голову, посмотрел на меня и зевнул во всю пасть, показав внушительные зубы. Второй, серо-бурый, тоже открыл глаза и потянулся.

– Ири, – потормошила я дочь. – Просыпайся!

– Еще минуточку…

– Никаких минуточек! Сейчас снегу за шиворот натолкаю!

Она живо села, едва не стукнувшись лбом о торчащий корень, и огляделась.

– Где мы? – спросила я.

– Мне-то откуда знать? – пожала она плечами. – Давай поедим и дальше пойдем, пока светло.

– И в какую же сторону?

– Солнце – вон оно, значит, запад вон там, – невозмутимо ответила Ири и по очереди погладила волков. – Спасибо, друзья. Бегите домой, может, свидимся еще!

Они точно так же, по очереди, лизнули ее в щеку, потом сунулись ледяными носами мне в ухо, развернулись и вереницей потрусили куда-то в сторону. Должно быть, собирались сделать круг, а может, поохотиться надумали, кто их разберет…

Я решила ничему не удивляться. Что толку?

Весь день, лишь пару раз остановившись отдохнуть, мы шли через лес. Вот теперь-то пришлось и петлять, и перебираться через коряги, и я в который раз порадовалась тому, что мы отправились в лес в мужских штанах. Нацепить поверх них юбки – минутное дело, а вот карабкаться в этих самых юбках по буеракам – увольте!

Жаль, переодеться мужчинами у нас бы не вышло. Я в бесформенной куртке, может, еще и сошла бы за парня, но не Ири! Стоит ей снять шапку, сразу станет ясно, что это девочка. Красивые мальчишки тоже встречаются, но ее с мальчиком никак не перепутаешь!

Эту ночь мы коротали под большой елью, до самой земли опустившей ветви. В этом уютном шатре мы прекрасно выспались на слежавшейся хвое, а на рассвете снова двинулись в дорогу.

Странное дело: я после первой-то ночевки думала, что шагу шагнуть не смогу, не было у меня привычки к долгим переходам… Хотя, если подумать, в замке я ведь целый день была на ногах, бегала туда-сюда по бесконечным лестницам, а это всяко не на кушетке лежать, какая-никакая сила в ногах имелась. Другое дело, что замковые лестницы и зимний лес не сравнишь, но все же… Да и снегу было пока еще немного, так, на палец. Но то в лесу, а дорогу, должно быть, замело, пока еще укатают санями… Вот и славно.

– Тихо как, – сказала я почему-то шепотом.

– Как это – тихо? – удивилась Ири. – Послушай, сколько птиц! Вон синицы трещат, а там сорока разоряется, что-то с сойками не поделила. Дятел стучит. Клест… наверно. А это… не разберу кто. Красногрудка, что ли? Белки стрекочут, деревья скрипят, засыпают…

– Людей-то нет, – пояснила я. – Только ты да я.

– А… – Ири улыбнулась и взяла меня за руку. – Так хорошо, правда? А то в замке с утра шуметь начинают: на кухне кастрюлями гремят, Катрина ругается. Собаки лают, кони ржут, слуги переговариваются. Там никогда тишины не бывает, разве только поздно-поздно ночью.

– Нас, наверно, уже ищут.

Она пожала плечами:

– Пускай. Не станут же они лес прочесывать!

– Как знать… – пробормотала я.

Герцог упрям, а поняв, что птичка упорхнула из клетки, может взбелениться и приказать искать нас денно и нощно!

Желтогрудая синица спорхнула на ветку прямо перед нами и весело чирикнула, поглядев круглым черным глазом. Потом перелетела на другой куст и снова протенькала что-то задорное.

– Пойдем за ней. – Дочь потянула меня за руку. – Она знает короткую дорогу.

– Короткую для птицы? – фыркнула я и потерла нос рукавицей. – Напрямик через буераки?

Ири посмотрела на меня с укоризной, но ничего не сказала.

Холодало, а мы уж третьи сутки обходились без горячего. Я-то ладно, а вот Ири на сухарях и вяленом мясе не заболела бы… Увы, разводить бездымные костры я не умела, я и обычный-то распалила бы с большим трудом, так что хотя бы о кипятке приходилось только мечтать.

Синичка не обманула: мы обогнули широкий распадок (сверни мы туда, выбираться пришлось бы долгонько!), выбрались на пригорок…

– Мам, смотри, это оно?! – подпрыгнула Ири, показывая вдаль.

Там виднелось какое-то строение, но…

– Я никогда не видела поместья, а гербов на флагах отсюда не разглядеть, – честно ответила я. – Пойдем. Что бы это ни было за место, может, там не откажутся обогреть усталых путниц?

Эту ночь мы снова провели в лесу, и мне уже почти не было страшно. Наверно, человек ко всему способен привыкнуть, особенно, когда ему есть что защищать… Правда, какая я защита для Ири? Здесь, в лесу, я вовсе ни на что не способна, только обнять ее покрепче и греть своим теплом…

* * *

К поместью мы вышли следующим вечером.

– Это точно вотчина герцогини, ее гербы, – тихо сказала я. – Только… почему штандарты приспущены?

Я уже знала ответ, но не хотела верить…

Мы смиренно постучали у задней калитки. Ждать пришлось долго, но наконец пожилой сторож хрипло спросил:

– Чего надо?

– Мы пришли просить милости у ее светлости, – пробубнила я, поклонившись и стараясь не показывать лица.

– Подите прочь, – был ответ. – Ее светлость третьего дня преставилась.

Ири вцепилась в мою руку.

Третьего дня… значит, гонец уже мог добраться до герцога. Похороны матери – это не шутки, значит, какое-то время ему будет не до нас!

– Господин, пустите хоть в сторожку обогреться, – смиренно попросила я. – Мы с дочкой шли из такой дали, а оказалось… Вот, возьмите…

– Входите уж, – вздохнул он, приняв монетку и отперев

калитку. – Хм… С виду вроде не нищенки, одеты хорошо, да с поклажей… Кто таковы будете?

– Мы были в услужении у одной знатной дамы, – почти не погрешила я против истины, – но нас выставили прочь, когда я отказалась отдать дочь ее сыну увеселения ради. Жалованье нам задолжали за полгода, а все наше имущество при нас. Я когда-то прислуживала ее светлости, вот, надеялась упасть ей в ноги и попроситься хоть судомойкой…

– Эх, вот ведь, – помотал он седой головой. – Идите уж на кухню, хоть горяченького хлебнете. Скажите Финне, я дозволил.

Толстая Финна, копия нашей Катрины, поворчала немного, потом выслушала мою историю, взглянула на Ири и покачала головой.

– Господа! – сказала она с отвращением и с грохотом поставила перед нами миски. – Творят, что хотят! Ешьте давайте, пока не остыло.

Упрашивать нас не пришлось, и мы накинулись на еду. Готовили тут, может, и не так изысканно, как у герцога, но когда несколько дней живешь всухомятку, и пустому кипятку рад будешь, не то что сытной мясной похлебке!

– Что делать-то думаете? – спросила Финна, глядя, как Ири выскребает ложкой миску. Потом встала и налила ей добавки. – Я б вас оставила, все не так скучно одной. С горничными не поболтаешь, носы задирают… Да только теперь неведомо, кто тут хозяйничать станет! Может, никто, а может, его светлость кому-нибудь поместье пожалует, как знать? Но хоть ненадолго задержаться вы можете, отдохнете, а там видно будет…

– Мы пойдем дальше, пока еще не так холодно, – сказала я, хотя соблазн остаться и жить здесь в тепле и сытости был ох как велик! Но этак вот явится новый хозяин или простой гонец, узнает нас, и как тогда быть? Уж лучше не рисковать. – К востоку отсюда мой дядя живет, может, приютит. Если задержимся, уж точно не успеем дойти, снегопады зарядят.

– Ох, бедовые ваши головушки, – вздохнула она. – Идите-ка спать. Девочка, я гляжу, носом клюет. Идите в каретный сарай, там сухо, а лечь можете в сани ее светлости. Они ей всяко уже не понадобятся, а не на соломе же ночевать?

Сани оказались роскошными, а еще… Еще их покрывала меховая полость, в которую так и тянуло укутаться!

– Мам, но это же воровство! – отчаянно зевая, сказала Ири, когда мы задолго до рассвета уходили из поместья, разжившись на кухне кое-чем съестным (за такое небрежение я бы давно устроила слугам головомойку – заходи кто хочешь, бери что хочешь!).

– Пускай я лучше буду воровкой, чем позволю тебе замерзнуть, – твердо ответила я. – Старой герцогине это уже не пригодится, так что либо слуги стащат, либо моль поест…

Меховая полость, если ее как следует свернуть, оказывается не такой уж большой, а сколько там она весит? Всяко унесу! Понадобится, я еще Ири себе на загривок посажу!

И, право, этот краденый мех здорово выручал нас морозными ночами. Если из одеял соорудить что-то вроде шатра, а самим завернуться в пушистое покрывало, то можно спокойно спать, не рискуя отморозить себе что-нибудь.

* * *

Мы уходили все дальше на запад, теперь уже по дороге, потому что в лесу намело сугробы мне по подбородок и пробраться по ним было невозможно. А вот ночевать под снегом оказалось очень даже славно! И тепло, и снаружи поди еще заметь…

Но, конечно, когда представлялась возможность, мы забредали в деревни и на постоялые дворы. Где-то нас пускали на ночлег, где-то мы покупали припасов в дорогу, а кое-где даже удавалось помыться и постирать белье.

Иногда нам везло проехать сколько-нибудь с попутным обозом: санный путь уже открылся, и возчики обычно позволяли прокатиться немного, дать роздых усталым ногам, особенно за мелкую монетку. А как-то раз мы двое суток провели под сугробом – такая разыгралась метель!

– Мам, – сказала Ири, когда мы откопались, и посмотрела на небо. – Дальше идти нельзя. Скоро уже начнутся настоящие бури, мы их не переждем.

– Тогда надо добраться до ближайшего постоялого двора, – кивнула я, – придется пожить там. Ну да я могу наняться стряпухой или судомойкой, за кров и еду, чтобы деньги-то не тратить, они нам еще пригодятся!

– Я тоже могу на кухне помогать, убираться или там за птицей смотреть, – кивнула Ири. За время нашего путешествия она похудела, осунулась, но странным образом сделалась еще красивее.

Лица у нас обеих обветрились от холода, приходилось мазать на щеки гусиный жир, а еще Ири придумала протирать лица травяным настоем: от него мы сделались намного смуглее, чем были на самом деле. И если кто-то и ищет девочку с кожей белее снега, с волосами черными как смоль, алыми губами и глазами изменчивыми, как море… пускай сперва попробует разглядеть ее

в этой вот замарашке с красным от холода носом, растрескавшимися губами и инеем на бровях!

Одежда наша пообтрепалась и давно не выглядела новой. Ири натягивала шапку до бровей, сверху обматывалась шерстяным платком, одни глаза наружу – так было в самый раз. Я поступала так же. В одной деревне еще до наступления холодов нам удалось купить овчинные душегреи, и теперь мы выглядели как заправские крестьянки.

Нам повезло выйти к постоялому двору как раз вовремя: уже собиралась буря, должно быть, первая настоящая зимняя буря: ветер выл протяжно и страшно, стонали деревья, по кронам шел гулкий перещелк – это замерзшие сучья стучали друг о друга, мела поземка, и уже сложно было отличить небо от земли, хотя до заката оставалось еще немало времени!

– В такую погоду хозяин собаку на улицу не выгонит, – вздохнул хозяин, когда мы немного оттаяли и попросились на постой. – Только некуда мне вас поселить, много тут таких… Хотите, на конюшне ночуйте, она просторная, хотите – прямо тут, на лавках.

– Мы можем и на лавках, почтенный, – кивнула я, шмыгая носом, – да и на полу, одеяла-то есть. Лишь бы не под открытым небом!

– Ну, тогда оставайтесь.

– А может, по хозяйству помочь нужно? – спросила я. – Мы все умеем: и готовить, и прибирать, и шить, и за птицей ходить…

– На кухне пригодитесь, пожалуй, – кивнул хозяин, подумав. – Народу много, мой кухарь с ног сбивается. Разносолов мы тут не подаем, так что всяко справитесь. А девчонка твоя пускай на подхвате будет. Посуду там помоет, столы выскоблит, подметет, и ладно. Если будете хорошо управляться, я с вас тогда за прокорм не возьму. А спать – я вот подумал – можете на чердаке. Там сено сложено, которое на подстилку идет: много его в этом году насушили, в сарай не поместилось… Ну и барахло кое-какое там свалено, руки не доходят разобрать да повыкинуть. Крыша не течет, разве что в щели дует, но уж не замерзнете, раз одеяла есть. Все лучше, чем на лавках-то!

Мы искренне поблагодарили доброго человека, сложили свои пожитки на чердаке (сена там и впрямь было предостаточно, в него мы и зарыли меховую полость, чтобы глаза не мозолила) да и взялись за дело. После нескольких дней дороги оказаться на жарко натопленной кухне – вот это блаженство!

Ири сновала туда-сюда с веником, ведрами и тряпками, потом становилась мыть миски и кружки, мы с кухарем Дени в четыре руки стряпали немудреное угощение: густую кашу со

шкварками, жаркое с подливой, тушеные овощи, – словом, все то, что можно было приготовить в большом котле и раздавать страждущим постояльцам. Большой подпол был забит мешками с тыквой и свеклой, земляным яблоком и морковью, репой и капустой, заставлен бочонками с соленьями и горшками с вареньем, увешан вязками лука и чеснока, низками сушеных грибов и яблок… Я уж молчу про муку и крупы, сыры, окорока, колбасы и прочее. Мяса и рыбы тут тоже припасли вдоволь! Хозяин определенно не бедствовал, и то – место он выбрал хлебное. Но, конечно, самые лакомые куски предназначались денежным путешественникам, а прочим, вроде нас, и каша была за счастье…

Народу тут и впрямь подзадержалось много: были и купцы с помощниками, и простые путники, даже бродячий сказитель затесался (вечерами он развлекал почтенную публику своими историями и незатейливыми песенками. Да и вовсе уж какая-то голь перекатная имелась – эти ночевали в сарае: монет у них не было вовсе, но хозяин позволял им выскребать котлы, если там что-то оставалось. Нашими стараниями хоть по плошке каши они получали… Кто знает, может, это были жулики и воры, но все едино – люди, а в такой мороз с голодухи можно и ноги протянуть! А с купцов хозяин содрал столько, что всяко остался в прибытке, так что мог себе позволить подкормить нищих.

Он, как я поняла, придерживался идеи о том, что не знаешь где найдешь, где потеряешь: этак вот сегодня поделишься с нищим путником краюшкой хлеба да корочкой сыра, а потом к тебе доброе дело вернется сторицей. Да и в сказках, помнится, под личиной какого-нибудь мимохожего бродяги вполне мог скрываться королевич, а то и волшебник, и жадные злые люди всегда получали справедливое воздаяние, а добрые – награду. Ну, сказки сказками, а постоялый двор процветал, так что, может, хозяин был прав!

Глава 9

Так мы прожили несколько дней. Вьюга немного утихла, и один из путешественников рискнул двинуться дальше, хотя его отговаривало все пестрое общество, собравшееся в зале. Но нет, он приказал запрягать, пока буря не разыгралась вновь, да и был таков.

– Может, по весне найдут, – изрек хозяин, подсчитывая прибыль угольком прямо на стене.

Мало-помалу все разбрелись – кто по комнатам, где давно уже спали вповалку, кто на сеновал, кто на конюшню, а мы с Ири все сидели в дальнем уголке с кружками травяного отвара, куда я добавила капельку ягодной наливки, жевали намазанные медом

ломти хлеба за неимением сдобного пирога, глядели на горящую свечу и молчали. Хозяин нам не мешал – я ему объяснила, в чем дело, и он занялся своими подсчетами.

Этой ночью Ири исполнялось двенадцать. Совсем взрослая стала… Как я ее, такую большую, понесу на чердак? Дочка уснула, положив голову мне на колени, свернулась клубочком на лавке… не будить же? Пускай спит до полуночи, решила я, как раз свеча догорит, хозяин выразительно хмыкнет, мол, пора и честь знать… И мы пойдем в свое логово, зароемся в сено, укроемся как следует и заснем уже вдвоем под вой ветра и грохот…

Какой еще грохот?

Видно, я тоже задремала, привалившись к стене, а очнулась, когда распахнутая дверь с треском ударилась о стену.

Наверно, тот путешественник вернулся, решила я. Хорошо, хватило ума на это, а то сгинул бы…

Но нет, это был не он. Незнакомец в длинном, подбитом дорогим мехом плаще с высоким воротом и меховой же шапке остановился на пороге, огляделся, потом прикрыл дверь и кивнул хозяину.

Тот живо подскочил к гостю и уставился выжидательно.

– Коней моих – на конюшню, – сипло приказал тот и швырнул на стол несколько тускло блеснувших золотых. – Что случится с ними – тебя в сани запрягу и кнутом погонять стану. Ясно?

– Конечно, господин, – сглотнул тот, сгребая монеты. – Сию секунду! Чего изволите?

– Горячего вина. И поживее.

Хозяин взглянул на меня, но я притворилась спящей, так что он сам сунулся на кухню, пинком разбудил Дени, и тот загремел посудой. Хозяин же побежал будить конюхов, даже шубы не накинув, а снаружи было ой как холодно!

Гость же, не раздеваясь, тяжело сел на лавку и опустил голову на руки. Видно было, что устал он сверх всякой меры.

– Извольте, господин, – прошелестел Дени, опасливо ставя на стол дымящуюся кружку и тарелку с нарезанным сыром и копченым мясом. – Лучшее, что у нас есть, уж не обессудьте…

Тот только руку поднял, мол, поди прочь. В самом деле, будто он рассчитывал найти в этой дыре сколько-нибудь приличное вино! Хотя… как знать, может, хозяин и приберегает бочоночек-другой для знатных господ, ведь заносит их иногда и в такие края.

Гость снял все-таки шапку. Волосы у него оказались светлые, русые вроде бы, хотя в таком свете толком не разберешь. Лица тоже было не разглядеть, я видела только левую его сторону,

располосованную старым, уже побелевшим шрамом: он начинался на подбородке и терялся в волосах повыше виска.

Он глотнул вина, поморщился и поставил кружку.

– Господин… – продрогший хозяин на цыпочках подошел к нему. Что ж он так вытанцовывает? Неужели признал какую-то важную особу? Вот не было печали, подумала я и крепче прижала к себе Ири. – Лошадок ваших обиходили лучше не надо, не извольте беспокоиться!

– Хорошо. Комнату мне, – приказал тот.

– Сию минуту освободим, господин… – закивал хозяин и умчался вверх по лестнице. Я решила, что он предложит гостю собственную комнату, потому как будить и выселять других – себе дороже, пока объяснишь им, в чем дело, пока то да се, знатный господин может и разгневаться.

Незнакомец тот с силой потер лицо ладонями – так делают, когда изо всех сил стараются не заснуть, – и сжал пальцами виски.

На пальце у него что-то блеснуло, и я невольно напрягла зрение, изо всех сил пытаясь рассмотреть кольцо. Нет, не кольцо, скорее тонкой работы перстень, будто бы сплетенный из тонких травяных стеблей и лесных цветов…

– Мам, больно… – пискнула Ири, когда я слишком сильно прижала ее к себе, но я зажала ей рот. – Ма?..

– Ш-ш-ш…

Ночной гость повернул голову на звук и встретился со мною взглядом.

Сердце мое пропустило удар, а потом заколотилось, как птица в клетке. Эти глаза я не могла забыть! Сейчас они казались почти черными, но…

Не может быть. Так ведь не бывает!

– Господин, сейчас все будет готово, только постели перестелим! – ссыпался по лестнице хозяин.

– Хорошо. Пойду лошадей проверю. – Тот тяжело поднялся и вышел, прихватив шапку.

– Вот ведь принесло на мою голову… – едва слышно выговорил хозяин, когда за гостем закрылась дверь.

– А кто это? – Ири села ровно.

– Да кто его знает, но… кони – у самого герцога таких нет! А уж сбруя – вся в серебре, стоит, поди, как мой дом! Деньги швырнул, не считая. А одет, сами видели… – Он поежился. – Шли бы вы наверх, нечего тут под ногами путаться, озлится, чего доброго!

– Конечно, только на двор выйдем, – кивнула я, надевая душегрею и накидывая теплую шаль. – Ири? Одевайся, да

поживее!

Она посмотрела на меня с недоумением, но послушалась.

Стоило открыть наружную дверь, как ветер ударил в лицо с такой силой, что я едва не задохнулась. Хорошо, Ири спряталась за мной и ухватила меня за пояс, ее и унести могло!

Куда же он пошел? Неужто правда на конюшню? Тогда нам налево…

Я сделала несколько шагов, придерживаясь за стену и ровным счетом ничего не разбирая в снежной круговерти, как вдруг уткнулась во что-то твердое.

В кого-то, поняла я, подняв голову и кое-как сморгнув снег с ресниц.

– Ты?.. – одними губами спросила я, коснувшись его груди.

– Ты? – повторил он, накрыв мою руку своей. – Как ты здесь…

– Долгая история… – Слезы замерзали на ветру. – Живой… ведь правда, живой? Не наваждение?

– Полумертвый… – еле слышно рассмеялся он. – От усталости. А это кто?

– Моя дочь, – свободной рукой я крепче прижала к себе Ири, а он повернулся так, чтобы загораживать нас спиной от ветра. – Она… Она родилась точно такой же ночью. Ровно двенадцать лет тому назад.

Он молчал. Молчал, только сердце под моей рукой билось все чаще и чаще.

– Так не бывает… – выговорил он наконец, повторив мои мысли. – Наверно, я сбился с пути и замерзаю где-нибудь в сугробе, вот мне и мерещится… всякое.

– Это мы сейчас замерзнем, – буркнула Ири.

– Идите в дом, – очнулся он. – Я… сейчас.

Мы молча прошмыгнули мимо хозяина и вскарабкались на чердак.

– Мам, кто это? – шепотом спросила Ири. – Ты его знаешь?

Я кивнула. Было темно, но дочка прекрасно все различала.

– Мне кажется, я тоже его где-то видела, – задумчиво сказала она. – Лицо знакомое, особенно глаза. Но я точно его прежде не встречала, так где же я могла…

– В зеркале ты его видела, дурочка! – не выдержала я и засмеялась, утирая глаза. – В бабушкином зеркале, где же еще…

Ири помолчала, потом неуверенно произнесла:

– Ты же сказала, он умер!

– Я так думала, и он был уверен, что идет на смерть… Но он живой, Ири, живой! – Я схватила ее в охапку и повалила на солому. – Тс-с-с… Что это там?

– Все уже спят, господин, – с трепетом говорил хозяин, –

соблаговолите заночевать в моей комнате, а завтра я особожу для вас…

– В этой… хм… блохоловке? – раздался знакомый голос. – Я здесь задохнусь. Не найдется ли у тебя чего-нибудь попросторнее?

– Разве что большая комната, там возчики, десять человек… или больше, запамятовал. Прикажете разбудить?

– Не надо. После них эту комнату нужно со щелоком мыть. Еще что-нибудь?

– Ну… разве что чердак, господин, но там уже ночует женщина с дочкой…

– Ничего, они меня не стеснят, – был ответ. – А утром прикажи нагреть воды, да побольше.

– Зачем?..

– Я хочу вымыться с дороги, болван! Где этот твой чердак? Все, теперь поди прочь…

Мы с Ири затаились, как мыши, когда скрипнула лестница, а потом и пол под тяжелыми шагами.

– Марион?

– Мы здесь, – почему-то шепотом отозвалась я, и через мгновение обе мы оказались в сильных объятиях. Ири невольно ойкнула. – Тише, задушишь ведь!

– Не рассчитал… Извини, звездочка. Я давным-давно не обнимал детей. Совсем позабыл, каково это…

– Ее зовут Ирена, – сказала я после паузы. – Но для меня – просто Ири.

Он молчал, но я чувствовала щекой его улыбку, совсем как той ночью.

– А я – Ирранкэ, – произнес он наконец. – Забавно знакомиться в темноте, верно? Лицом к лицу – лица не разглядеть.

– Но я вас прекрасно вижу, – недоуменно сказала Ири. – Это мама не видит.

– Сомневаешься, да? – шепнула я.

– Нет, – ответил Ирранкэ. – Я ведь тоже… вижу. Марион…

– Хочешь спросить, где… та вещь?

– Я и так знаю – при тебе. Чувствую, – выговорил он. – Но обо всем завтра, я спать хочу – умираю. Даже мы не можем… неделями… Только не исчезай поутру, Марион, прошу тебя… я должен… я…

– Уснул, – прошептала Ири, присмотревшись. – Не добудишься, если что.

– Пускай спит, – ответила я. – Я видала его уставшим, но чтобы настолько… Не представляю, что могло приключиться,

куда он так мчался в пургу?

Ири протянула руку и осторожно дотронулась до щеки своего отца, которого никогда не видела и о котором никогда не слышала.

– Дурное что-то случилось, – сказала она, помолчав. – Не здесь, далеко…

– О чем ты? – спросила я, хотя зачем? Я знала, что Ири порой угадывает мысли, уж мои так запросто!

– Не знаю, чувствую просто… Оно звучит, как лошадиный топот. Сейчас он спит, а я все равно это слышу… – Ири помедлила, потом взяла мою руку и приложила к груди Ирранкэ. – Чувствуешь, мам? Вот так скачут кони у него в голове. Скорей-скорей, скорей-скорей…

– Лошадям давно пора в конюшню, отдыхать, – шепнула я, в самом деле различив в биении его сердца мерный перестук копыт – это упряжные кони неслись вскачь, мчались из последних сил, роняя хлопья кровавой пены. – Сегодня уже все равно никто никуда не доберется, ночь на дворе, а метель такая, что неба от земли не отличишь, и лошади устали..

«Скорей-скорей, скорей-скорей! – чувствовала я биение пульса. – Скорей… скорей…»

– Мам? – тихо произнесла Ири.

– Что такое, звездочка?

– Откуда он взялся? И почему именно сегодня?

Я молча пожала плечами, зная, что дочь различит движение в темноте.

В самом деле, если бы Ирранкэ пронесся по дороге несколькими днями раньше, не придержав коней у скромного постоялого двора, мы никогда бы не встретились. А если бы он выехал чуть раньше, то мог, наверно, заметить двух крестьянок, ковыляющих по обочине, но не задержал бы на них взгляда. Ну а еще днем позже даже отчаянный алий не пустился бы в дорогу – вьюга выла так, что вздрагивал добротный дом, и даже на нашем чердаке откуда-то здорово поддувало, хотя обычно сквозняки здесь почти не чувствовались…

– Давай спать, – шепнула я, расправив меховое покрывало, и Ири прильнула ко мне, но я чувствовала: так просто она не уснет.

И угадала.

– Расскажи сказку, мама, – попросила она, свернувшись клубком. – Только чтобы она хорошо заканчивалась!

– Попробую, – улыбнулась я. – Слушай… Давным-давно Создатель ходил-бродил повсюду, да притомился и остановился отдохнуть.

– На постоялом дворе?

– Может, и так. Это было столько лет назад, что никто уже не вспомнит, как все было на самом деле… Но слушай дальше. Весь день и всю ночь он слушал вой вьюги за стенами жилища и думал: каково там, снаружи? Звери и птицы могут спрятаться в норы и гнезда, а куда деваться деревьям? Стоят, коченеют, бедные!

– Они же спят, – сказала Ири, приподняв голову. – Они почти не чувствуют стужи зимой. Вот весной, если мороз ударит, когда все цветет, тогда…

– Вот как… Ну, история о другом. На следующее утро вьюга улеглась, небо очистилось, и Создатель вышел во двор и огляделся. Все кругом было в снегу, чистом-чистом, и так красиво искрился этот снег в лунных лучах, что…

– Я знаю эту сказку, – перебила Ири. – Так появился на свет первый алий! Ты мне сто раз ее рассказывала, мама! И о том, как этот алий сделал девушку из снега, а Создатель ее оживил, тоже!

– Тогда спи просто так, – буркнула я. – Про старушку и смерть тебе не нравится, про девушку и веретено или про шорника и трех великанов – тоже! Тебе не угодишь…

– Ты мне не рассказывала про шорника! – тут же сказала Ири. – Мам?

– Ох… Ладно, слушай. Жил-был шорник. Ничего в нем не было особенного, человек как человек, не лучше и не хуже прочих, но вот за что его ценили – сбрую и упряжь он делал быстро и такую, что герцогским коням впору. Однако жил он скромно…

Я говорила и говорила, а когда дошла до того, как к шорнику явились три брата-великана и потребовали сделать такую сбрую, которая удержала бы их своенравного отца-гиганта, Ири крепко уснула.

Ну и славно, в другой раз я расскажу ей о том, что у хитрого шорника был секрет – волшебный жеребец, способный превратиться во что угодно. На того коня мастер и примерял сбрую, а чудесный конь еще и подсказывал, как сделать лучше… Только вот платы требовал огромной, потому и не мог шорник разбогатеть, а избавиться от колдовского создания тоже не получалось. Одна надежда оставалась – братья-великаны да их папаша…

Эту историю тоже когда-то рассказывала мне бабушка, но я не помнила, чем все окончилось. Перехитрил ли шорник и великанов, и своего коня? Или его все-таки съели? Великаны грозили расправой ему и его семье, если сбруя окажется недостаточно прочна и не удержит их буяна-отца, а чудесный зверь – если шорник откажется слушать его советы. Куда ни кинь,

всюду клин!

«Он должен был придумать выход, – подумала я, осторожно отстранила Ири и дотронулась кончиками пальцев до располосованной шрамом щеки Ирранкэ. – Люди хитрые. Хитрее волшебных тварей. А уж если на кону стоит жизнь, да к тому же не своя…»

Глава 10

– Эй, девки, вставайте! – постучал чем-то снизу хозяин. – Господин вас требует!

– Что? Какой господин? – Я села, приглаживая волосы. Ирранкэ рядом не было, а Ири даже не проснулась, как сопела сладко, так и продолжила, разве что колени к носу подтянула. – Что ему надо?

– Говорит, – голова хозяина показалась в открытом люке, – что обе вы ему шибко по нраву пришлись, так что кончайте ночевать, идите вниз! Господин велел, чтоб обе отмылись как следует, а жить при нем будете…

– А меня спросить не нужно? – нахмурилась я.

– Дура, это же алий! – прошипел он, поднявшись на пару ступенек по крутой лестнице и навалившись грудью на край люка.

В руке у него была свеча, и я хорошо различала, как на лице его страх раз за разом сменяется жаждой легкой наживы.

– Какой еще алий, откуда ему тут взяться?

– Не знаю откуда, да и не мое это дело, однако ж явился на мою голову! Я только сегодня разглядел, – добавил хозяин. – Не человек это, я алиев раньше видал, уж не спутаю. Да ты поди на конюшню, глянь на его розвальни, на упряжь, на лошадей: я еще вчера сказал, что за таких сам герцог удавится, а сегодня на свету глянул – вовсе обомлел! А сколько у него золота при себе… Он ему счета не знает! Так что не убудет от вас обеих прислужить его великолепию, он, поди, по женской ласке соскучился, а где я ему тут красивых девок найду? Нет, баб в доме хватает, но не свинарку же звать… – Он перевел дыхание и закончил: – Расстараетесь – еще и заработаете.

– Деньги-то, поди, себе заберешь? – спросила я сквозь зубы, обуваясь.

– Что он вам заплатит, то ваше… половина, – пожадничал он. – И пошевеливайся, не то силой поведу! Не хочу, знаешь ли, чтоб мое хозяйство палом по ветру пустили со всеми чадами и домочадцами… Спускайся, кому говорят! Не то вышибу на мороз с девчонкой вместе, идите на все четыре стороны… А господину скажу, что сами сбежали, безмозглые!

– Мам, можно я его с лестницы скину? – шепотом спросила

Ири, приоткрыв один глаз. – Так вот пнуть разок, и…

– Нельзя, – ответила я и встала. – Поднимайся.

– Давайте, пошевеливайтесь, да чтобы без выкрутасов у меня! – погрозил нам пальцем хозяин и скрылся в люке, оставив нас в темноте.

– Придется идти, да? – зевнула Ири.

– А куда деваться? – пожала я плечами. Что затеял Ирранкэ, мне было ясно: эта его выдумка понятна всем окружающим. – Можешь капризничать, только не сильно. Подумай хотя бы о том, что помоемся-постираемся – господин приказал, нужно его уважить! Неужто ему неумытые неряхи по душе?

– И правда что! – весело ответила она и вскочила. – Раз так, пойдем? Поедим, воды натаскаем, к обеду управимся, наверно?

– Если поторопимся, успеем, – кивнула я. – Беги на кухню, возьми что-нибудь перекусить, а я за водой пойду. Дени, наверно, уже в курсе, так что большой котел должен быть свободен, но ты проверь.

– Лечу! – отозвалась Ири и соскользнула в люк.

Она с раннего детства лазила повсюду, как белка, высота ее вовсе не страшила. У меня, бывало, голова кружилась, если выгляну в окно башни, хотя, казалось бы, отчего? Башня – она прочная, каменная, не качается… А Ири запросто карабкалась на самые макушки деревьев, колеблемые малейшим ветерком: там росли самые большие и сочные яблоки и сливы, самая крупная вишня, и дочь моя храбро вступала в битву за урожай с нахальными птицами, так и норовившими склевать ее добычу.

Служанки частенько звали ее, если нужно было достать что-то с верхних полок, смахнуть пыль с рам огромных, во всю стену, портретов герцогских славных предков, помочь развесить портьеры… А как-то раз Ири поспорила с дворовыми мальчишками и прошлась по узкому парапету на верхней площадке сторожевой башни, куда даже они боялись забираться, – лететь оттуда было ох как высоко, и ров с зацветшей водой не спас бы! Хорошо еще, я узнала об этом только через полгода – поваренок проболтался, – иначе бы или меня удар хватил, или Ири впервые в жизни получила бы розог… Так-то ее наказывать и не приходилось, разве что лишать сладостей за шалости и приставлять к скучной работе, но за этакую выходку я бы уж точно всыпала ей горячих! Да только что после драки кулаками махать? Не свалилась, жива-здорова, и на том спасибо…

Отогнав воспоминания, я спустилась вниз, на скорую руку перекусила куском хлеба с сыром, взяла ведра и отправилась к колодцу. Огонь в очаге уже гудел вовсю, а Ири успела натаскать

снега – нападало его вдосталь! – но этого было мало. А носить воду из колодца в такую стужу – та еще морока… Помогать нам, само собой, никто не собирался, ну да что поделать, не впервой!

Конечно, воду сегодня уже набирали, но на поверхности все равно плавали льдинки. Хорошо еще, колодец тут глубокий: водяная жила сильная, наполняется он быстро, а то пришлось бы ходить с ведрами на реку – там течение такое, что кое-где лед даже суровыми зимами не встает, а если и встанет, то прорубь соорудить не так сложно, все едино ведь льда для ледника нужно напилить… Однако находишься туда, пожалуй! Это ж сколько воды-то нужно: и на готовку, и скотине, а уж стирка да мытье суровой зимой – и вовсе пытка. Как матушка справлялась с хозяйством с оравой ребятишек мал мала меньше, я даже представлять не желала.

Выйдя наружу, я мгновенно ослепла и оглохла – такой задувал ветер, а уж какой летел снег! Казалось, ведро подставь – в мгновение ока полным окажется. Я не удержалась – попробовала, но не тут-то было, проще было так нагрести…

«Никак, в детстве не наигралась», – усмехнулась я про себя и уже приготовилась сбросить тяжелое ведро вниз, в ледяную черную воду, как вдруг кто-то крепко схватил меня за локти. Правда, тут же отпустил, когда ведро соскользнуло с обледенелого края сруба, чтобы перехватить веревку и не дать ему упасть в колодец.

– Не вздумай, – негромко произнес Ирранкэ, а это был, конечно же, он.

– Я, по-твоему, мало ведер перетаскала? – усмехнулась я, повернувшись.

– Не в том дело, – покачал он головой. Я почти не различала его лица в снежной круговерти. – Прошу, не подходи к воде, особенно теперь, и девочку не подпускай. Я имею в виду – к реке, к колодцу, роднику…

– О чем ты? – Мне вдруг стало холодно, хотя с чего бы? Из дома я вышла только что, одета тепло, не успела бы озябнуть!

– Я объясню чуть позже, – сказал он. – Но пока поверь на слово – это опасно.

– Как прикажешь. – Я отобрала у него ведро и поставила в снег. – А воду кто таскать будет?

– Здесь что, мало дворни? – фыркнул он. Дыхание паром вырывалось у него изо рта, а глаза, казалось, мерцали, едва различимые под густым мехом шапки. – Идем. Я прикажу отрядить на это дело какого-нибудь парня покрепче… или нет, есть кое-что получше! Слышал, в сарае целая орава бездельников обитает? Вот пусть и заработают себе на пропитание.

– Я им сама скажу, хозяин и так не знает, в какой угол бросаться, – невольно улыбнулась я. – Изрядно ты его напугал…

– Я провожу, – кивнул Ирранкэ и снова взял меня за руку, очень крепко. Так Ири держалась за меня, когда училась ходить.

Ясное дело, желающих получить хороший обед вместо опостылевшей гороховой каши на позавчерашнем жире нашлось хоть отбавляй, они чуть не передрались, выясняя, кому хвататься за ведро вперед остальных!

– Довольно шума, – сказал Ирранкэ, насладившись этим спектаклем (кто-то из нищих, то ли одноногий, то ли просто хромой, вдруг резво вскочил на обе ноги и стукнул противника костылем). – Работайте по очереди, да как следует! Сегодня я угощаю.

– Спасибо, добрый господин! – прозвучало вразнобой, и они ринулись наружу, а колченогий – впереди всех.

– Зачем это? – спросила я. – Я бы сказала кухарю, чтобы он послал кого-нибудь. Дворни и впрямь предостаточно.

– Чем больше посторонних людей, тем лучше, – загадочно ответил он. – Колодец – не текучая река, у него память дольше и крепче. Пускай помелькают чужаки, им это никак не повредит, а я буду относительно спокоен за тебя и Ири. Идем.

– На конюшню-то зачем?

– Хочу лошадей проведать, – ответил он. – У них норов непростой, и как бы…

– Боишься, испортят их?

– Скорее уж, они кого-нибудь испортят, – пробормотал Ирранкэ, толкнув тяжелую дверь.

На конюшне было тепло, пахло сеном и лошадьми.

– Все в порядке, господин! – тут же подскочил к алию конюх, здоровенный седобородый детина, он мне в отцы годился. – Кони ваши накормлены, напоены, вычищены, все чин-чинарем… Только один вот стенку копытом проломил, но то мы уже заделали, а второй всю ночь колобродил, других будоражил, вот только теперь унялся…

– Получи за хлопоты, – невыразительно сказал Ирранкэ.

Сверкнула монета, конюх поймал ее, почтительно поклонился и отступил в сторонку.

– Смотри, – негромко произнес алий, – вот мои красавцы.

Я взглянула… и потеряла дар речи.

В самом деле, если бы герцог увидел эту пару, он ни бы ни перед чем не остановился – продал все имущество, заложил земли, опустошил казну, – но заполучил бы дивных скакунов!

Видала я породистых коней – вельможи хвастали ими друг перед другом, покупали и продавали за бешеные деньги, – но

подобных не встречала. Они были… невероятны. Другого слова я и придумать не могла. Серебристо-серые в яблоко, с белоснежными хвостами и гривами, тонконогие, с гордо выгнутыми шеями… Да на таких королю красоваться впору! Если денег хватит купить этих коней и сил – укротить и поставить под седло или вон в сани запрячь, как Ирранкэ.

– Мчатся вихрем, – обронил алий, – но своенравны, этого у них не отнять.

Один из жеребцов покосился на него и всхрапнул – не злобно, нет, предупреждающе. Мол, помалкивай, не то как бы мы с товарищем не уронили тебя на повороте…

О, похоже, он вовсе не считал алия хозяином, он не был покорным упряжным конем, отнюдь! В темных лошадиных глазах светился разум – не человеческий, но и не звериный. И я бы сто раз подумала перед тем, как протянуть руку погладить этого красавца – откусит, чего доброго!

– Где ты их раздобыл? – шепотом спросила я.

– Купил в далеких краях, – улыбнулся он краем рта. – Иди в дом, проследи, что там и как. Я, если хозяин тебе не сказал, занял его с супругой комнаты, а кто куда будет переселяться, меня не волнует – я ему достаточно заплатил. Приходите туда, и я попробую рассказать… обо всем. Что до сплетен…

– Переживем, – серьезно сказала я. – Пойду, правда, до обеда времени всего ничего, надо Дени помочь.

– Ты больше не будешь работать на кухне, – сказал Ирранкэ, не сводя взгляда с коней. – Ни ты, ни Ири. Хозяин как-то справлялся без вас, справится и теперь.

Я промолчала бы (что толку спорить с алием?), но не выдержала все же, спросила:

– Ты не боишься? Все уже поняли, что у тебя при себе много денег, ты швыряешь их не считая…

– Думаешь, кому-нибудь придет в голову, что можно их присвоить? – улыбнулся он. – И коней тоже, за них иной богач руку отдаст! Я не боюсь, Марион. Я уже очень давно ничего не боюсь. Почти ничего. Во всяком случае, – Ирранкэ посмотрел на меня в упор, и глаза у него сейчас были черные и страшные, как заледеневший колодец, – смерть меня уж точно не страшит.

– Своя или чужая? – зачем-то уточнила я, вспомнив сказки, и он замер, а потом сказал негромко:

– В том-то и дело, что своя. И до вчерашней ночи я был уверен, что…

Ирранкэ осекся, взглянул на конюха – тот мирно подремывал на соломе, – и потянул меня наружу.

– Я жду вас, – сказал он мне на ухо, иначе не слышно было

слов за воем ветра. – Не вздумай бежать, Марион, иначе дело добром не кончится.

– Я еще не свихнулась, – ответила я, хотя вот теперь-то мне и сделалось не по себе: тот ли это Ирранкэ, которого я…

Которого я вовсе не знала, если уж на то пошло! Или он – какой-нибудь прислужник Зимней королевы, соткавшийся из метели? Правда, зачем бы я ему понадобилась?

– Собственной смерти я не боюсь, как ты говоришь, – добавила я, – но всяко не потащу Ири на верную погибель! Уж, наверно, ты ей никакой обиды не учинишь?

– Клянусь, – шепнул он. – Всем, что у меня осталось, клянусь… тому, кто протянет к вам руку, я отсеку эту руку, а следом – голову. А если у него не будет ни рук, ни головы, тогда… не важно, я придумаю что-нибудь!

– Я тебя боюсь, – честно сказала я. – Прежде ты был иным.

– Так ведь сколько лет прошло…

– Разве двенадцать лет что-то значат для алия?

– Я расскажу, как было дело, – повторил он после паузы и отстранился. – Иди в дом, не мерзни.

* * *

– У гостя-то губа не дура… – пробормотала старая прачка, помогавшая нам с Ири наполнять корыто и выносить грязную воду. Ясное дело, нам пришлось ютиться за занавеской на кухне, но и ладно – там хоть тепло. – Ишь, какие, а казалось – замарашки…

– Ты красивая, мама, – серьезно сказала мне Ири, расчесывая длинные волосы. Вот было с ними мороки! Свои я укоротила, когда мы уходили из замка, – перед кем красоваться-то? – а ее косу пожалела. – Правда-правда. Как королева!

– Скажешь тоже, – улыбнулась я. – Ты вот и впрямь принцесса…

– Так у принцесс матери-то кто, разве не королевы? – ответила она совершенно серьезно.

Мы порядком исхудали за время странствий, но мне вещи просто сделались велики, а Ири из них еще и повыросла. Хорошо еще, шили мы с припуском, можно было отпустить подол и рукава. Бока расставлять не требовалось – она была тонкая и гибкая, как ивовая ветка, герцогские дочки завидовали такой фигуре… Алийки тоже были стройнехоньки, помнила я и радовалась, глупая, что от отца Ири достались красота и стать. Окажись она похожа на меня, может, Алиш и не засмотрелся бы на нее – мало ли вокруг других девочек? И жили бы мы

спокойно… Да что толку гадать! Вылупившегося цыпленка обратно в яйцо не засунешь, бывало, говаривала бабушка.

В хозяйских комнатах, которые занял Ирранкэ, было хорошо натоплено. И, похоже, слуги долго скребли полы и перетряхивали постели – пахло еще не просохшим деревом, свежим вымороженным и выглаженным бельем, снегом, немного – дымом очага и свечным воском. Неужто алий стал бы коротать время в свете коптящей сальной свечи или лучины? Вот бедный хозяин, похоже, и выпотрошил все свои запасы!

– Не тесно будет? – спросил Ирранкэ, впустив нас, и я огляделась.

Должно быть, в большей комнате обычно размещались хозяин с супругой (она скончалась позапрошлым летом), а в смежной, поменьше – маленькие дети, а то и кормилица. Дети давно уже выросли, а комнатка превратилась в подобие кладовки, но сейчас никакого хлама там не было, остался только огромный сундук, размером с целую кровать, покрытый периной.

– Я подумал, втроем на кровати будет тесно, так что уж умещусь, – кивнул на него Ирранкэ.

– У тебя ноги свисать будут, – непосредственно сказала Ири, посмотрев снизу вверх – она и до плеча отцу макушкой не доставала. – Лучше я тут буду.

Я хотела было возразить, но осеклась: что, если Ирранкэ хочет поговорить со мной о ключе? Я ничего не рассказывала Ири об этой штуковине, так, может, и не нужно? Конечно, она и подслушать может, хлипкая дверь – не преграда, но все же…

– У меня никогда не было своей комнаты, – добавила Ири, пригладив мягкий мех. – Хоть пойму, как это?

Что верно, то верно, вторую кровать в нашей комнатушке впихнуть было некуда, мы с дочерью и спали вдвоем, как когда-то я с бабушкой.

– А еще, – добавила она, – вы меня чуть не задавили ночью!

– То есть?

– То и есть обнялись так, что я едва не задохнулась, еле-еле выползла! Даже маму разбудить не могла, а ведь она на каждый шорох просыпается… Но тут спала, как заколдованная, – улыбнулась она, а я, хоть убей, не могла припомнить, что вообще происходило прошлой ночью.

– До вечера еще далеко, – сказал Ирранкэ после паузы. – Присядем?

Я села на край кровати, Ири свернулась клубочком в изножье, а сам он устроился на шатком табурете возле окна, пояснив:

– Душно. Не могу в духоте. Так-то бы рамы выставил, да боюсь вас простудить.

– Я тоже не люблю, когда дышать нечем, – сказала Ири. – На чердаке хоть из щелей поддувало, а тут вообще… как на кухне, даже хуже, там хоть какая-никакая тяга есть, а то бы все угорели!

– Правда, хотя бы ставни открой, пускай протянет немного, – кивнула я. – Не такой снаружи мороз, а мы уже обсохли. Укутаемся как следует, уж не просквозит.

– Да, мы в лесу под снегом ночевали, не замерзли! – вставила Ири. – Ой… а где наши вещи?

– В той комнате, – кивнул Ирранкэ. – Я приказал принести. В углу.

Ири переменилась в лице, спрыгнула с кровати и бросилась туда, зашуршала чем-то, а потом я услышала вздох облегчения.

– Что у нее там? – шепотом спросил он.

Я только плечами пожала: кто знает, какие девчачьи сокровища могла прихватить с собой своевольная дочь?

Пока Ири копошилась в пожитках, я молча смотрела на ее отца. Он изменился, и очень сильно, но я не могла понять, в чем именно. Лицо то же самое, и шрам его почти не портил, глаза, так напугавшие меня недавно, все те же… Сейчас в них отражались огоньки свечей: казалось, будто это закатная или лунная дорожка пляшет на темных волнах. А потом Ирранкэ чуть повернулся, и я вдруг увидела…

Когда-то у него были пепельно-русые волосы, густые, гладкие и прохладные на ощупь, я прекрасно помнила это – пряди скользили между пальцами, как текучая вода, совсем не путаясь… У Ири точно такие же, я ей завидовала: пока я косу расчешу, она свою трижды переплести успеет, хотя у нее волосы и длиннее!

Сейчас Ирранкэ был сед как лунь, и это настолько не вязалось с его молодым лицом… Я не находила слов.

– Заметила, верно? – Он взглянул на меня. – Теперь я похож на человека?

– Нет… нет! – встряхнула я головой. – Ты…

– Это все еще я, – негромко произнес он. – Я понимаю, много лет прошло, а ты совсем не знала меня. Не знала и забыла.

– Смеешься? Как я могла тебя забыть, если… – Я кивнула в сторону маленькой комнатки, где возилась Ири.

– Это другое. Дочь была с тобой с рождения, меня – такого, каким я был, – ты не знала, – сказал Ирранкэ. – Считаные встречи не в счет. И наша единственная ночь – тоже. Ты боишься, что я – не тот, за кого ты меня принимаешь, верно? Или даже вовсе… не существо из плоти и крови.

– Лошади у тебя жуткие, – зачем-то сказала я. – Верно, я подумала, что ты… тобой мог притвориться кто-то… не хочу поминать к ночи. Не знаю, зачем им такие шуточки, но…

– Но ты почти угадала, – перебил Ирранкэ и криво улыбнулся. Улыбка у него теперь всегда выходила такой из-за шрама на щеке. – Коней мне продал кое-кто из свиты Зимней королевы. Я дорого за них заплатил.

– Только не говори, что пообещал взамен то, чего дома не знаешь… – прошептала я, чувствуя, как ледяная рука сдавила горло. – Только не это…

– Марион? – Он схватил меня за плечи, легонько встряхнул и сразу же выпустил. – О чем ты?

– О сказках, – деловито сказала Ири, скидывая обувь и забираясь на кровать со мною рядом – теперь, когда Ирранкэ открыл ставни, из окон дуло. Конечно же, она все слышала! – Там часто такое бывает: кто-нибудь в обмен на помощь обещает то, чего дома не знает. Или того, кого первым встретит, когда вернется. И приходится отдавать… разное. Даже если не хочешь, все равно придется, потому что уговор, а уговор дороже денег!

– Ну нет, я еще не лишился разума! – Ирранкэ коротко рассмеялся. – Нет. Я прекрасно знаю: просишь подмоги у таких существ – плати сразу, и хорошо, если найдется чем! Я это сделал, в долгу не остался, хотя и хватило едва-едва…

– Я тебя не понимаю, – прошептала я.

– Я же обещал, что расскажу… Но это очень долгая история. – Он встал и проверил, хорошо ли заперта дверь. В смежной комнатке отдельного выхода наружу вовсе не было, и славно. – И, думаю, начать придется с ваших злоключений. Каким ветром вас занесло сюда? Неужто герцог выгнал тебя с дочкой, а мать не приютила?

– Нет, мы ушли сами, – ответила я.

Ирранкэ сел рядом – матрац просел под его тяжестью, и мы с Ири вдруг оказались будто бы в гнезде, прикрытые от непогоды надежным крылом – это он набросил на всех нас свой плащ, легкий и теплый.

– Лучше я расскажу, – сказала Ири. – Только сперва хотя бы имя назови…

– Ирранкэ… – ответил он и добавил что-то длинно-певучее, мне такое в жизни не выговорить, а дочка помолчала немного и повторила. – Да. Именно так. И, если меня не обманывает зрение, я твой отец.

– Это-то понятно, – вздохнула она, – я почти сразу догадалась, да, мам?

Я кивнула. А что я могла сказать?

– Так что все-таки приключилось? – спросил Ирранкэ.

– Меня хотели выдать замуж, – ответила Ири, – за внука дэшавара Урзы, но он толстый и противный.

– Дэшавар?

– Внук! – фыркнула она. – А сам дэшавар совсем уже старый, ему-то я зачем?

– Нас не устроила эта во всех отношениях выгодная партия, – добавила я. – Пришлось уходить. Я надеялась упасть в ноги вдовствующей герцогине и взмолиться о пощаде, но она, на беду, скончалась. Пришлось идти дальше, и вот мы здесь.

– Чудо какое-то… – Ирранкэ потер переносицу. – Так не бывает.

– Я тоже так подумала, – сказала я. – А как ты здесь оказался? Куда ты так спешил? За… той вещью?

– Да, – честно ответил он. – Но я знал, что опоздаю. Она быстрее.

– Она? О ком ты?

– Не торопи, все порядку, – сказал Ирранкэ и огляделся. – Что за дыра, ни единого зеркала нет! Даже у купцов, я уж спрашивал…

– Зачем оно тебе? – удивилась я. – Воды в таз налей да смотрись, если нужно. А то могу сковородку с кухни принести, они там начищенные.

– Это не то, – серьезно ответил он, – во всем этом невесть что выходит: вода, чуть тронь, рябью идет, а эти ваши чугунки со сковородками так искажают отражение, что себя самого испугаться можно.

– У меня есть зеркало, – тихо сказала вдруг Ири и сунулась носом мне в плечо, как всегда, когда была в чем-то виновата, но боялась признаться.

– Так неси скорее! – Ирранкэ взглянул на нее, и она соскочила с кровати, снова кинулась рыться в пожитках. – Ох ты… А я ведь уже видел его!

– Еще бы, – вздохнула я. Ири протягивала ему бабушкино зеркало в массивной оправе. – Ири, и ты все это время тащила его и ни словом не обмолвилась?!

– Конечно же, нет, – ответила дочка и снова забралась на кровать с ногами. – Ты сказала не брать его с собой, потому что оно тяжелое. Но я подумала – это же единственная память о прабабушке. Хоть я ее и не знала, но ты-то помнишь, мам? Она смотрелась в это зеркало, потом ты, и я тоже… нехорошо было его оставлять. А еще, – добавила Ири, подумав, – это зеркало старинное и очень дорогое, и его можно было бы продать, если б у нас деньги кончились. И не такое уж оно тяжелое… Я только боялась, не разбилось бы!

– Такое стекло не разобьется, даже если его уронить на каменный пол, – негромко произнес Ирранкэ, коснувшись

оправы. – Жили когда-то умельцы, способные отливать зеркала, которые нужно было бить кузнечным молотом, чтобы расколоть. Говорят, это вовсе и не люди были, а подземные мастера: ведь сварить стекло такой чистоты и сделать зеркало, которое бы отражало владельца намного красивее, чем он есть на самом деле, обычному человеку не под силу.

Я подумала и кивнула: в бабушкином зеркале даже я выглядела писаной красавицей, а уж Ири – и вовсе сказочной принцессой! А как зеркало попало в руки герцогской дочки, кто его ей подарил, у кого купил, теперь не узнать…

– Однако легенды легендами, но секрет этот утерян, – добавил Ирранкэ, – а стекло, даже очень прочное, не вечно. Скорее всего, сейчас держу в руках одно из последних таких зеркал.

Он подвинул табурет и бережно положил на него зеркало. Оно казалось темным прудом, в котором отражались светлячки – огоньки свечей.

– Вы увидите, как это было, – помедлив, сказал Ирранкэ. – Ничего не бойтесь, это только мои воспоминания…

Глава 11

– Стоит ли показывать такое Ири? – шепнула я. – Как знать, чего ты навидался за это время, а она, хоть выглядит взрослой, все равно еще ребенок…

– Решать тебе, – после паузы ответил он. – Там нет разнузданных пьяных оргий, а вот смертей – в избытке. Самых разных.

– Я не испугаюсь, – тут же вставила дочь. – И будто я не знаю, чем мужчины с женщинами занимаются, удивили тоже!

– Нет, – сказала я. – Нет. Во всяком случае, не прямо сейчас. Прости, но я по-прежнему не знаю, ты ли это или же злой дух, принявший твое обличье? Я не знаю, как распознать обман, но не стану смотреть в зеркало до тех пор, пока ты не докажешь, что ты – на самом деле Ирранкэ, которого я знала. И уж тем более не позволю дочери сделать это… Не смотри на меня так, Ири!

Она отвернулась, но смолчала.

– У меня нет доказательств, – после долгого молчания произнес Ирранкэ и взглянул на свою руку. – Перстень? Ты сама сказала, что его можно снять с мертвого. Внешность легко подделать. А больше ничего и нет…

– Запах, – сказала я. – От тебя всегда пахло первым снегом.

– А теперь?

– А теперь – нет. Только холодом веет, и еще чем-то… вроде остывшего очага, – невольно поежилась я. – И железом.

– Кровью, – поправила Ири, обняв колени руками.

– Верно.

Ирранкэ молчал.

– Куда ты так мчался? – спросила я. – Почему остановился?

– Я надеялся опередить ее, – негромко ответил он, неотрывно глядя на пламя свечи. Черты лица его обозначились резче, и алий уже не казался вечно юным. – Я должен был попасть в замок раньше ее. Потому что если бы она отыскала ключ…

Ирранкэ опустил голову, помолчал, потом добавил:

– Некого было бы спасать. У меня оставалась одна надежда – зимой она слабеет, и я мог успеть первым, с такой-то упряжкой! Но, видно, конюший Ее Зимнего величества пошутил со мной… у них странное чувство юмора.

– Кто это – «она»? – шепотом спросила я и отвела длинную прядь с его лица. – О ком ты?

– Ах да, я ведь не сказал, – произнес он после очередной паузы. – Я нашел дверь. И ту, что ее стережет.

– И проговорился о ключе? – поняла я, а Ирранкэ едва заметно кивнул. – Но…

– Слишком долго рассказывать, – повторил он и взглянул на меня в упор. В его глазах горели отсветы тысячи огней, и это были не зажженные в комнате свечи. – Я и за всю зиму не управлюсь.

– Почему это? – удивилась Ири.

– Здесь прошла дюжина лет, – был ответ, – нет, больше. А для меня… я и подсчитать не могу.

– Ты поэтому… так изменился? – выговорила я. – Но разве алии не живут вдесятеро дольше людей?

– Ты права, – сказал Ирранкэ и улыбнулся. – Только это другая история. Все началось именно с открытой двери, ключ от которой потерян…

– Зачем он нужен, если она открыта? – тут же спросила Ири. – Сменить замок, вот и вся недолга!

– Если бы все было так просто… – вздохнул он. – Повторяю, рассказывать в подробностях я буду не день и не два.

– Тогда… тогда покажи, – попросила я, хотя по спине забегали мурашки. – Как ты собирался это сделать?

– Это просто… Ири, сядь с другой стороны. Дайте мне руки, – попросил Ирранкэ. – Держитесь крепче и смотрите в зеркало. Так, словно это колодец, на дне которого спрятано что-то важное.

– Днем на дне колодца видны звезды, – вставила Ири.

– Ты хочешь сказать, со дна колодца? – припомнила я какую-то легенду.

– Нет, на дне. Они там ночью отражаются и плавают на поверхности, пока туда солнце не заглянет. Я у бабушки в

деревне видела, – пояснила она и добавила: – А в замковом колодце такого не бывает, он под крышей. В нем только огоньки факелов и увидишь.

– Так и есть, – едва заметно улыбнулся Ирранкэ. – В колодцах спрятано много тайн, и без нужды лучше не вглядываться в самую глубину, не то кто-нибудь может посмотреть на тебя оттуда.

– И утащить?

– И это не исключено, – серьезно ответил он. – Но сейчас речь пойдет не об этом. Прежде чем я покажу вам, что видел, нужно кое-что объяснить… Ты помнишь, Марион, я рассказывал тебе о двери, а ты предположила, что та вещь – и есть ключ от нее?

– Конечно, помню. Ты еще сказал, что все это время его использовали не по назначению, а нужно было запереть дверь и уничтожить ключ, только сделать это невероятно сложно. И еще – что неизвестно даже, где находится эта дверь!

– Именно, – кивнул он. – Тогда я вернулся домой и начал искать любые упоминания о странных происшествиях, чудесах и таинственных местах, разослал столько писем и объездил столько стран, что носи я железные башмаки, как в сказках, стоптал бы не семь пар, а сотню! Чего я только не наслушался за время странствий… Но, наконец, мне удалось ухватиться за кончик ниточки, и я уже не выпускал его из рук. И распутал клубок, хотя это едва не стоило мне жизни.

– Ты по-прежнему говоришь загадками, – сказала я.

– Вовсе нет, просто история моих исканий не так уж интересна, – улыбнулся Ирранкэ. – Правду сказать, я провел столько же времени за старыми пыльными фолиантами, поеденными мышами, сколько в дороге.

– И что же ты отыскал? – любопытно спросила Ири, заглядывая ему в лицо.

Ирранкэ немного помолчал. Тишину нарушало только потрескивание свечей да вой ветра снаружи.

– Когда я собрал воедино сотни разрозненных историй, то выяснил, что моя путеводная нить ведет не так уж далеко – это всего лишь в паре недель пути отсюда, – сказал он, – и не ниточка это, а, скорее, ручеек. Все эти легенды связаны с водой, всегда.

– Это как в сказке про падчерицу, которую злая мачеха скинула в колодец, а та угодила ко двору Зимней королевы? – тут же задала очередной вопрос Ири.

– Почти. Не ко двору и не королевскому, – едва заметно улыбнулся Ирранкэ, – но попасть в то место можно и таким путем. Я же выбрал иную дорогу, ту, которой до меня уже ходили разные смельчаки, но не вернулся ни один. Если же вернулся, то сильно пожалел об этом…

– Постой-постой, – нахмурилась я и крепче сжала его ладонь. – Ты… ты что, о чертогах фей говоришь? Бабушка рассказывала когда-то, да я совсем запамятовала… Но тогда все сходится! Время там идет совсем иначе, не как на земле, и человек думает, будто плясал на балу у королевы фей неделю, а на самом деле минуло уже сто лет, и на земле никто уже его и не помнит. Да?

– Именно. Мы называем этих созданий иначе, но пусть уж будут феи, так проще, – серьезно ответил алий. – Когда-то их было много, но они ушли неведомо куда. А та, по чьей вине был утерян ключ, осталась здесь – сторожить незапертую дверь. Это и награда ее, и наказание. И именно с нее и начинается моя история… Смотрите же!

От внезапного порыва ветра свечи в комнате погасли, и мы остались в кромешной темноте… Но нет! В глубине темного зеркала по-прежнему плясали огоньки, но они все отдалялись и отдалялись, и когда я невольно потянулась за ними, к свету…

Пропала маленькая комната, исчез вой метели за окном, я не чувствовала кругом ничего, ощущала только руку Ирранкэ в своей руке, его сильное пожатие.

Огоньки вдруг понеслись по кругу; помню, в детстве я любила забавляться вот так по вечерам – если несколько раз быстро повернуться на месте, увидишь именно такие размазанные полосы света. И голова кружилась в точности как тогда…

Я, должно быть, моргнула, а когда открыла глаза, то, что я принимала за отблески огня в стекле, оказалось переливами солнечного света в струях небольшого водопада – он низвергался в озеро с обрыва, и у его подножия стояло облако водяных брызг, пронизанное несколькими яркими, зыбкими радугами.

– Кто ты, путник? – услышала я мелодичный, глубокий голос и увидела впереди женскую фигуру.

Она стояла на самом берегу, и потревоженные воды озера целовали мыски ее туфель, расшитых речным жемчугом и хрусталем. Или те просто были унизаны каплями воды, сверкающими на солнце, как бриллианты?

Я видела ее – глазами Ирранкэ, конечно же, – только со спины. Она была высока и стройна, а длинные золотистые волосы ниспадали ниже пояса, схваченные жемчужной сеткой… или всего лишь окропленные росой, как разберешь? На ней было старомодное платье, светлое, с длинными рукавами, и я не представляла, из какой ткани оно пошито: подол струился, как водопад, взблескивая на солнце при каждом движении хозяйки. Я даже не могла разобрать цвет: только что платье казалось нежно-зеленым, а вот уже оно голубое, как весеннее небо, а теперь сияет

закатным пурпуром и золотом…

– Назови свое имя. Не бойся, я не украду его, – произнесла женщина, но не обернулась.

Руки ее – я видела – постоянно пребывали в движении: левая раскручивала веретено, правая тянула нить из кудели – маленькая прялка (сделанная, кажется, из ветки-рогульки, как у меня в детстве) была заткнута за широкий вышитый пояс.

– Неужто я должен ожидать зла от благородной дамы? – улыбнулся он. – Люди называют меня Ирранкэ, – услышала я знакомый голос.

– Люди? Но сам ты – не человек, я не ошиблась?

– Как и ты, госпожа, – был ответ.

– Зачем ты здесь? – спросила женщина, помолчав.

Она стояла неподвижно, только пальцы двигались быстро-быстро да жужжало веретено, и этот звук сливался со стрекотом насекомых и журчанием воды.

– Я услыхал о прекрасной даме, которая коротает годы возле волшебного озера в ожидании избавителя, вот и решил разыскать ее.

– Неужто желание увидеть незнакомку, которая, быть может, скончалась задолго до твоего рождения, заставило тебя явиться сюда? Ведь путь твой не был легким, я не ошибаюсь?

– Мне хватило невзгод, госпожа, – ответил Ирранкэ, невольно коснувшись груди, – но я все еще жив. И я вижу тебя, но не твое лицо. Позволь мне…

– Нет! – Женщина резко подняла правую руку, и раскрученное веретено дернулось, когда оборвалась нить. – Что ты наделал!

– Прости, госпожа, я вовсе не желал испортить твое рукоделие, – сказал он, приблизившись на несколько шагов.

Теперь видно было, что волосы незнакомки, как и ее одежда, мерцают и переливаются покрытые мельчайшими водяными каплями, но вот диво – не намокают и не тяжелеют!

«Мои пальцы запутались в ее волосах, лепестки жасмина липли к губам, а запах… этот запах! Никакие духи не сравнятся с ним!»

Чья это была мысль?

– Подойди ближе, – сказала она, вновь раскрутив веретено (я невольно позавидовала, настолько тонкая нить выходила из-под ее руки), – я хочу рассмотреть твое лицо. Еще ближе…

Я видела, как в озерной глади отражается Ирранкэ – такой, каким он был прежде. И пусть одежда его истрепалась после дальней дороги, а лицо обветрилось (шрам на нем казался совсем свежим), он все равно выглядел полным сил.

– Да, ты не человек, – шепнула женщина, и я вздрогнула: Ирранкэ стоял за ее плечом, но в воде я видела только его одного! Хотя нет… нет, ее тоже можно было разглядеть, но только силуэт – отражение шло рябью, как бывает, если на воду упадет лепесток или скользнет жук-водомерка. – Что привело тебя сюда, алий?

– Истории о тебе, Владычица вод. Я долго живу на свете и слышал много историй о тебе и озерном крае, куда нет дороги простому смертному! Но я ведь не простой смертный, ты сама это заметила. – Он улыбнулся, но рябь на воде превратила его отражение в недобрую гримасу.

– Ты в самом деле хочешь войти и увидеть мои владения? – спросила она после паузы, и веретено начало вращаться медленнее.

– Да, госпожа, если позволишь.

– И чем же ты расплатишься за это? – прозвучало в тишине.

– Верной службой, – ответил Ирранкэ, и слова его упали, как тяжелый камень в воду, почти без плеска. – Что еще я могу предложить тебе? Земные сокровища тебе не нужны, ты и без них прекрасна!

«У нее родинка на щеке, маленькая, а губы обветренные – она кусает их, когда задумается, дурная привычка…»

– Ты не пожалеешь? – спросила женщина, по-прежнему не оборачиваясь.

– Я не знаю, госпожа, – ответил Ирранкэ. – Я никогда прежде не бывал во владениях – и во владении – фей. Но даже если я раскаюсь в своем решении, что с того? Я поступаю так своей волей, и отвечать за это только мне.

– И ты не станешь вспоминать о земном, когда окажешься в моих чертогах? – Она немного изменила позу, но лица все равно не было видно.

«У нее горячие пальцы – я до сих пор чувствую их отпечатки у себя на коже. Конечно, я не буду вспоминать о земном! Зачем вспоминать о том, что всегда с тобой, как биение сердца, как дыхание?»

– Не стану, госпожа, – проговорил он, и лицо его не дрогнуло. – Дозволишь ли войти в твои чертоги?

– А что влечет тебя? Одно лишь любопытство? – спросила вдруг она, а веретено закружилось быстрее, быстрее, еще быстрее…

Хотелось зажмуриться, чтобы не видеть этого, но Ирранкэ не сводил глаз с Владычицы вод.

– Почему бы и нет? – улыбнулся он. – Я повидал многое, госпожа, и всюду меня влекла именно ненасытная жажда чудес, но их слишком мало под этими небесами… Позволь увидеть твои

владения, и я отслужу тебе верой и правдой!

– Хорошо, – сказала она, помолчав, – но ты должен пообещать мне кое-что.

– Что же?

– Когда я скажу тебе: «отныне ты мой слуга», а ты согласишься, то сделаешься моим рабом на дюжину лет. Когда эти годы истекут, ты волен будешь уйти. Но если ты нарушишь мои запреты, то останешься у меня еще на дюжину лет. И еще. И еще… Тебе понятно?

– Да, госпожа, – кивнул Ирранкэ.

– Запретов будет много, – сказала она. – Никто еще не ушел от меня, не нарушив ни единого.

– Я и не собираюсь уходить, пока не увижу всех твоих чудес, а вряд ли такого срока хватит на это! – ответил он серьезно. – Да и что значат эти годы для таких, как я?

– Ну что ж, идем, дерзкий алий, – произнесла Владычица вод, так стиснув пальцы, что пряжа вновь порвалась.

– Позволь, я только возьму своего коня…

– Оставь его, – покачала она головой, – он тебе не понадобится.

– Тогда хоть расседлаю, не бросать же так! – сощурился Ирранкэ и, не дожидаясь ответа, направился прочь, туда, где оставил верного коня.

Да, я помнила этого жеребца – гнедой красавец ласкался к хозяину, но тот снял с него сбрую, обнял умную морду и, поглядев в глаза, приказал:

– Беги домой. Не жди.

«Беги домой, я знаю, ты доберешься, мой славный. Я тебя жеребенком взял, я тебя вырастил, столько дорог мы вместе прошли… а теперь я тебя покидаю. Прости, друг, так надо. Прости… Я никогда тебя не забуду – бархатные ноздри, быстрые ноги, шелковистая грива… Убегай отсюда быстрее, ты помнишь дорогу, я верю!»

Конь заржал протяжно и жалобно, потянулся было вслед за хозяином, но тот покачал готовой – нет, не ходи – и шагнул из ранней осени в звенящую весну. Я даже и не заметила этого сразу: там, где Ирранкэ оставил коня, листья уже опадали, а возле озера, за кругом камней, будто бы еще и лето не настало!

– Вот и все, – сказал он, приблизившись к женщине с веретеном. – Теперь уж меня ничто не держит.

«Я запираю память на ключ. На тот самый ключ, что ты хранишь. Я не помню никакой девушки с веточкой жасмина в черных кудрях, не помню ее голоса, ее прикосновений, до смешного робких… И себя я не помню тоже. Я просто искатель

приключений, и я их наконец-то нашел!»

– Тогда идем, – ответила она, придержала веретено и концом его указала на водопад, над которым искрились бесчисленные радуги. Водяные струи разделились, будто раздвинулись тяжелые портьеры, и Владычица вод вошла в темную пещеру и поманила Ирранкэ за собой. – Идем, не медли! Или ты передумал?

– Нет, госпожа, не передумал, – отозвался он и переступил черту, отделяющую наш мир от мира тех созданий, что остались, мы думали, лишь в легендах и детских сказках.

– Не отставай, – сказала она и пошла дальше, только платье едва заметно светлело впереди.

Сперва ничего не было видно, и пусть даже алии прекрасно видят в темноте, сейчас это не спасало, приходилось идти ощупью. Стены всякий раз оказывались разными: то теплыми и шершавыми, то гладкими, то поросшими мхом, то холодными и осклизлыми…

Наконец впереди забрезжил свет.

– Вот мое королевство, – произнесла Владычица вод и шагнула к небольшому озеру, вновь раскручивая веретено.

Маленький водопад по-прежнему вздымал водяную пыль над озером, и радуги плясали над ним. Поодаль над кувшинками вились стрекозы, где-то квакала лягушка…

– Госпожа?

Она молча указала на небо, и я вместе с Ирранкэ посмотрела туда.

Солнца не было. По-прежнему блистали и переливались крохотные капли на одежде и волосах Владычицы вод, сияли радуги в тучах брызг, которые вздымал водопад, но…

– Добро пожаловать, – сказала она. – Здесь никогда не наступает ночь. Здесь всегда царит лето. Думаю, тебе понравится, Ирранкэ. Не этого ли ты искал?

– Возможно, – ответил он и звучно ударил себя по щеке. – А от комаров никак нельзя избавиться, госпожа?

В ответ Владычица вод рассмеялась…

Глава 12

Я очнулась под звуки серебристого смеха, ледяного и веселого.

Руки застыли, я не чувствовала пальцев, все тело будто онемело.

В комнате по-прежнему было темно, даже в зеркале уже не плясали огоньки погасших свечей.

– Марион? – негромко произнес Ирранкэ. – Ты… не нужно было так долго. Ты же…

– Ири! – Я потянулась к дочери, дотронулась до ее теплой

щеки, услышала ровное дыхание и немного успокоилась.

– Спит, – подтвердил он. – С ней ничего не случилось, она же наполовину моей крови… А вот тебя трясет.

– Это от страха, – шепнула я.

– Пока я не показал ничего такого, что могло бы тебя напугать.

– Разве? А эта… пряха?

– Что же в ней страшного? Женщина как женщина.

– Она в воде не отражается, – пробормотала я, – а еще… еще у нее веретено не в той руке.

– Вот, сразу женский взгляд виден! – негромко рассмеялся Ирранкэ. – Я не сразу приметил, что не так с ее пряжей…

Я могла припомнить, что была в герцогском замке одна служанка, левша – сколько ее ни переучивали, толку не выходило, но уж зато она одной левой управлялась с работой так, что иные правши позавидовали бы… А прясть ей не давали – левой рукой прядут только в особые дни, а в иные – это слишком дурная примета.

Но что проку от моих воспоминаний?

Ирранкэ тем временем зажег свечу, встал и легко поднял Ири на руки. Она даже не подумала проснуться, вздохнула и попыталась устроиться поудобнее.

– Пускай спит, – шепнул он, уложив ее на перину в маленькой комнатке и укутав своим плащом. – А мы можем еще поговорить.

– Услышит…

– Ничего она не услышит, – ответил Ирранкэ, притворив хлипкую дверь и сев на кровать рядом со мной.

– Ты…

– Забыла? – Он осторожно провел кончиками пальцев по моему лбу, по полуприкрытым векам, притронулся к губам. – Хорошо спалось тогда?

– Как никогда прежде, – честно ответила я, прикоснувшись к его изувеченной щеке, к волосам, прохладным и гладким, как прежде, их цвета было не разобрать в темноте… – У тебя руки холодные.

– Странно, что у меня сердце до сих пор не обледенело, – усмехнулся он.

– Скорей-скорей, – пробормотала я, вспомнив слова Ири. – Скорей-скорей! Оно не могло обледенеть, ты гнал его вскачь… Но почему? Что такое ты узнал? Кто эта женщина с веретеном?

– Владычица вод, – негромко произнес Ирранкэ, а потом вдруг откинул одеяло и велел: – Забирайся, я пока ставни закрою. Ветер в эту сторону, до утра комната совсем выстынет.

– А Ири… – начала было я, но тут же сообразила, что в

маленькой комнатке окон нет, там теплее, а на перине да под меховым плащом дочь уж точно не замерзнет! А если вдруг и озябнет, ко мне придет.

Я быстро скинула платье и нырнула под одеяло. Постель была холодной, как-то не озаботились мы грелками, а уж когда ко мне присоединился Ирранкэ…

– Ох… У тебя не только руки ледяные, ты сам, похоже, окоченел, – невольно прошептала я. – Дай согрею…

Кровать была широкой, не то что моя, но мы все равно прижимались друг к другу теснее некуда. Это было совсем как в прошлый раз: Ирранкэ цеплялся за меня, живую, земную… Но тогда он полагал, что ему угрожает всего лишь смерть, а это не так уж и страшно!

У меня были мужчины после него, после рождения Ири, и вовсе не дурные. Они хорошо знали женщин и умели доставлять удовольствие, но все равно поутру я вставала с отчаянным желанием поскорее отмыться, как бы ни было хорошо мне той ночью. А теперь…

Несколько лет назад Ири затащила меня летом к лесному озеру, почти совсем заросшему – только посредине зияло оконце чистой воды. Да и вообще, как по мне, это было не озеро, а самое настоящее болото.

– Не бойся, – сказала мне дочь, когда мы, оскальзываясь на упавшем, давно лишенном коры дереве, добрались до прогалины во мху и разделись. – Там чисто, не смотри, что вода черная, она прозрачная, вон – дно видать!

– Если я утону, это будет на твоей совести, – сказала я, задержала дыхание и окунулась в черную как смоль и прозрачную, теплую у самой поверхности и прохладную у дна чистую воду…

Лесное озеро приняло меня на руки, покачало и позволило опуститься вниз. Кругом колыхались водоросли, выше виднелся ковер из мха, и когда я оттолкнулась ногами от мягкого торфяного дна, то врезалась в него головой, немного промахнувшись мимо оконца, и Ири долго смеялась, помогая мне выбрать зелень из волос, и дразнила русалкой.

Никогда мне еще не было так легко, как после купания в лесном озере, чьи черные воды будто смыли все тревоги и горести…

Я будто окунулась в него снова.

Свеча давно догорела, но когда я провела рукой по плечу Ирранкэ, знакомые линии едва заметно засветились снова. Я видела их прежде (и у Ири заметила подобные), но тогда они были намного ярче, а теперь свет был едва-едва заметен и будто бы мерцал, как догорающая свеча. Еще и шрам мешал, грубый

рубец, рассекший рисунок…

– Что? – шепнул Ирранкэ, почувствовав, как замерли мои пальцы.

– Сердце… – Я приложила к его груди уже не кончики пальцев, ладонь, – у тебя же сердце не там, где у всех!

– Это мне жизнь спасло. – Он вернул мою руку на шрам с левой стороны. – Хотели прикончить, чтобы уж наверняка, а тут вдруг незадача! Бывает и такое, можешь себе представить?

– Еще как могу, – ответила я, – у Ири точно так же…

Я бы вовсе этого не заметила, наверно, но однажды она простыла и сильно кашляла, а придворный лекарь, выслушав ее, шепотом сказал мне: девочка-то необычная. Встречаются люди, у которых органы расположены будто бы в зеркальном отражении, вот Ири как раз из таких. Но лучше помалкивать об этом, мало ли, чего наболтать могут… Я и помалкивала. Какая разница, слева у нее сердце или справа, была бы жива-здорова!

– Это у нас в роду передается, – помолчав, произнес Ирранкэ. – Дед мой был таким же, и прадед, и еще много предков… Именно поэтому мы всегда стояли немного наособицу. Жаль, волшебный дар растеряли за столько поколений… Вернее, разучились им пользоваться – ни к чему было.

– Погоди… – Я нахмурилась. – Так вы еще и колдовать умеете?

– Умели когда-то, – едва заметно качнул он головой. – Говорю ведь, все забылось. Даже алии не бессмертны, да и память у них не вечная. После стольких войн мы многое утратили: там потеряли старинную летопись, тут кто-то погиб, не успев передать потомкам тайное знание. А вот ключ все-таки сберегли, хотя и запамятовали, что это такое и для чего предназначено изначально.

– Ты говорил, что вы использовали его, – припомнила я, – но сами не понимали, как именно он действует и почему именно так.

– Верно. – Ирранкэ устроился поудобнее. – Мы пытались изменять видимое нам будущее, и это даже иногда удавалось. Как бы объяснить… Будущее – оно за стеной с множеством дверей, пока запертых, и оно зависит от того, какая именно дверь будет открыта первой. Определить это можно только с очень малой долей вероятности, но иногда удавалось выбрать нужную… Нужную нам, – поправился он.

– И вы отпирали ее с помощью этого ключа… – Я невольно накрыла ладонью подвеску на шее.

– Именно так. Не отпирали даже, лишь подглядывали в щелочку… А делали это всегда мужчины из моей семьи, – сказал

Ирранкэ, – но не только потому, что происходили из правящего рода.

– Ты сказал – алии забыли волшебство, – вспомнила я, – значит, твои предки им владели, и… сохранили какие-то крупицы знаний?

– Да. Этого ничтожно мало, но… помнишь, я сказал, что истратил уйму времени на старые книги? Я искал упоминания о ключе, и я нашел одну легенду, древнюю даже по нашим меркам. Люди, должно быть, вовсе ее не вспомнят.

– Какую же? – шепотом спросила я.

– Жил когда-то на свете молодой алий, – помолчав, начал он. – Тогда и сам мир был юн и полон сил, и волшебство не казалось чем-то удивительным. Оно жило в каждой капле росы, в каждом дуновении ветерка, и алии умели пользоваться им точно так же, как теперь дети плетут венки из ромашек и васильков – протяни руку, сорви цветы и делай с ними что заблагорассудится. А получится у тебя корона или жалкая вязочка в три стебелька, которая назавтра завянет, зависит только от твоего умения. И желания, – добавил Ирранкэ. – Те, кто хотел и мог учиться, стали теми, кого люди называли волшебниками.

– Их больше нет… значит, и волшебства тоже?

– Не путай причину со следствием, – серьезно сказал он. – Волшебство не может никуда деться. Оно все еще здесь, хотя осталось его не так много… Но в этом нет ни нашей вины, ни человеческой. Но кое в чем ты права: когда волшебство начало иссякать, мало-помалу и волшебники позабыли свое ремесло.

– Ну да… если нет глины или лозы, даже самый умелый мастер не смастерит горшок и не сплетет корзину, – пробормотала я.

– Верно подмечено. Самые сильные и умелые продержались дольше всех, подбирая последние крупицы силы, но и о них теперь рассказывают лишь в сказках.

Ирранкэ помолчал, потом спросил:

– Ты ведь хорошо знаешь легенды о Создателе?

– Конечно. Ты хочешь сказать, он тоже был… волшебником?

– А кем же еще? Не чета нашим, конечно. Повторить его деяния никому не под силу, но память о них жива.

– И ключ обронил именно он, – прошептала я. – Как мы тогда подумали…

– Да. А может быть, не обронил, а доверил кому-то. Или вовсе подарил. Этого мы никогда уже не узнаем. – Ирранкэ перевел дыхание. – Я сумел выяснить только одно: ключ испокон веков хранился у кого-то, кто умел противиться его власти. Сперва это были мои предки, но я уже упоминал: эта способность у нас не

передается по наследству. Сменилось множество хранителей, прежде чем ключ попал в руки Берты, а потом и в твои…

– Постой, – я припомнила кое-что, о чем не успела спросить его тогда, больше двенадцати лет назад, – скажи, а тогда, перед самой ее смертью, вы никого не присылали за ключом? Я прекрасно помню, что алиев не было в замке, такое поди забудь! И других гостей вроде бы тоже не было… Но вдруг?

– Нет, никого не посылали, – покачал он головой. – Я лично отправился за ним в положенный срок. Тогда мы с тобой и познакомились… не при самых романтичных обстоятельствах.

– Да уж… – пробормотала я. – Но почему тогда ключ был не в тайнике? Мама сказала, что взяла его с подзеркального столика… Но я уверена – бабушка могла оставить там деньги на мелкие расходы, но не что-то подобное. Все ее украшения, сбережения, все осталось в целости и сохранности в другом тайнике! А бросить без присмотра такую вещь… Это невероятно!

– Ты сказала, она умерла ночью, во сне?

– Да. Я проснулась еще до рассвета, а она уже окоченела. – Я невольно вздрогнула, вспомнив то утро. – И это странно! Бабушка ничем не болела, ворчала разве, что старость не радость, да еще жаловалась, что под дождь угодила, не простыть бы, и только. И вдруг…

– Так он был на подзеркальном столике? – напрягся вдруг Ирранкэ.

– Я знаю это только с маминых слов, – ответила я. – Зачем было бабушке класть его туда? До подоконника два шага, почему она не убрала ключ на место? А если хотела вынести из комнаты, почему не положила в карман?

– Постой… – Он помолчал. – А когда она попала под дождь?

– Да накануне смерти! Вышла зачем-то во двор, а тут, как нарочно, ливень, она и не успела под крышу спрятаться. И мама пришла… Я только с бабушкиных слов помню, как было дело, сама-то была в другом крыле занята. Верно… Мама чуть-чуть запоздала, как раз из-за дождя, пережидала его под деревом у самых ворот. А бабушка не любила, когда ее задерживают, – стала я вспоминать, – вдобавок, она сама вымокла, пришлось переодеваться, а это тоже не в одно мгновение делается. И ужин как готовить начали, хлопот невпроворот… Вот поэтому бабушка велела маме обождать, а сама пошла распорядиться на кухне. То ли дичи не хватало, то ли еще чего-то… а вот зачем она выходила во двор? Не знаю. Может быть, птичницам указания раздавала?

– Это не так важно, – обронил Ирранкэ. Он все гладил и гладил мои волосы, и они, вечно путавшиеся под гребнем, ложились ровной волной. – Главное, она угодила под дождь. А

может быть, подошла к колодцу…

– О чем ты… – Я осеклась. – Владычица вод?

– Да. Многие феи боятся текучей воды, а эта, наоборот, властвует над нею. Будь это река, родник, дождь… не важно, она сумеет пробраться, куда ей захочется!

– Ты поэтому не велел мне подходить к колодцу?

– Именно. Сейчас, зимой она ослаблена. Но колодец питают подземные течения, а по ним фея может забраться очень и очень далеко. И если бы она почувствовала тебя… – Ирранкэ осекся.

– Но как? – не поняла я. – Я не раз и не два носила воду из этого колодца, ключ был при мне, и… ничего ведь не случилось!

– Да, но ты не прикасалась ко мне, – ответил он.

– Разве? А тогда? Много лет назад?

– А это уже не считается, – едва заметно улыбнулся Ирранкэ. – То прикосновение давно смыто кровью, и вовсе не моей. Ты понимаешь, о чем я?

Я подумала и кивнула. Ири… Когда она появилась на свет, я стала другой, и прошлое уже не должно было быть властно надо мною. Так, во всяком случае, говорилось в сказках…

– Сейчас фея идет по моему следу, – продолжил он, – а я оставляю его на всем, к чему или к кому прикасаюсь. Должно быть, когда-то я имел неосторожность отметить Берту.

– Только не говори, что ты с бабушкой…

– Нет, о чем ты! – едва слышно рассмеялся Ирранкэ. – Она была женщиной строгой, и хоть уже растила сына, считала себя замужней. Может, и не просто считала – я не вникал, в самом ли деле твой дед женился на ней.

– Она говорила, что они дали друг другу обещание, но никаких церемоний не было, – припомнила я.

– У нас и по сию пору достаточно обещания, – серьезно сказал он. – Так что, выходит, она не лгала и не заблуждалась. Но, так или иначе, я брал у нее ключ и передавал обратно. Это очень слабый отпечаток, но феи упорны… Она все-таки выследила Берту, пускай даже на это ушло много лет. Над феями годы не властны, она могла позволить себе не торопиться…

– Текучая вода? – сообразила я. – В этом все дело? Бабушка сама уже давно не носила воду из колодца и не ходила к реке, но дождь… Она попала под дождь! Это тоже считается?

– Да. – Ирранкэ обнял меня крепче. – Человек не может противиться воле фей, они намного сильнее. Алии… способны продержаться какое-то время, но и только. Должно быть, Берта вернулась в комнату, чтобы переодеться, вынула ключ из тайника… и тут пришла твоя мать, и это сбило Берту с внушенной мысли! Не знаю, кому она должна была передать

ключ, но только не взяла его с собой…

– Верно, его забрала мама, а бабушка умерла той же ночью, – пробормотала я. – Это потому, что она не выполнила приказ?

– Скорее всего.

– А почему же фея не отыскала маму? – спросила я. – Она уж точно дотрагивалась и до бабушки, и до ключа, а еще она постоянно возле воды – и воду носит, и стирает на реке…

– Не смогла, – ответил он. – Это оборотная сторона волшебства. Помнишь, я говорил, что хранителем ключа может быть только тот, кто не желает завладеть им?

– Помню, конечно… Но мама сумела с ним расстаться, хоть и с трудом!

– Уж прости, но блеск монет застил ей глаза, – усмехнулся Ирранкэ. – И, возможно, дай ты ей побольше времени на размышления, она бы придумала сотню оправданий, лишь бы не отдавать ключ! Вот парадокс: таким… не важно, людям или алиям, нельзя оставлять эту вещь, потому что, привыкнув к ней, они станут прятать свое сокровище, да так, что любой волшебник позавидует! С другой стороны, феи не могут отнять его у них: сила ключа больше их собственной, и ни река, ни дождь не могли вынудить твою мать отдать или продать бесполезную, в общем-то, безделушку.

– Верно, она говорила об этом, – вспомнила я. – О том, что не раз собиралась вернуть ее мне или даже продать, но не могла. Ну, пока деньги не увидела, как ты говоришь… Что же выходит? Если над кем-то не властен ключ, его могут заморочить феи, и наоборот?

– Во всяком случае, я понял это именно так, – вздохнул он. – Ну а Берта… возможно, она даже не вспомнила о ключе, когда вернулась к себе, и уж тем более о том, что должна была кому-то его отдать. Или даже не отдать! – Ирранкэ хлопнул себя по лбу. – К чему такие сложности? Ведь достаточно было бросить его в колодец! Но, так или иначе, Берта не сделала того, чего хотела от нее Владычица вод, и…

– Значит, даже если фея знала, что ключ у мамы, забрать его она никак не могла. – Я пыталась собрать мысли воедино, но получалось у меня скверно. – И тут вновь появился ты… И отравить тебя пытался не какой-нибудь противник заключения торгового договора, а простой виночерпий, который незадолго до пира умылся в ручье? Но какой в этом смысл?

– Никакого. – Алий улыбнулся, я чувствовала. – Ты не угадала – отравить меня в самом деле пытались люди. Обычное совпадение, но оно оказалось на руку фее: ключ вернулся ко мне, а затем перешел к новой хранительнице. Но ты, Марион, в замке

уж точно не таскала воду из колодца и не ходила стирать на реку, не так ли?

– Под дождь попадала, было дело, – покачала я головой, – когда маму навещала. Да и ручьев по пути предостаточно, нет-нет да и напьешься…

– Ты не касалась ключа, – напомнил он. – Я сам убрал его в тайник, сам и забрал.

– Как же не касалась, я его в руках держала! – воскликнула я, но осеклась, вспомнив: я не рискнула дотронуться до этой вещицы, разглядывала, держа на мягкой тряпочке, в которой принесла ключ мама. И за корсаж спрятала, завернув в нее же. – Ты прав… Я дотронулась до него только той ночью.

– А тогда все следы были смыты, – шепнул Ирранкэ. – Умерла девушка, родилась женщина, как говорят у нас. А потом ты сделала кое-что еще, я прав?

Он нащупал цепочку у меня на шее.

– Железо. Почти все феи боятся холодного железа, да еще так хитро сплетенного… и крови. Ты сама себе создала защиту, какой не придумал бы ни один волшебник.

Я вспомнила, как сжимала в руке кожаный мешочек с ключом, когда на свет появилась Ири…

– Я же столько раз купалась вместе с Ири, – проговорила я, – и в озере, и в ручьях мы плескались, и в овраге как-то по весне извозились с ног до головы!

– Она не видит тебя, – сказал Ирранкэ и тут же поправился: – Не видела. До тех пор, пока ты снова не прикоснулась ко мне. Теперь – остерегайся текучей воды и запрети Ири подходить к ней… Я не знаю, что может случиться. И я вам не защитник, я…

Он осекся, потом продолжил:

– Я не смог справиться с ней. Никто не смог бы, даже волшебник… И это правда – мой предок сбежал от Владычицы вод, как это сделал я, но до конца дней своих жил в страхе и никогда не приближался к водоемам.

– Он был волшебником? – зачем-то спросила я.

– Да. А я, Марион, не волшебник, – тихо ответил Ирранкэ. – Я умею кое-что, но это детские забавы по сравнению с возможностями той, которая идет за мной по пятам. Зачем только мы встретились вновь!

– Наверно, это судьба, – ответила я. – Просто судьба. А ты трус.

– Даже спорить не стану, – согласился он. Я чувствовала, как он стиснул переплетенные пальцы у меня за спиной, но молчала. – Мне страшно. Но бояться за себя, Марион… это пустяки. Это ничто.

– Я знаю, – шепнула я и добавила зачем-то: – Я не могла тебя забыть. Никак не могла, как ни старалась. А вдобавок у Ири твои глаза – взглянешь и вспомнишь, хоть ты убейся!

– Я выжил только потому, что у меня была ты, – шепнул Ирранкэ. – Ты, живая, земная, настоящая… Я запер память на все замки и засовы, чтобы никто не дознался, но она была со мной. Иногда я мог подглядеть в замочную скважину и увидеть, как ты расчесываешь волосы перед зеркалом…

– Ты никогда этого не видел.

– Видел. Тем утром, когда очнулся в твоей комнате. Ты сидела у зеркала и о чем-то очень сосредоточенно думала и не замечала, что я пришел в себя, пока я тебя не окликнул. – Он пропустил мои волосы меж пальцев. – И еще я помню запах жасмина. Он никогда не цветет в тех краях вечной весны, ни он, ни сирень… Не знаю почему.

– Ирранкэ…

– Ирэ. Так будет… по-домашнему? Не знаю, как перевести.

– Что мы будем делать дальше, Ирэ? – спросила я.

– Мы?

– Да, мы. Или, если я отдам тебе ключ, фея станет охотиться за тобой одним?

– Не имею понятия, – качнул он головой.

– А зачем он ей? – спросила я. – Что она станет делать?

– Я расскажу об этом завтра, – после паузы произнес Ирранкэ. – Мне нужно… многое нужно вспомнить, хотя я хотел бы забыть об этом раз и навсегда. А тебе и так придется многое пересказывать Ири!

– Почему это мне?

– Меня она знать не знает, – был ответ, – не я растил ее столько лет. Она поверит не мне.

– Ири сама решает, кому верить, а кому нет, – усмехнулась я и снова коснулась шрама на его груди.

– Я живой? – спросил он вдруг. – Живой? Сердце в самом деле бьется?

– Да. – Я дотронулась до его щеки. – Да…

У Ирранкэ наконец-то согрелись руки, и от него больше не пахло железом и остывшей золой. Только свежим снегом, как когда-то.

Глава 13

Я проснулась от того, что Ири принялась ворочаться. Имеется у нее такое обыкновение: перед самым пробуждением, уверяет она, снятся самые интересные сны, вот она и бежит куда-то или скачет верхом, ныряет или лезет на дерево… Все бы ничего, но от ее острых коленок достается моим бокам!

Я вздрогнула и очнулась. Да, солнце уже взошло – ставни снова были открыты, и сквозь мутные окошки пробивался свет. И, судя по шуму во дворе и в доме, время близилось к полудню. Вот так поспали…

Но ведь засыпала-то я в одной постели с Ирранкэ! Однако его не было, а вот дочь, как всегда, уютно примостилась у меня под боком.

– Просыпайся давай, – сказала я, села и поежилась: в комнате было холодно, мы сильно выстудили ее ночью. Сейчас хоть ветер унялся, не сквозило, как вчера.

– Ни за что, – пробормотала Ири и зарылась под ворох одеял и наш многострадальный краденый мех. – Я буду весь день спать…

– Ири, я не шучу, – строго сказала я и сдернула с нее одеяло. – И вообще, как ты тут оказалась? Холодно стало?

– Нет. – Она все-таки соизволила открыть глаза, потянулась и улыбнулась. – В той комнате тепло. Просто он пришел за своим плащом, а меня отнес к тебе, чтобы мы обе не замерзли.

– Ах вон оно что…

– Может, не будем вставать? – коварно спросила Ири и снова потянула на себя одеяло. – Никто нас не будит, делать ничего не нужно, так хорошо!

– Вот уж не думала, что воспитала бездельницу, – сурово ответила я, подумала и тоже укрылась как следует. – А ты не проголодалась?

– Нисколечки. Но если вдруг захочется есть, то у нас ведь какие-никакие припасы есть, мы же их так и не вынимали, а вещи наши здесь, – напомнила она. – А воды – целый кувшин.

– Тогда ладно, уговорила, – вздохнула я. – Можно полениться хотя бы немножко… Ох, Ири, а Ирранкэ давно ушел?

– Уже светло было, – сказала она.

– А он не говорил, куда собрался?

– Коней проверить и что-то там у хозяина спросить, – ответила Ири. – Ты не переживай, мам, он никуда не делся, я его голос слышу, он где-то возле конюшни. И вещи он здесь оставил, ну, кроме плаща. Но и то, снаружи-то холодно!

– А почему ты его по имени не называешь? – спросила я зачем-то.

– Ну… это как-то странно… Если он мой отец, то по имени невежливо, а по-другому не получается. Пока не получается, – уточнила она и добавила: – А может, ему это еще и не понравится, откуда мне знать? Мам, а он еще что-нибудь рассказывал? После того, как я заснула? Я помню только женщину у озера, у нее еще веретено не в той руке было… Я

сперва не заметила, а когда отражение в озере увидела, то поняла, что она не так его держит, как все люди. И крутится оно в обратную сторону.

Вот на это я внимания не обратила, каюсь.

– То есть оно в отражении крутится не в ту сторону, – подумав, уточнила Ири. – Там пряжа разматывается, а кудели становится больше и больше. Я на это так засмотрелась, что сама не заметила, как уснула!

– А что тебе снилось? – спросила я, потерев пострадавшие ребра.

– Что-то никак не вспомню, – вздохнула она и устроилась поуютнее. – Вроде бы я бежала с кем-то наперегонки. Ну, как в деревне, когда играла с другими… Точно, так и было, а бежали мы по берегу какой-то незнакомой речки, я таких не видела – она мелкая, все камешки на дне видно, и очень быстрая. И там такие пороги, что пена прямо… ух-х-х! – Ири изобразила руками брызги, чуть не заехав мне по носу. – Как будто кони мчатся, а это гривы так развеваются!

– Вот оно что, – невольно поежилась я, а потом вспомнила, о чем должна ее предупредить. – А теперь послушай-ка: Ирранкэ просил пересказать тебе то, о чем поведал мне ночью. И не перебивай, а то я половину забуду!

– Да уж, если ты будешь пересказывать так же, как легенды… Ты же вечно все путаешь! – протянула Ири, и я дернула ее за ухо. – Ай!

– Не груби матери, – велела я, – и слушай внимательно!

Рассказ мой не занял много времени, и под конец притихшая дочь спросила:

– Значит, это фея уморила прабабушку Берту?

– Выходит, так, – кивнула я, – иного объяснения мы придумать не смогли. Вовремя же мама пришла тогда…

– А покажи мне ключ, – попросила Ири и села, скинув одеяло. – Ну покажи, мам!

– Ладно, только не прикасайся к нему, – предостерегла я, развязывая мешочек. – Убери руки, кому сказано! Не хватало еще, чтобы фея и тебя заметила…

– Я вовсе и не собиралась его трогать, – обиделась Ири, но руку отдернула. – Красивый какой… И из-за этой вот штучки такая история вышла?

– Выходит, что так. Будто ты сказок не помнишь, там и из-за обычных драгоценностей целые войны приключались, а это… – Я понадежнее завязала мешочек и спрятала за ворот рубашки.

К слову – когда это я успела одеться? Помнится, ночью на мне ничегошеньки не было… Не иначе, опять Ирранкэ

наворожил!

– Знаешь, мам, – сказала Ири, подумав, – это не бабушка отвлекла прабабушку Берту. Точно-точно не она.

– Почему ты так решила? – удивилась я.

– Просто мне так кажется, – пожала она плечами. – Ты так рассказывала… Вышло, что прабабушка намокла под дождем, пришла в комнату и стала переодеваться. И тогда же взяла ключ из тайника, верно?

– Иначе не получается.

– Ага… а бабушка опоздала, потому что пряталась от дождя под деревом у ворот. Но от ворот до замка идти намного дольше, чем со двора, а еще надо подняться наверх. И даже если посчитать, сколько времени прабабушка переодевалась… ведь не до белья же она промокла! А платье сменить – это довольно быстро… В общем, – заключила Ири, – получается, что бабушка застала прабабушку или на пороге, или на лестнице. Если бы они внизу столкнулись, тогда бабушка на кухне бы подождала, наверно, там есть с кем поболтать. Или тебя бы нашла.

– Я была занята в другом крыле, проверяла, как горничные прибрались, – ответила я. – Туда мама никогда не ходила.

– Ну это уже не так важно. – Ири перевернулась на живот и подперла подбородок руками. – Главное, прабабушка уже вот совсем-совсем выходила и ужасно торопилась. Иначе не велела бы бабушке ждать в комнате. Я права?

– Во всяком случае, это похоже на правду, – пожала я плечами, – мама то же самое говорила.

– А перед тем как выйти, прабабушка наверняка посмотрелась в зеркало, – сказала Ири. – Ну там… чтобы волосы пригладить и все такое. Ты всегда так же делала.

– Верно, ключница не может быть неряшливо одета и причесана, это мне бабушка Берта втолковывала с раннего детства.

– И она оставила ключ возле зеркала, – закончила Ири свою мысль. – А когда вернулась, почему-то даже не вспомнила о нем, не стала искать… Ты ничего такого не помнишь?

– Нет, – подумав, покачала я головой. – Наверно, если бы она не нашла ключ там, где его оставила, то первым делом спросила бы меня, не видела ли такой-то вещи. Вдруг бы я приняла это за украшение и убрала в шкатулку или в тайник? Бабушка не любила, когда дорогие вещи лежат без присмотра, это я накрепко запомнила и никогда ничего не оставляла на виду.

– А больше к вам никто и не заходил, наверно, – добавила Ири, – так что если б ты сказала, что ничего не видела и не убирала и в комнате бы ключа не нашлось, то она подумала бы на

единственную гостью!

– Да, пожалуй… – нахмурилась я. – Когда мы уходили, то запирали дверь, как и мы с тобой. Бабушка всегда говорила, что нечего вводить людей в искушение. Замок там не ахти какой сложный, но и шпилькой его не откроешь…

Что правда, то правда. Не то чтобы у нас огромные богатства были припрятаны, но для кого-то и медная монета – соблазн, я в этом убедилась… А горничные у нас вороваты, этого у них не отнять, я уж говорила об этом. И вдобавок неприятно, когда в твоих вещах роются. Может, ничего и не возьмут, но перетрогают, переворошат…

– Это у меня прабабушкин ключ, да? – Ири выскочила из кровати, доскакала до своего мешка, порылась в нем и вытащила ключ.

– Ты его до сих пор с собой таскаешь? – удивилась я.

– Ага. И твой тоже, – серьезно ответила она. – Когда мы уходили, я дверь заперла. Помнишь, я возвращалась за своей монеткой? Умывалась, сняла ее и забыла надеть… Ты мне еще велела в зеркало посмотреться, потому что возвращаться – плохая примета.

– И тогда же ты его прихватила?

– Ну да. Я давно придумала, как это половчее сделать, – хитро улыбнулась Ири, забираясь обратно на постель, – чтобы ты не заметила и не заругалась.

– А к чему ты вообще упомянула это зеркало?

– Оно необычное, – серьезно сказала дочь. – Помнишь, и… он вчера сказал, что таких уже не делают? А старинные зеркала в сказках всегда с каким-нибудь секретом!

– И какой же секрет у прабабушкиного? – насторожилась я.

– Даже не знаю, как сказать… – Ири задумчиво почесала нос. – В нем время иногда идет как-то не так. Само по себе.

– Не понимаю… – Мне сделалось вовсе уж неуютно.

– А ты не замечала? – удивилась она. – Иногда заглянешь в него на минуточку, отвернулась – а уже полчаса прошло, и ты ругаешься, потому что давно пора за работу, а я время тяну! Хотя чего там разглядывать-то?

– И правда… – припомнила я. – Бывало такое.

– А еще от него в голове проясняется, – добавила Ири. – Ты же сама сколько раз к нему подходила и тихо так говорила: «зеркало-зеркало, дай совет»…

– Ты слышала? – смутилась я. В самом деле, что за ребячество! – Так бабушка Берта делала, я и запомнила.

Верно… Она говорила, что когда забот много, в голове каша образуется. Тогда надо присесть на минуточку, успокоиться,

сосредоточиться, и все само собой встанет на места, а если хвататься за все дела разом, толку не будет. Ну а где у нас можно посидеть вот так? Только перед зеркалом!

– Но оно не только поэтому особенное, – добавила Ири. – Иногда, бывает, думаешь о чем-то, думаешь, а потом поглядишь в него, и у тебя в голове будто огонек зажигается – не делай этого! Я так вот не полезла на старую башню, будто за руку меня кто-то удержал, а в тот же день там галерея обвалилась посредине, помнишь?

– Еще бы! – Меня аж передернуло.

Башня-то рушиться не спешила, я упоминала как-то, но вот камни с нее сыпались регулярно. А если бы Ири даже с ее невеликим весом оказалась на галерее, та могла бы рухнуть целиком!

– И разное другое бывало, по мелочам, но…

«И у меня тоже, – припомнила я. – Вот, например, когда я решила не отдавать маме всех денег разом, а приберечь их… Что бы мы без них теперь делали? А еще раньше – когда я решила сказать Ирранкэ правду о том, что его пытались отравить, но ничего не сообщать герцогу. Но, может, это просто кажется, что зеркало подсказывает верное решение? А на самом деле оно у тебя в голове, просто нужно подумать как следует? Ири ведь не дурочка, сама распрекрасно видела, что на галерее опасно, но колебалась… А в итоге рассудила верно!»

– Прабабушка посмотрелась в зеркало перед тем, как выйти из комнаты, – напомнила Ири, и я очнулась от раздумий. – Ты говорила, она была очень рассудительной и серьезной. И даже если фея ее околдовала, то прабабушка сняла намокшую одежду, а в сказках часто нужно снять зачарованное украшение или там… волшебный волосок вычесать, чтобы колдовство развеялось.

– Но она все равно промокла… – пробормотала я. – Волосы так уж точно остались влажными, а сушить их было некогда.

– Да, но причесаться все равно нужно! Ключ она достала, но уже наверняка думала – а зачем? И это феино заклинание ей подсказывало – надо его бросить в колодец. Но прабабушка же понимала, что так нельзя делать, ей не для того ключ доверили! И никак не могла решить, как быть, потому и задержалась так сильно! – От избытка чувств Ири взбрыкнула ногами. – А потом она загляделась в зеркало, и…

– И оставила ключ на столике, – закончила я. – Не выполнила приказ феи, потому и умерла… Но, видно, и зеркало не всесильно – бабушка же так и не вспомнила о ключе!

– А может, если вспомнила бы, так разыскала и все-таки выбросила в воду, – резонно ответила Ири, – и не умерла бы. А

так ему, считай, ничего не угрожало, и фее он не достался. Но прабабушку все равно ужасно жалко… попадись мне эта фея, ух бы я ей!..

– Да что ты ей сделаешь, глупенькая? – невольно улыбнулась я. – От нее настоящие алийские волшебники удирали, если поспевали ноги в руки взять, а ты-то…

– Ну так и подумаешь! – недовольно фыркнула она. – Вообще-то, всяких этих фей и прочих чудовищ всегда побеждают не силой, а хитростью! Вот только не говори, что я даже тебя обхитрить не могу, куда уж мне с феей тягаться…

– Меня-то ты как раз обмануть можешь, но ты меня знаешь как облупленную, – вздохнула я и добавила решительно: – Давай-ка вставать и одеваться. А то Ирранкэ вернется, а мы неумытые-нечесаные, как неряхи распоследние!

– Ну, он еще не вот прямо сейчас вернется, – снова прислушалась Ири, но все-таки выбралась из-под одеяла. – Он с кем-то разговаривает, вроде с купцом… помнишь, толстый такой, а голос писклявый? А еще… еще кто-то едет сюда. Лошадей гонят изо всех сил…

– Кому бы понадобилось в путь по такой-то погоде? – Я подошла к оконцу и попыталась выглянуть наружу.

Ничего не было видно, но раз снегопад унялся и выглянуло солнце, то мороз должен стоять сильный… Волей-неволей порадуешься, что не нужно собираться в дорогу!

– Прискачут – узнаем, – ответила Ири, переплетая косу. Она уже успела умыться и порозовела от холодной воды.

– Не приведи Создатель, это за Ирранкэ…

– Мам, думаешь, феи на обычных лошадях скачут, что ли? Сама же сказала: даже у него кони волшебные, а у тех-то, наверно, вообще какие-нибудь чудища! И зачем ей верхом ехать, если она может под землей просочиться? Да еще средь бела дня?

– Зима ведь на дворе, не всюду она может попасть. – Я встряхнула головой. – И откуда нам знать, кто у нее в услужении, какие твари? У Ирранкэ кони и днем не растворялись, забыла?

Она только вздохнула и принялась застилать постели, пока я приводила себя в порядок. Закончили мы очень вовремя – в замке провернулся ключ, и на пороге появился Ирранкэ.

Видно, он верно оценил выражение моего лица, потому что сказал негромко:

– Я ушел, когда вы спали, а в доме полным-полно мужчин. Второй ключ вон он, над дверью висит. Других нет, я этот-то еле из хозяина вытряс…

– Ничего, – вздохнула я, – просто с некоторых пор я слышать не могу о ключах!

– Прекрасно тебя понимаю. – Ирранкэ бросил свернутый плащ на спинку кровати. – Выспались?

– Еще как! – тут же вставила Ири. – И проголодались… немножко.

– И я, – улыбнулся он. – Пойдем, в самом деле, перекусим, а то время к обеду, а мы еще не завтракали…

Глава 14

В общем зале на нас косились, но помалкивали: платил заезжий алий щедро, вчерашние водоносы тоже внакладе не остались, и об этом уже все знали. Ну а что до нас с Ири… Какое нам дело, о чем будут болтать возчики да торговцы? Лишь бы руки не тянули, а протянут – по ним и получат: от меня чем-нибудь тяжелым, вон хоть табуретом или чугунком, а то и от Ирранкэ – у него кинжал на поясе не для красоты привешен. Конечно, против толпы я ничего не поделаю, но вот желающие связываться с алием вряд ли найдутся!

Это нам с Ири еще повезло, что на этом постоялом дворе публика собралась в целом приличная, и то не раз и не два меня хватали за зад или зажимали в углу, приглашая поразвлечься! Ну да рука у меня тяжелая… Оно конечно, когда столько мужчин вынужденно сидят сиднем взаперти, ссор не избежать, а женщина рядом – лучший для этого повод! Тут имелись служанки, не чуравшиеся мужской ласки, но все рано или поздно приедается… А за нас, странниц без рода-племени, хозяин вряд ли бы вступился, случись что… До сих пор обходилось, но мы все равно старались не высовываться. И кто знает, как повернулось бы дело, проживи мы тут еще недельку?

Ири тем временем накинулась на еду, как ее приятели – молодые волчата. Ну да немудрено, в ее возрасте и я могла слопать взрослую порцию и попросить добавки!

– Приехал кто-то, – поднял голову Ирранкэ, да я и сама уже слышала шум во дворе.

– Мама… – дернула меня за рукав Ири, когда грохнула входная дверь, и в зал ввалился человек в богатой одежде. Но это бы ладно, кого сюда только не заносило… Он носил цвета герцогского дома, и я поспешила отвернуться: вспомнит меня, чего доброго, объясняйся потом!

Впрочем, гонцу – а это именно гонец, поняла я, присмотревшись, – было не до какой-то беглой служанки. Выглядел он – краше в гроб кладут, лицо явно обморожено, да и спать по-человечески ему, похоже, давно не доводилось!

– Хозяин, есть кони на смену? – выговорил он, отдышавшись в тепле. На улице и впрямь приморозило: усы и даже ресницы гонца обындевели.

– Нету, господин, всех разобрали еще до метели, по домам старались поспеть, – развел тот руками. Врал, как дышал, я-то знала. – Только если кто из постояльцев своих продаст или на ваших сменяет…

– Да они еле ноги переставляют, – сообщил всем желающим конюшенный мальчишка, забежавший следом. – Загнанные, их если менять, так с приплатой!

– Молчи, щенок! – рявкнул на него гонец и поднял было руку, но сорванец успел юркнуть под стол к дюжим возчикам, откуда и показал язык. – Не поскуплюсь, слышите?

Он звякнул увесистым кошельком, и возчики засовещались.

– Мы б продали, господин, так у нас кони не быстрые, – сказал один из них, – тяжеловозы. Сильные, и по глубокому снегу пройдут со всем грузом, да только шагом, никак не вскачь.

– И у нас обозные такие же, – степенно кивнул купец, тот самый, тонкоголосый, погладив жидкую бородку. – Разве что мои упряжные, но и те не бегуны, выносливые да надежные, я за скоростью не гонюсь. И еще посмотреть нужно, на что меняю, а то как бы в дураках не остаться!

– Вы уж обождите, господин, вот, погрейтесь с дороги, закусите, – хозяин подсунул гостю кружку с горячим вином и тарелку со снедью, как недавно Ирранкэ, – сейчас ваших лошадок обиходят. Отдохнут они, покормятся, глядишь, завтра на них же дальше и поедете. Оно, конечно, буря улеглась, да только путь не торный, дорогу-то замело… Обождите маленько, сперва обозы пройдут, у них и впрямь зверюги – куда там волам! Дом мой со всем подворьем свезут – не заметят!

– Некогда мне ждать… – выдохнул гонец, опростав кружку единым махом. – Где там мой возница запропастился?

– Так вы ж ему сами велели проследить, чтоб лошадьми занялся, будто тутошний конюх никогда таких заморенных не видал, – отозвался мальчишка из-под стола. – Знамо дело, вываживает.

– Поди позови его сюда. А сам конюху пособи!

Хитрый малец, ясное дело, не стал объяснять, что помощников у конюха и так хоть отбавляй, подхватил мелкую монетку, натянул шапку на уши да выскочил на улицу, только дверь хлопнула.

– А что случилось-то, уважаемый? – осторожно спросил хозяин, пододвигая гонцу миску с горячим густым супом и наполняя кружку доверху. – Никак, война?

О чем еще он мог подумать? Если по голодной зиме волки лютуют, с этим охотники справятся, ради такого герцог гонца не снарядит, а тот не станет лошадей загонять. Был бы неурожай,

грози кому голод – об этом узнали бы еще по осени. Пожар разве что? Но погорельцев обычно разбирают по соседним деревням, кто-то в нижнем городе может устроиться, а кто и в лесу, в охотничьих зимовьях – народ ко всякому привычный. И опять же, ради такого герцог гонца не отправит… к кому, кстати?

– Война? Война?.. С кем бы вдруг? – эхом пронеслось по залу, и многие начали коситься на Ирранкэ.

С алиями наше герцогство никогда не воевало, но все равно их не жаловали, не люди ведь, поди пойми, чего от них ожидать!

– Нет, не война, – ответил гонец, и я услышала вздох облегчения. И то: от такого добра не жди, налоги поднимут, отберут лишку для армии, а где ее взять, ту лишку? – Замок… Нет его больше.

Я невольно прикрыла рот рукой, чтобы не ахнуть. Ири вытаращила глаза, а Ирранкэ насторожился.

– Как так? – Хозяин чуть не выронил все, что держал в руках. – А… а как же его светлость?!

– Его светлости с семейством несказанно повезло, – устало сказал гонец, – они отправились почтить память вдовствующей герцогини и задержались на обратном пути.

Верно, подсчитала я, усопшего полагается поминать через шесть дней после кончины, а потом еще через шесть недель, полгода, год, а дальше уже раз в шесть лет – непременно, а остальное – на усмотрение родных и близких. На поминки нужно раздавать угощение и подарки нуждающимся, и если простой люд обычно обходится какими-нибудь пирожками и сластями, то герцог не может себе такого позволить. Значит, он со всем семейством выехал в поместье матери, а может, и в ближайших деревнях побывал, одаривая всех встречных, чтобы те вспоминали покойную добрым словом…

Дверь снова хлопнула – это, пошатываясь, вошел совсем заледеневший возница, и хозяин не глядя сунул ему дымящуюся кружку и миску.

– Его светлость с чадами и домочадцами сейчас в поместье покойной вдовствующей герцогини, – глухо проговорил гонец, явно стараясь не заснуть, – а первые дни ему пришлось переждать в деревне. Но в поместье почти нет припасов, а то, что было в кладовых замка, провалилось сквозь землю вместе со всею казной…

– Ну все, теперь точно налоги подымут, – тяжело вздохнул один из обозных. – А как это замок провалился? Он же на пригорке стоял! Мы сколь раз ругались: дорога узкая, извилистая, попробуй удержи возы, если после дождя глина так и скользит!

– Так и провалился, с пригорком вместе… – ответил гонец и

жестом попросил больше ему не наливать. – Ничего не осталось.

– Замок как корова языком слизала, часть людей хоть разбежаться успели, но жить им негде, – сказал чуточку оттаявший возница и стянул шапку. Блеснула лысина, и я признала старого Френа, я его с детства знала. Ох, лишь бы он меня не увидел! – Разбрелись по окрестным деревням, но кто столько нахлебников с малыми детьми прокормит? Скотину, птичники оставили… Что там, и стариков бросали, я слышал. Выскочили в чем были, повезло тем, кто успел хоть теплые вещи да припасы какие-никакие схватить. А сколько по дороге померзло, никто не знает… По весне, может, посчитают, если все под воду не уйдет…

– Какую воду? – удивился еще один торговец, довольно молодой, худощавый, в щегольской меховой одежде. Он как-то пытался убедить меня заглянуть в его комнату на ночь, но не преуспел и утешился с крепкой молодой судомойкой. – Откуда она взялась?

– Неведомо, – буркнул Френ. – Поговаривают, вода камень точила-точила, много лет напролет, уйму ходов под замком прорыла, ну и в потайные тоннели натекла. А сами знаете, что бывает, если горшок с водой на морозе оставить…

– Лопнет! – выкрикнул тот самый мальчишка, успевший незаметно вернуться и снова устроившийся под столом у возчиков.

– Вот и холм лопнул, как морозы настали. И внутрь себя провалился. – Френ опрокинул кружку, но оттуда ничего не вытекло, и он протянул ее хозяину. – А за ним все остальное рушиться начало…

– Сравнил горшок и подземные воды! – воскликнул торговец, даже привстав от негодования. – Когда бы они еще промерзли: ведь в замковом колодце даже в самые холода вода в лед не обращается! И куда сам замок провалился? Такое бывает в западных краях, но и то вода должна вымыть огромную подземную полость, чтобы в нее могла хотя бы хижина поместиться!

– Так ученые сказали, – обронил гонец. – А наше дело маленькое.

– Но говорят, ничего там не замерзло, – добавил Френ опустошив вторую кружку. – Кто жив остался и видел, как замок рушился, наперебой твердят – фонтан на его месте бил, огромный, до самого неба, замерзал на холоде, а лед раскалывался и вниз сыпался… Вот этими глыбами все и снесло, потом ниже поползло, как в горах бывает, и уж скольких задавило да засыпало, представить страх берет… До весны их и не

найдешь, какое там!

– Туда даже не подойти, – сказал гонец и потер покрасневшие глаза. – Все во льду, только кое-где крыши виднеются. И какой-то охотник с дерева сумел рассмотреть – на месте замка огромный провал, тоже заледеневший. По весне, как это все оттает, весь холм оползет…

Я взглянула на Ирранкэ. У него было очень усталое и очень холодное лицо.

– А куда ж вы так коней гоните? – спросил хозяин, переварив новости.

– Так к соседям, – ответил Френ. – Помощи просить. Потому как его светлость теперь, считай, голый и босый, спасибо, что живой!

– Замолчи! – приказал гонец, но тут же покачал головой: – А хотя что молчать? Что верно, то верно. Люди… что люди? Они привычные – до весны дотянут, этот год урожайным был… там видно будет. Кто в другие края подастся, кто заново строиться начнет, не все же с пустыми руками из домов повыскакивали! А вот его светлость с прочими…

– Ага, им голую кость и сухарь плесневелый в зубы не сунешь! – дерзко сказал мальчишка, но на этот раз на него не рассердились.

– Именно что. Кое-кто к родне отправится, а его светлость – к тестю с тещей, больше некуда. Но приютить дочь с детьми и мужем они всяко приютят, а вот согласятся ли деньгами помочь…

– Да плюнут они, – буркнул еще один возчик. – Не их земли, не их люди, какое им дело, кто там от холода и голода подохнет? Хороших мастеровых да мужиков помоложе, может, приберут, самим работники пригодятся, а семьи с малыми детишками на что? Обуза одна!

– Наше дело маленькое, – повторил гонец. – Велено доложить как можно скорее, вот и… Что там наши лошади?

– Идут – спотыкаются, стоят – качаются, – ответил мальчишка. – До лесочка ваши санки протащат и помрут, дураку ясно!

– Что, неужто ни у кого не найдется хотя бы одной лошади? – Тот обвел взглядом собравшихся. – Мне приказано платить любую цену…

– Сказано же, тяжеловозы у нас, как раз к весне дотрюхаешь к соседям, – был ответ.

– А верховые?

– Далеко ль ты, мил человек, верхом по такому снегу уедешь? – жалостливо спросил толстый купец. – Найдут тебя по весне, и то если волки косточки не растащат.

Он огляделся в поисках поддержки, а Ирранкэ вдруг сказал негромко:

– Вижу, уважаемый, дело у тебя и впрямь срочное, а я вот никуда не тороплюсь. Думается мне, твоя пара если и не быстрее моей, то всяко не хуже, в герцогских конюшнях даже разъездные кони должны быть неплохи.

– Хорошая пара, господин, ручаюсь! – выпалил Френ, чуть не подавившись. – Им бы только отдохнуть маленько, птицами помчатся!

– Что ж, я взгляну на них, а вы на моих, – кивнул Ирранкэ гонцу. – Если сойдемся в цене… Можете и мои сани взять. Я, повторяю, никуда не спешу, а деньги мне понадобятся, когда я выберусь из этого захолустья!

– Это было бы честью для меня, ваше великолепие, – осторожно ответил тот, мгновенно протрезвев. Да уж, попробуй, откажи алию!

– Тогда идем, – сказал Ирранкэ и поднялся из-за стола, а Ири подхватилась было следом, но я успела поймать ее за руку и указала наверх, мол, хоть шали принеси! Мне тоже было интересно, но выскакивать на мороз в одном платье я вовсе не желала.

Когда она прибежала с нашей одеждой, все уже вышли наружу, и хорошо, можно было наблюдать, стоя на крыльце.

На дневном свету кони Ирранкэ выглядели и вовсе сказочно, да только я не рискнула бы подойти к ним: свирепые жеребцы грызли удила и рыли снег копытами.

– Застоялись, – хладнокровно сказал он. – На ваших уже взглянул. Скверно выглядят, я за них и полцены не дам.

– Вот все, что у меня есть, – пробормотал гонец, глядя на серую в яблоках пару как зачарованный. Ими и впрямь можно было залюбоваться, так серебрились конские спины, развевались гривы… Казалось, с них летит невесомый искристый снег.

– Не так уж много. – Ирранкэ взвесил на ладони кошелек. – Даже если присчитать твоих доходяг… Ладно. Если герцог выживет, я выставлю ему счет. Ты ведь подпишешь грамоту? Кто тут еще умеет писать и читать? Свидетели нужны.

– Мы, – сказал толстый купец, глянув на худощавого. – То есть умеем.

– Подпишем, – сглотнул тот.

– Вот и славно, – кивнул Ирранкэ. – Идем, составим расписку. Время не ждет, верно я понимаю?

И четверти часа не прошло, как гонец с Френом на облучке исчезли в искрящейся снежной дали: жеребцы Ирранкэ взяли с места в карьер, знай, вожжи держи да правь, если удержишь…

– Ты нарочно это сделал? – негромко спросила я, когда он поднялся в нашу комнатку. – В смысле, коней продал?

– Конечно, – ответил он и рухнул поперек кровати, потянувшись всем телом. – Слишком приметные.

– А с гонцом что будет? И с Френом?

– Ничего не будет. – Он вдруг посерьезнел и рывком сел. – Я своих коней не отдал просто так, без условия, их не украли, я их честно продал, значит, они будут служить новому владельцу, а как долго… не знаю. До места точно довезут. В самом худшем случае – потеряют прыть.

– А сам дальше как?

– Видно будет… Вот только не могу взаперти сидеть, с ума от этого схожу! Пойти дров наколоть, что ли?

– Если алий за такое возьмется, все решат, будто он рехнулся! Или что им мерещится, – весело ответила Ири. – Лучше коней проведать, тут хоть понятно: без них куда деваться? Но я уже сбегала посмотреть – они ничего себе, только усталые очень. Пару денечков отдохнут, а потом и снова побегут.

– И я так решил, – улыбнулся Ирранкэ, не открывая глаз.

– А с замком-то что приключилось? – тихо спросила Ири и поежилась, представила, должно быть, как рушился наш родной дом.

– Неужто не понятно? – так же тихо ответил Ирранкэ. – Фея добралась до места. Зимой это не так-то просто сделать, даже под землей, бывает, ручьи и реки промерзают, но она сумела пробиться…

– Столько людей погибло из-за этой вот игрушки! – Я невольно сжала в руке ключ.

– Да. И вы бы погибли: я ведь сказал, у подданных Зимней королевы странное чувство юмора, – без тени улыбки сказал он. – Я купил волшебных коней, способных без устали нести меня хоть на край света. Вот только расплатился я собственной жизнью.

Я вздрогнула.

– Вот почему ты…

– Постарел, – закончил Ирранкэ. – Не страшно, еще полвека я уж точно протяну, мы живучие. Вот только я уже далеко не так выносливый, как прежде, и даже если кони могли мчаться днем и ночью, я этой скачки уже не выдерживал.

– Ты сказал, что даже алии не могут не спать неделями, – вспомнила Ири.

– Именно. Я вынужден был остановиться хотя бы на одну ночь, пусть даже в чистом поле, но тут подвернулся этот постоялый двор. – Он встряхнул головой. – А теперь стало ясно: если бы вы остались в замке, я все равно бы не успел…

– Так может, королевский конюший вовсе не пошутил над тобой с этими конями, а помог? – серьезно спросила Ири. – Что было проку спешить в замок, если тебе вовсе не туда было нужно?

Ирранкэ взглянул на нее… и замер.

– Ты права, – сказал он после паузы. – Королева Зимы… выполняет желания буквально, не важно, саму ее просить о милости или ее подданных. Я сказал, что должен спасти Марион и драгоценность, которую она хранит, и стало по-моему. Вы ушли из замка и поселились на этом постоялом дворе, а я встретил вас здесь… И это не простое совпадение, не бывает такого!

– А драгоценность – это я или ключ? – с интересом спросила Ири, и ее отец негромко засмеялся.

– Должно быть, именно ты, звездочка! Уж наверно, если бы пришлось выбирать между тобой и ключом, Марион не стала бы колебаться.

– Не стала бы, – подтвердила я, положив руку на плечо дочери. – Ири – единственная моя драгоценность. А ключ этот… да подавились бы им и алии, и феи, и… кто угодно!..

– Ну зачем ты так, мам? – укоризненно произнесла Ири. – Если уж надо мир спасать, то куда денешься? А то так вот получит фея ключ – и мы все-все умрем, и тогда какой толк в том, что ты одну меня защищала?

– Вот мне только не хватало мир спасать, – с досадой сказала я. – Я что, сказочная воительница или волшебница?

– В самом деле, для таких опасных предприятий есть мужчины, – добавил Ирранкэ без тени улыбки. – Правда, и они не всегда справляются.

– Тогда придется немножечко помочь, – пожала плечами Ири и забралась на кровать рядом с ним. – А ты будешь дальше рассказывать? Или показывать?

– Конечно, – кивнул он. – Не страшно вчера было?

– Ни капельки!

Судя по выражению лица Ири, она была в полном восторге: как же, и зеркало-то у нас необыкновенное, и отец ее оказался мало того что алием, так еще и почти волшебником, вдобавок знатным! Если я верно запомнила, Ирранкэ был внуком князя, пусть и не наследником…

Вот ведь судьба: и бабушку мою свела с мужчиной голубых кровей, и маму, и меня… Я легко могла бы поверить в какое-нибудь родовое проклятие, если бы мама была бабушкиной дочерью, а не снохой. Хотя, может, дело вовсе не в женщинах, а в самой герцогской крови? Да что толку гадать!

Ирранкэ тем временем встал и проверил замок. Что никто не подслушивает, он и так мог определить, я не сомневалась –

исключительной остроты слух Ири достался именно от него, и она тут же заметила бы шпиона, – но он все равно по нескольку раз проверял, надежно ли заперта дверь. Думаю, будь его воля, он и засов бы заложил, но увы – чего не было, того не было, только крючок, но такой хлипкий, что его и я сорвать могла, если бы навалилась плечом как следует.

– Ну что ж… – сказал он. – Пока внизу придумывают байки одна другой страшнее, я покажу вам место, где прожил много лет. Сколько – не скажу наверняка, время там идет как-то странно, то быстро, то медленно…

– Прямо как в нашем зеркале, – вставила Ири и любовно погладила его оправу: она держала бабушкино наследство на коленях и полировала стекло ветошью.

– Да, оно и впрямь необычное, – серьезно ответил Ирранкэ, – не удивлюсь, если в нашем замке я видел зеркала, вышедшие из-под руки того же мастера! Оправа – та определенно людской работы, а такое стекло, я уже говорил, изготавливали давным-давно, и секрет этот считается утерянным.

– Ну так что ж, мало ли кому в руки могла попасть такая вещь, – сказала я, – и кто именно подарил его дочке герцога? Подношение дорогое, быть может, даритель так завоевывал ее расположение, а то и наводил мосты к самому герцогу по какой-то деловой надобности… Теперь-то уж какая разница?

– Ты права. – Ирранкэ взял зеркало у дочери и умостил его на табурете, как вчера. В комнате царил полумрак: свечей мы не зажигали, слишком рано. Не вышиванием же мы собирались заниматься и не книжки читать, а пока на ровном месте не спотыкаешься, можно и обойтись. – Итак, фея впустила меня в свою обитель…

– А как ее звали? – тут же спросила Ири.

– Я величал ее Владычицей вод, она не возражала. А настоящего имени она не назвала.

– Ну конечно, через настоящее имя человека заколдовать можно! – хлопнула Ири себя по лбу. – У знатных людей никогда его не говорят просто так!

– А ты свое назвал, кстати, – заметила я.

– Так это ведь не родовое имя, – улыбнулся Ирранкэ, – а общеупотребимое. Прозвище, если хотите. У вас ведь тоже детей часто зовут Рыжиком или Ягодкой, особенно в глуши… Что вы смеетесь? Собственными ушами слышал, как здоровенного лесоруба старая матушка так окликала!

– Да я просто вспомнила, что у бабушкиной соседки младший сын – Одуванчик, – пояснила Ири. – Потому что у него волосы совсем светлые и легкие, прямо как пух! Но имя у него другое,

точно, он говорил… А меня мама звездочкой называет, и другие часто тоже…

– Ну вот, у нас то же самое. И ты права, у ваших господ есть настоящие имена, только вы их никогда не слышали… Довольно об этом. – Он посерьезнел. – Ну что? Начнем?

Я кивнула и села рядом, Ири придвинулась поближе – глаза ее горели от любопытства.

– Ничего не бойтесь, – напомнил Ирранкэ перед тем, как мы окунулись в зеркальный омут. – Это всего лишь мои воспоминания…

Глава 15

Мы вновь очутились на берегу озера, только сейчас здесь, похоже, царило лето: стрекотали кузнечики, висели над водой стрекозы, то и дело срываясь за добычей. Невиданные яркие бабочки, с мужскую ладонь размером, если не больше, порхали над душистым разнотравьем, и порой не понять было: цветок это оторвался от стебля и взмыл ввысь или же громадная пурпурная бабочка взлетела со скромной ромашки…

– Здесь так красиво, – негромко произнес Ирранкэ, – и спокойно. Но почему настолько пустынно? В лесу мирно пасутся олени, птицы живут свободно и привольно, на лугу я замечал диких лошадей… И ни единого человека, только ты да я!

– А разве мы люди? – спросила фея.

Веретено ее по-прежнему вращалось без остановки, а кудель, казалось, не иссякала. Откуда она бралась? Может, подумала я, вспомнив слова Ири, здесь фея все тянет и тянет тонкую нить, а там, в водном отражении, та снова превращается в непряденую шерсть? И сколько это может длиться?

– Зачем ты придираешься к словам? Если я скажу «ни единого двуногого», ты засмеешься и укажешь на птиц? А если добавлю «лишенного перьев» – прикажешь своим невидимым слугам доставить ощипанного гуся?

– Ты слишком настойчив, – ответила она, помолчав. – Ты провел здесь совсем мало времени, но уже утомляешь меня своими вопросами.

– Думаю, ты просто разучилась разговаривать с… если я скажу «себе подобными», это не слишком тебя оскорбит? Мы ведь оба не люди, не так ли? – усмехнулся Ирранкэ.

– А еще ты дерзок.

– Вовсе нет. Просто я предпочитаю называть вещи своими именами. К чему тратить время на пустые разговоры, если можно провести его как-то иначе?

– О чем ты? – Фея подняла голову, но так и не взглянула на собеседника, она смотрела только на его отражение.

– О том, что мне хотелось бы взглянуть, что за земли скрываются вон за теми холмами, – Ирранкэ указал вдаль, – да не в этом озере, в отражении, которого нельзя коснуться, а своими глазами. И вместо того, чтобы часами напролет оттачивать на мне искусство красноречия, ты могла бы составить мне компанию. Если у тебя есть невидимые слуги, неужто они не смогут доставить нас туда? Или привести коней?

– За теми холмами ничего нет, – был ответ.

– Как так?

– Очень просто. Существует только то, что ты видишь. – Она повела рукой с веретеном. – Эта долина. Лес и луга, озеро и водопад. Мой дворец, самоцветные пещеры и подземные реки. За пределами этой долины нет ничего.

Воцарилась тишина, которую нарушали лишь птичий щебет, плеск воды да жужжание пчел, трудившихся на куртинке розового клевера (мне показалось, я чувствую его аромат).

– Это – мои чертоги, – произнесла Владычица вод. – Внутри возможно многое. Я даже могу превратить это озеро в бурный океан, пускай и ненадолго. Однако за чертой…

Она снова взялась за пряжу.

– За нею – обычный мир, верно я понимаю? – спросил Ирранкэ.

– Да. И если ты пришел сюда в надежде увидеть чертоги фей – иди и смотри. Я ведь сказала – ты волен входить куда угодно, кроме моих личных покоев. Во всяком случае, до тех пор, пока я сама тебя не впущу, – добавила она.

– О таком я не смею и мечтать, госпожа, – учтиво сказал он, убрав за ухо прядь волос. Шрам на щеке, я заметила, выглядел

так, будто с момента ранения прошло не меньше года. В прошлый раз он был совсем свежим. – Однако, прошу, развей мое недоумение!

– О чем ты?

– Во всех легендах о бескрайних землях, которыми владеют подобные тебе, сказано, – произнес Ирранкэ, и голос его вдруг изменился, сделался глубоким и певучим, его хотелось слушать вечно, – о бесконечных анфиладах залов, где пируют и веселятся хозяева и гости, и случайные путники, о дивной музыке, которая льется сама собой, и великолепных балах, о пышных кавалькадах, прекрасных конях, не знающих устали, таких, на которых неделями можно загонять волшебного оленя с золотыми рогами, и охотничьих псах с горящими глазами, чьи зубы острее кинжала… Неужели это просто выдумки? Но ведь ты, госпожа, реальна, выходит, сказители просто приукрасили действительность?

– Нет, – ответила фея, помолчав. Казалось, она тоже заслушалась: веретено замедлило свой нескончаемый бег. – Все, о чем ты говоришь, правда.

– Но тогда… – Ирранкэ выразительно обвел рукой чашу долины, – в чем же дело? Вот это – все, что я могу увидеть?

– Я ведь сказала тебе – это мои чертоги, мои! – Владычица вод вскочила на ноги, чуть не выронив прялку. – Только мои, здесь нет больше никого и ничего! Никого…

Она закрыла лицо руками, и веретено упало в траву.

Ирранкэ, поднявшись следом, осторожно коснулся ее плеча.

– Чем я обидел тебя, госпожа, открой мне?

– О, ты вовсе не обидел меня, – фея издала то ли смешок, то ли сдавленный всхлип, – просто… напомнил.

– Об одиночестве? – негромко спросил Ирранкэ, и она, помедлив, кивнула.

«А он жестокий», – невольно подумала я. Впрочем, об алиях всегда говорили, что им чуждо человеческое сострадание, а уж о милосердии они имеют крайне смутное представление.

– Расскажи мне, госпожа, – попросил он. – Как вышло, что ты осталась одна? Ты же знаешь – я в твоей власти. Я не смогу выйти отсюда и поведать твою тайну кому бы то ни было помимо твоей воли. Так чего ты опасаешься?

– В самом деле, что скрывать? – негромко произнесла она. – Подай мое веретено…

– Прошу, госпожа. – Ирранкэ подхватил его с земли и вложил ей в руку. – И на этот вопрос ответь тоже: почему ты всегда прядешь? Кажется, я ни разу не видел тебя без рукоделия?

– Это часть моего проклятия, – был ответ.

– Но разве фею возможно проклясть?

– А кто сказал тебе, что я фея? Ты вычитал это в ваших легендах? – Владычица вод негромко рассмеялась и снова принялась сучить тонкую нить. – Нет, алий, это не так. Во мне всего лишь половина этой крови, да и та была не слишком чиста, как говорили.

Она помолчала, потом продолжила:

– Ваши сказки не лгут: владения моего народа обширны, прекрасны и изобильны, но лишь тогда, когда принадлежат чистокровной фее. Тогда вся родня, все придворные и слуги могут жить так, как им заблагорассудится, плясать от зари до зари и охотиться хоть на оленей с золотыми рогами, хоть на облачных драконов…

– Значит… – Ирранкэ сделал паузу, – твоих сил хватает на создание лишь этого вот мирного уголка?

Она кивнула:

– Мне не нужно большего.

– А твоя пряжа…

– Проклятие.

– Но как так вышло? Кто это сделал? Расскажи, если это не тайна!

– Не тайна… – ответила она и, снова прервавшись, подняла руку. Я невольно ахнула – пальцы были стерты до крови, и пряжа выходила из-под них окрашенной багрянцем. Как я сразу этого не заметила? – Я прокляла себя сама. Это – вечное мое напоминание о том, что я сотворила со своим народом. Нить тянется и тянется, и так будет до скончания веков…

– Я ничего не понял, госпожа. – Ирранкэ подсел ближе, но она по-прежнему отворачивалась так, что видно было лишь ухо (странное, будто бы вовсе без мочки) да висок. – Объясни, молю!

В голосе его звучал охотничий азарт, и я окончательно осознала: он не видел в этой женщине человека… или алия, себе подобного, одним словом. Для Ирранкэ это была добыча, опасная, но от того еще более желанная, как матерый волк или кабан для охотника…

– Вы похожи, – проговорила Владычица вод после долгой паузы. – Так похожи, что я приняла бы тебя за него, если бы не знала, что времени прошло уже слишком много, а даже алии не бессмертны, в отличие от меня.

– Она говорит о том волшебнике, который украл ключ? – расслышала я шепот Ири.

– Именно, – едва слышно ответил Ирранкэ. – Смотри…

Женщина в его воспоминании коснулась окровавленными пальцами зеркала вод, и в нем отразился второй Ирранкэ. Нет, не

он, поняла я, присмотревшись: примерно того же возраста (хотя по алиям сложно понять, двадцать им лет или двести), но у него не было шрама на лице, длинные светлые волосы он собирал в замысловатый узел на затылке, да и одежды такой я никогда не видала. Разве что в замке, на портретах герцогских предков попадались похожие длиннополые камзолы, доспехи и плащи… А главное, заметила я, глаза у этого алия были иными, нежели у Ирранкэ: они ничем не напоминали изменчивую воду, озерную или морскую, – незнакомый алий смотрел словно сквозь бойницы, из черной глубины колодца… в котором, по уверению Ири, днем видны звезды.

И, похоже, Владычица вод рассмотрела эти звезды, потому что теперь перед нами проносился калейдоскоп огней – бал в чертогах фей, где было не протолкнуться от танцующих, а следом – яркие краски цветущих садов, бескрайние пустыни лимонного, рыжего, алого и даже черного цвета, ослепительно-белые пески океанского пляжа и светящиеся волны (я откуда-то знала, что это именно океан, хотя никогда не бывала на побережье), горы и реки, леса и равнины, бесконечное звездное небо и всполохи северного сияния… Мы видели целые вселенные в каплях воды на сорной траве, неведомые письмена на крыльях бабочек; парили в небесах легендарные драконы и громадные птицы, а в океанских глубинах резвились сладкоголосые русалки – они пели вместе с китами, и эти звуки заставляли моряков направлять корабли на рифы в поисках неведомых чудес…

– Вот это я бросила к его ногам, – негромко произнесла Владычица, и снова коснулась воды. Видение пошло рябью и исчезло. – Показала все миры, о каких только слышала, память о которых передали мне предки. Все их тайные уголки, всю давно исчезнувшую красоту… Но и этого ему было мало, а еще он вскоре заскучал, и тогда я выдала ему наш секрет.

– О чем ты? – нахмурился Ирранкэ.

– Теперь это не имеет значения.

– Но ты оставила историю неоконченной. Мы, смертные, любопытны, а неудовлетворенное любопытство – страшная пытка! – серьезно сказал он.

– Тогда я помучаю тебя еще, – был ответ, и все померкло.

Оказалось, мы уже не на берегу озера, а в комнате, а на дворе уже совсем стемнело.

– Она водила меня за нос год, а может быть, и два, – произнес Ирранкэ. Его ладонь в моей руке снова была холоднее льда. – Не знаю точно, я уже говорил, что время там идет странно…

– Здесь тоже, – ответила я и принялась растирать его пальцы.

– Перестань, бесполезно, – сказал он, высвободив руку. – Этот

холод – изнутри.

– Неправда, сперва ты не был таким холодным, – подала голос Ири, – а вот после того, как показал нам все это… У меня чуть ли не лед под ногтями!

– А зачем ты так в меня вцепилась? – хмыкнул Ирранкэ. – От страха?

– Я ничего не боюсь! – вздернула она нос. – И тем более дурацкой феи, которая и не фея вовсе! Я просто от волнения, вот… Правда же, мам? Когда я переживаю, я или губы кусаю, или ногти, или волосы кручу, ты всегда ругаешься…

«Губы обветренные – она кусает их, когда задумается, дурная привычка», – вспомнила я и встретилась взглядом с Ирранкэ. Его изменчивые глаза были сейчас темными и пустыми, как у алия из воспоминаний.

– И что было дальше? – спросила я. – Больше показывать не станешь?

– Нет, сегодня уже не смогу, – покачал он головой. – Это выматывает, а я не хочу свалиться без сил. Мало ли что…

– Я принесу поесть сюда! – вскочила Ири. – Внизу ужинают, я слышу!

– Я сама принесу, – остановила я.

– По-вашему, мне ноги отказали? – сощурился Ирранкэ. – Идем. И еще я хочу чан горячей воды. У клятой феи имелись горячие источники, и я к ним привык.

– То-то от тебя чем-то горелым несло, – невольно сказала я.

– Точно, я слыхала, вода в таких источниках ужасно вонючая, – радостно добавила Ири. – И как это в них купаются?

– Зажав нос, – ответил Ирранкэ и улыбнулся. – У фей вода ничем не пахнет, звездочка. Во всяком случае, ты этого не чувствуешь. Но окружающие, видимо, ощущают шлейф аромата…

– Я скажу, чтобы согрели воду, – сказала я и отправилась на кухню.

Конечно же, Дени разворчался: и очаг он уже потушил, и за водой идти на ночь глядя не хочется, и вот взбрела же господину такая блажь! Правда, он живо унялся, увидев деньги, подхватил ведра да и отправился по воду. Не мне же идти… тем более, Ирранкэ запретил подходить к колодцу.

Время шло, а Дени все не было. Уже и Ири забежала на кухню спросить, скоро ли я управлюсь, а то очень есть хочется… Я решила, что кухарь заболтался с конюхом, а то и зашел к нему выпить, вот и не торопится, и пошла с нею.

Мы уже прикончили свои порции, а Дени все не было и не было. Он не входил через черный ход, в общем зале не появлялся… И куда он мог запропаститься по такой погоде?

Неужто впрямь решил пропустить стаканчик-другой, да и увлекся? Идти проверять не хотелось, из тепла-то на мороз…

– Сегодня мы точно ничего не дождемся, – пробормотал Ирранкэ. – Идем. Уж не окоченеем.

И в самом деле, замерзнуть нам не грозило: Ири, прихватив отцовский плащ, скрылась в маленькой комнатке, громко крикнув: «Я сплю!», а мне выпало снова отогревать Ирранкэ. Нет, сегодня было как-то не до ласк, но порой и тепла тела достаточно, чтобы удержать близкого…

«Близкого? А что я вообще знаю о нем? – пришло мне в голову. – Ровным счетом ничего, только то, что рассказывал он сам, а если он способен заморочить голову даже фее, то обо мне и говорить нечего – слушаю его, разинув рот. Но ведь Ири ему доверяет, а ее чутью любой позавидует!»

– Не спишь? – вдруг негромко спросил Ирранкэ.

– Нет. Днем выспалась, а теперь всякие мысли в голову лезут.

– Вот и мне тоже. Никак не могу решить, что делать дальше.

– А как ты собирался поступить до того, как… – я невольно запнулась, – до того, как встретил нас?

– Я лишь хотел добраться до замка, – ответил Ирранкэ, помолчав немного, – и разыскать тебя и ключ. Или один лишь ключ, – добавил он с нажимом.

– А ты сумел бы? – спросила я. – Ведь в тот раз искать его пришлось мне.

– Не знаю. – Он тяжело вздохнул. – Не представляю, как бы я сделал это, но нашел бы способ. Я не фея, я не различу ключ в ворохе других безделушек, не разглядывая их одну за другой, не представляю, кто мог бы его взять, но рано или поздно я все равно отыскал бы его след.

– Как это – не различишь? – подала голос Ири, и я вздрогнула. – Разве ты не волшебник?

– Ты что, подслушиваешь? – грозно спросила я, хотя и так ясно было – подслушивает, и неизвестно, как долго. Впрочем, ничего этакого она услышать не могла.

– Не спится, – виновато ответила Ири и подошла ближе. Судя по шороху, по полу тянулся слишком большой для нее плащ. Что там, его бы хватило, чтобы трижды обмотать Ири и завязать над головой и под ногами! – Можно к вам?

– Забирайся, – опередив меня, ответил Ирранкэ, и она живо свернулась клубочком с моей стороны. – Что ты сказала про ключ?

– Я не сказала, я спросила – как это ты его не отличишь? Ты же про эту вот штучку, которую мама на шее носит?

– Да… – с заметной растерянностью в голосе ответил он, сел,

потянулся и зажег свечу. – А ты, значит, его чувствуешь?

– Я все чувствую, – серьезно ответила Ири, поблескивая глазами из-под натянутого на голову плаща. – Ой, нет, ну не все, конечно, но он такой громкий, что его за месяц пути слышно, наверно!

– Я что-то уже ничего не понимаю, – произнес Ирранкэ, нахмурившись. – Так ты чувствуешь или слышишь? И каким образом?

Ири подумала и развела руками.

– Просто. Я не знаю, как такое объяснять. Но он… – Она надолго задумалась (мы молчали, чтобы не спугнуть), потом сказала: – Мам, помнишь, оркестр играл? На празднике, когда гости приехали?

Я кивнула.

– Ну вот… Там много-много музыкантов, барабан громкий, трубы… А потом, когда начались танцы, это все тоже грохотало, но там еще был скрипач, и вот его все слышали. Он вел мелодию, так учитель объяснил, – пояснила она. – Или в лесу весной: деревья шумят, птицы заливаются, всякие мошки-комары звенят, но когда соловей запевает, его сразу слышишь, как бы вокруг ни трещало и ни шелестело! Это… ну… Я не знаю, как сказать!

– Как если бы все вокруг было вот этим одеялом? – негромко спросил Ирранкэ, похлопав ладонью по мягкой шерсти. – Оно совершенно обыкновенное, но если бы кто-то заткал в него серебряную нитку среди обычных, ее сразу было бы видно, так? Или… драгоценный камень среди стекляшек – он блестит совершенно иначе. Да?

– Значит, ты тоже видишь! – подпрыгнула Ири.

– Нет, – покачал он головой. – Просто придумал подходящее сравнение. Я могу только отличить родню, но и то, лишь если сосредоточусь как следует: в нашем роду магия давно уже угасла, остались жалкие крохи былого… Что до ключа и подобных вещей, то я не вижу ничего подобного, ведь в моих жилах нет ни капли крови Короля-чародея.

– Какого еще короля? – не поняла я.

Мне было страшно: слабый огонек высвечивал профиль Ирранкэ, и сейчас он казался каким-то… сказочным пришельцем из других миров, таких, куда человеку лучше не то что не ступать, а даже и не заглядывать!

А ведь так оно и есть, пришло мне на ум. Он же побывал в чертогах фей, и как знать, что в нем осталось от прежнего Ирранкэ?

– Я же рассказывал, – сказал он негромко. – Когда-то давным-давно в другом мире люди сумели избавиться от фей. Это была

жестокая битва, и продолжалась она не один год, не один век. Король-чародей… никто не знает, существовал ли он в самом деле или это просто легенда. Но если верить ей, он был сыном королевского бастарда и женщины, которая очень сильно насолила феям и которую они похитили и обратили в животное.

Ирранкэ помолчал, потом продолжил:

– Он родился в чертогах фей и, помимо королевской крови, получил дар видеть невидимое, говорить со зверями и даже летать… Когда отец освободил их, а сын вырос, он сделал все, чтобы уничтожить проклятое племя огнем и холодным железом, как завещали ему родители, и не только на своей родине – потомки его шли все дальше и дальше, по следам беглянок. И с тех пор во многих мирах рождаются дети этой крови, порядком разбавленной, но…

– Мам, а ты говорила, что прадед был сыном тогдашнего герцога, – ткнула меня локтем Ири. – А где герцог, там и король недалеко… Может, поэтому я что-то такое умею? Ну, животных понимаю…

– Да, но… – Я взялась за голову. – Я ведь той же крови, но я ничего не чувствую!

– Как же нет? – удивилась дочь. – Ты с волчицей разговаривала, похуже, чем я, но все же! И лес ты хорошо понимаешь, просто… ну просто не умеешь как следует с ним говорить. Это как в музыке: если кто-то фальшивит, слышишь, но если сам не учился, правильно не сыграешь!

– Если все так, то в жилах Ири течет… нечто небывалое, – негромко проговорил Ирранкэ. – Я даже предположить подобного не мог.

– И чем это ей грозит? – резко спросила я.

– Прежде ничем не грозило… – Он отвернулся. – Фея о ней и знать не знала, только о тебе… когда я проболтался. Но и то – лишь как о хранительнице ключа. А вот королевскую кровь они уничтожают на корню, если прослышат о ней. Нет, если бы она случайно узнала о вас вне нашей связи и полагала, что где-то живет себе женщина с дочерью, не представляя даже, кто там затесался среди ее далеких предков, то, возможно, махнула бы рукой. Но…

– Если она прознает, кто мы, то не оставит в покое, так? – помолчав, произнесла я. – Если она уничтожила целый замок, не найдя добычи, то что ей две какие-то человеческие букашки? Рано или поздно она до нас доберется, а ведь мы не сможем всю жизнь не подходить к воде! Ладно еще зимой, но летом… Там ручей, тут колодец, да хоть в канаву наступишь… и все, она возьмет след. Верно я поняла?

Ирранкэ кивнул.

– Значит, выход только один, – сказала я. Внутри было очень холодно, и я невольно положила руку на теплое плечо Ири. – Убить фею раньше, чем она нас. Наплевать мне на ключ, на судьбу мира, но если в опасности жизнь моей дочери, я этой колдовской твари горло перегрызу, даже если после этого сама сдохну!

Он обернулся и посмотрел мне в глаза.

– Так волчицы дерутся за волчат, – сказал он.

– А мама такая и есть, – непосредственно вставила Ири и пояснила, видя мое недоумение: – Ты же сказала тогда, в лесу, помнишь? Что убьешь за меня, потому что так поступают волчицы. То-то вы с ней так хорошо договорились, прямо как родные!

– Ну уж всяко не стану сидеть сложа руки, – мрачно ответила я. – Ирэ? Что дальше-то делать будем?

– Надо дать лошадям роздых, – сказал он после паузы. – Я думал поехать к своим, но теперь это уже не имеет смысла. Зима на переломе, и если на тех конях еще можно было домчаться туда и обратно… Теперь не успеем.

– А зачем нам туда?

– За помощью. Я знаю, как убивать фей, только из легенд, но… – он покачал головой, – это легенды и есть. У меня нет ни небесного железа, ни негасимого огня, а простым кинжалом ее не взять. Но, может, наши кудесники придумали бы что-нибудь…

– Сами придумаем, – непосредственно заявила Ири и слезла с кровати, отчаянно зевая. – Я спать пойду, ладно?

Я кивнула, а когда она прикрыла за собой дверь, а Ирранкэ потушил свечу, сказала едва слышно:

– Я знаю, о чем ты думаешь.

– И о чем же?

– Как бы разорваться надвое. Потому что одно дело, если с тобой пойду я, я взрослая уже и сама за себя отвечаю, но тащить с собой Ири… Можно было бы оставить ее на чьем-то попечении, но на чьем? Я никого не знаю, кому могла бы довериться.

– Именно так, – ответил он после долгой паузы. – У тебя ведь мать жива, но после того, что случилось, в те края возвращаться опасно. Здесь разве что оставить, заплатив за присмотр?

– Ты с ума сошел?! – вскинулась я. – Ты видел, кто тут зимует? Да сколько ни заплати, стоит уйти – ее сразу… И тебя не побоятся, пусть ты и алий: ты же уехал, а потом и они исчезнут, ищи-свищи! Нет, думать даже не смей, я ее не оставлю на добрых людей, знаю я, какие они добрые…

– Прости, я… – Ирранкэ помолчал. – Я все время забываю о

том, что люди другие. И о том, что девочка ее возраста у вас, считай, уже вполне взрослая, тоже забываю. Она же совсем ребенок!

– Это для тебя. Тебе самому сколько лет?

Он сказал, и я умолкла. Никак не выходило осознать, что алий с таким молодым лицом, пускай и совершенно седой, ровесник моего прадеда!

– Я же говорил об этом, – шепнул он мне на ухо. – По нашим меркам я еще юнец. А Ири – едва из колыбели, да и ты тоже. И еще… мы живем долго, но детей у нас рождается мало, иначе мы бы заполонили все кругом. И каждый ребенок – невероятная ценность, не важно, свой или чужой, просто…

Ирранкэ замолчал, а потом сказал вдруг тихо и отчетливо:

– Ири не просто дороже ключа. Она бесценна.

– И ее жизнь не выменяешь на эту проклятую побрякушку, – добавила я. – Даже если фея согласится, что ей мешает взять и обмануть? Или, как ты говорил, выморозить весь мир, и тогда… какая разница? Все умрем…

– Я предложил бы оставить ее у деда или любой моей сестры, но туда нам не успеть, говорю же.

– А я и не согласилась бы, – ответила я. – Я не знаю твоей родни, они не знают Ири, и лучше уж пусть она будет при мне, чем у чужих… алиев.

Я всхлипнула и вжалась лицом в его плечо, стараясь не разрыдаться. Только бы не разбудить Ири!

– Виноват я, – негромко сказал он, гладя меня по голове, по плечам, по спине. – Я не удержался той ночью. Я разозлил фею. Значит, я и держу за все ответ.

– А что проку? – перебила я, переведя дыхание. – Что ты можешь сделать?

Воцарилось молчание.

– Ты права. Ничего, – негромко ответил Ирранкэ. – Даже хуже. Я мог умереть, я был к этому готов… Но я же чуть не убил вас обеих!

– Мы пока живы и умирать не намерены, – сказала я сквозь зубы. – Хватит. Мы так неделю будем гадать, что было бы, если… Ты думал, что не вернешься. Ты не знал и не мог знать о дочери! И о том, какой она крови… Значит, и фея не имеет об этом представления, а это уже какое-никакое преимущество, разве нет?

Он кивнул.

– Ты делал, что должен был сделать, и у тебя почти получилось, верно? А я думала, что тебя нет, ты же сказал о предчувствии. А и вернулся бы, Ири все равно только моя дочь! Ты ее увидел только что, не ты ее растил и воспитывал… Значит,

решать мне.

– О чем ты?

– Раз выбора нет, мы обе пойдем с тобой, – ответила я, сжав ключ в руке. – Я не хочу жить взаперти, не хочу страшиться подойти к колодцу или напиться из родника, не хочу днем и ночью бояться за дочь! А если ты уйдешь и сгинешь еще на дюжину лет, так и будет… Оставить ее я не могу. Не с кем, а вдобавок ее где угодно может найти эта тварь, если прознает о ней! Я так с ума сойду…

– Марион, – начал было он, но я перебила:

– Я сказала, мне решать! Я не желаю жить в вечном страхе и дочери этого не пожелаю! Лучше уж… сразу. И ведь надежда есть, правда? Фею можно извести?

– Да, но я не знаю верного способа. Я слишком рано выдал себя и так и не выяснил, как можно уничтожить именно эту… И, Марион, ты права – мы оба взрослые, мы можем решать за себя… А дочь ты спросила?

– Я и так знаю, что она ответит, – вздохнула я, приподняв голову на шорох.

– Это будет весело! – раздалось из-за двери.

Глава 16

Наутро мы проснулись от гомона. Когда я высунулась посмотреть, что там такое случилось (Ирранкэ такое было не по чину, а с Ири я вообще теперь старалась глаз не спускать), то быстро взбежала по лестнице и кинулась к Ирранкэ. Он сильный, он сможет…

Не сможет он спасти, вспомнила я и отстранилась.

– Кухарь наш, – выговорила я. – Он вчера воды не принес…

Лицо Ирранкэ закаменело.

– Как я и думала – с конюхом решил пропустить по стаканчику. А вместо себя послал мальчишку… даже имени его не помню… Сейчас из колодца достали. Его-то за что?!

Ирранкэ закрыл лицо руками.

– Не знаю, – ответил он, помолчав. – Он наверняка касался моих коней, но это же… фея может их почуять, но тронуть не рискнет. А вы с ним не общались? Может, ты дала ему что-то? Или с Ири они поссорились… Я же говорил, прикосновения уже достаточно!

– Нет, мы разве что перебранивались… – сказала Ири, живо подобравшись к нам. – Если это про Ники, конечно. Он иногда дразнился, но мы не дрались, честное слово! Но, может, он что-то взял без спросу?

Ирранкэ молчал, глядя на свои руки, – красивые, хоть и крупные, белые как снег и наверняка такие же холодные.

– Рукавицы, – вспомнила вдруг я. – На Ники была рукавица, одна. На дорогом меху, кто-то сказал… Я видела, он такой серебристый, блестящий, как… твой плащ.

Алий вскинул голову.

– Ну конечно же… – прошептал он. – Рукавицы! Я снял их и бросил в розвальнях… У меня губа треснула на морозе, пошла кровь, и я утерся… А потом просто забыл про них. А мальчик, когда помогал запрягать для гонцов, решил, наверно, что раз я продал все это не глядя, то уж несчастных испачканных рукавиц точно не хвачусь!

– Кровь? – шепнула я.

– Да. И было-то ее… – Ирранкэ коснулся почти зажившей трещины на нижней губе. Я помнила, она еще немного кровила, когда мы целовались, помнила этот солоноватый металлический привкус. – Две капли. Но этого достаточно. Бедный мальчишка…

– Значит, она здесь? – прошептала я.

– Она может быть где угодно. Не подходите к колодцу. Скоро уедем, – пообещал он, и я почувствовала, насколько ему страшно. – Хвала Создателю, она почуяла только мою кровь!

«А если нет? – подумала я. – Достаточно ведь оцарапать палец, да и… всякое бывает. Он сказал – у колодца долгая память. Но что же теперь, запереться на верхушке башни и никогда не выходить наружу? У нас нет волшебных слуг, чтобы накормили, напоили и обиходили, да и обычных-то нет, а надолго ли хватит наших денег? Да и то – дождь пойдет, просочится в щель на крыше… Нет, это не жизнь!»

– Расскажи, что было дальше! – попросила Ири, и я вернулась в реальность.

– Уже немного осталось, – сказал Ирранкэ, бережно взяв зеркало в ладони. – Все, что там происходило… не имеет значения. Это творилось в мыслях Владычицы вод, в отражениях ее озера… Я не переживал этого сам. Она просто показывала мне… будто бы книжку с картинками, только картинки эти двигались. А потом я выныривал на поверхность, и вокруг были все те же холмы, все тот же берег и водопад, а иногда – ее дворец.

– И что случилось потом?

– Я все-таки вытянул из нее, что случилось тогда, в незапамятные времена, – сказал он после паузы. – Смотрите!

Я взялась за его руку, с другой стороны прильнула Ири, и мы снова окунулись в зеркальные воды.

– Ты так и не сказала, Владычица, кто же обидел тебя, – произнес Ирранкэ.

Он сидел на траве и бездумно вертел в пальцах травинки. Ан нет, поняла я, он плел из них тонкий жгутик.

– Почему ты решил, будто меня кто-то обидел?

– Может быть, я неправильно выразился? Предал? Оскорбил? Покинул? Почему ты осталась одна здесь… – Он обвел рукой красивую долину. – Где вся твоя родня? Куда они подевались? Ведь не умерли же от старости!

Владычица вод уронила веретено, и оно застряло в прибрежной траве.

– Они ушли, – прошептала она. – Ушли и никогда не вернутся…

– И бросили тебя?! – Ирранкэ подался ближе, но она отстранилась.

– Нет… нет, я ведь говорила, это моя вина… – Женщина закрыла лицо руками, а веретено медленно колыхалось на воде, вращаясь само собою.

– Госпожа, не мучай себя, – его голос сделался вкрадчивым, – объясни, почему так вышло? Я ведь все равно никому не сумею рассказать об этом, я твой слуга и не могу покинуть тебя без твоего дозволения, разве не так?

– Я покажу, – после долгой паузы сказала она и подобрала веретено. – Подойди ближе.

Острым концом веретена она уколола палец («Зачем, руки ведь и так окровавлены!» – удивилась я) и уронила каплю крови в прозрачную воду. Та замутилась, будто в озеро вылили целый котел, а потом прояснилась.

– Смотри, – негромко сказала фея. – Вот как это было…

Мы словно нырнули еще глубже, не в воспоминания Ирранкэ, в чужие, те, что показывала ему Владычица вод, и я поняла наконец, почему ему всегда так холодно.

Фея – не человек и даже не алий. Я не знаю, что течет у них в жилах – может, расплавленное серебро, а может, огонь, но у этой текла ледяная вода, от которой стыло все тело и даже мысли замерзали. Странно, что она еще не выморозила все озеро! Вода в нем была пусть и холодной, но не обжигающе ледяной…

Но сейчас озеро еще было теплым, и в нем отражались двое: Владычица вод и коленопреклоненный алий, тот самый, незнакомый.

– Почему я не могу уйти с тобой? – тихо говорил он, прижавшись лицом к ее рукам. – Я вечно буду верным твоим слугой, я стану спать у твоей двери!

– Смертным туда путь заказан, – шептала она, отвернувшись, и я видела, как по ее лицу текут слезы, капают прямо на блестящие светлые волосы алия. – Ты не человек, но все равно… Мне не позволят!

– Кто не позволит?

– Госпожа… Она заметит, даже если я превращу тебя в коня или собаку, и хорошо, если просто вышвырнет обратно, а не убьет! Я не хочу, чтобы ты умирал, я же тебя…

Алий крепче сжал ее пальцы и прикоснулся к ним губами.

– Что это за место такое, куда вы уходите? – прошептал он. – Может быть, я успею проскользнуть следом?

– Нет, нет. – Она покачала головой, и прекрасные волосы взблеснули на солнце. – Мы должны закрыть за собой дверь.

– А если… Ты не можешь остаться? Здесь, со мной? Хотя о чем я! – Алий негромко рассмеялся. – Я же смертный. Я умру через век-другой… Что ж, значит, я в самом деле останусь жить подле запертой двери, но я буду знать, что по другую сторону – ты, живая, вечно юная, такая желанная… Мы тоже заводим верных собак и лошадей, а потом оставляем их, если приходит нужда перебраться в другие края и нет возможности взять их с собою. И стараемся не вспоминать, как они смотрят нам вслед, неразумные звери, – какая тоска в их глазах!..

– Перестань… перестань, прошу тебя! – Теперь слезы катились градом. – Я придумаю что-нибудь! Пускай на век, на полвека, но мы останемся вместе… Мы ведь даже не успели по-настоящему узнать друг друга! Я брошусь в ноги госпоже, я…

– Она только посмеется, – тихо сказал алий. Теперь он поднялся во весь рост и гладил фею по голове, а она прильнула к его плечу. – Я для нее… даже не собака, так, букашка под ногами. Должен быть другой способ. И почему вы уходите? Почему не можете остаться?

– Здесь мы жить уже не можем, – прошептала она. – Вернее… Такие, как я, еще могут прокормиться, нам нужно не так уж много, но чистокровные – нет. Много лет мы искали подходящее место, и вот, наконец, состоится великий исход… На новую родину.

– Так ты показывала мне миры, где вы уже побывали?

– Нет, нет! Мы только посмотрели из-за двери! – воскликнула она. – Если войдешь туда, обратно не выйдешь без ключа или безграничной силы, а такой не обладает даже наша госпожа!

– Не понимаю… – Алий отстранился и посмотрел ей в глаза. – А как же вы собрались уйти? В неведомое?

– Я же сказала, мы нашли подходящее место! Совсем юный, чистый мир, в котором всем нам хватит еды! Представь… представь яблоко – большое, сочное, крепкое, спелое! Вот каков он, новый мир, а вовсе не вялый паданец с червоточинами, как этот…

– А кто проделал эти червоточины? – едва слышно спросил алий. – Кто высосал соки не то что из паданца, а из яблони, так

что она сбросила плоды? Не вы ли?

– О чем ты? – с заметным испугом произнесла фея.

– Прости… – Он опустил голову и поцеловал ее в щеку. – Не могу смириться с мыслью о том, что со дня на день потеряю тебя, не узнав толком!

– Завтра, – всхлипнула она, обняв его за шею. – Уже завтра… Я не могу остаться, прости! Я бы пожертвовала своим бессмертием ради тебя, но это невозможно! Я слишком слабая, я не смогу убить себя, когда ты умрешь, а зачем жить одной? Вечно?

– Врагу бы не пожелал такой муки, – шепнул алий, но я услышала знакомые нотки в его голосе. Еще как бы пожелал! И помог бы избавиться от страданий, если бы знал, как это сделать.

– И взять тебя с собой я тоже не могу… Беги, покуда можешь, я выпущу тебя в мир смертных! – плакала фея, и мне вдруг стало жаль ее.

– Хотя бы покажи, куда вы уйдете, – после паузы попросил алий. – Я стану думать о тебе и представлять… не знаю даже! Алые небеса, и синие травы, и крылатых коней?

– Нет, нет, тот мир почти как наш, – заверила она. – Небо чуть иного цвета, а еще – две луны и такие прекрасные океаны! Ох… Я покажу тебе…

Это было невероятно. Я уже говорила: я никогда не видела моря, даже жалкого залива, а теперь перед нами разостлался океан, такой невероятно огромный, сливающийся с небом, что казалось – это и есть весь мир, а крохотный клочок суши, на котором мы стоим, какой-то скалистый островок, – просто фантазия.

Вода прибывала понемногу, потом все быстрее и быстрее, и наконец перед нами – феей и алием – встала блистающая изумрудная стена, захлестнула с головой, а мимо пронеслась стая серебристых рыбок. И еще какое-то неведомое создание, похожее на птицу, – оно лениво взмахивало в воде крыльями-плавниками.

– Как я хочу попасть туда, – прошептала фея, когда видение развеялось, – это мой мир. Мой. Вода кругом, а я…

– Владычица вод, – без тени улыбки сказал он. – Там красиво. Сразу представляются белокрылые корабли!

– Там нет людей, – оборвала она. – И алиев тоже нет! Это будет только наш мир, а нам не нужны корабли, мы сами можем мчаться по воле ветра и волн!

– Жаль, я никогда не окажусь там, – шепнул алий. – Хотя бы ненадолго… Как те миры, что ты показывала мне прежде, – это ведь вы искали подходящий?

– Да. Только почти все уже заселены – людьми, крылатыми…

А мы искали покоя.

– Пожалуйста, позволь мне взглянуть на это чудо своими глазами, не твоими, – едва слышно произнес алий. – Ощутить брызги воды на лице, почувствовать соль на губах, прохладную воду – она проскользнет меж пальцев, как ты, не оставив и следа… Но я не забуду этого до конца дней своих, даже если нам не суждено быть вместе!

– Нельзя…

– Потихоньку. Никто не узнает!

– Ну хорошо. – Фея огляделась. – Идем! Только очень тихо…

Миг – они оказались возле скалы, заросшей вьюнком.

– Это и есть дверь? – спросил алий.

– Да.

– Но ее можете увидеть только вы?

– Да. Вот, – она коснулась камней тонким пальцем, – вот вход. А это ключ. Коснешься его – и попадешь в то место, куда мы уйдем завтра.

Она указывала на росток, пробивающийся из трещины в скале. Завиток, бутон… Ключ!

– А что будет, если вынуть его из скважины? – с интересом спросил алий.

– Не смей! – вскричала фея, схватив его за руки и оттащив от скалы. – Не смей… Он никуда не денется, вновь прорастет, но мы еще годы и годы станем искать нужное место!

– Так ключ что, даже не проворачивается в замке? – спросил он, пропустив остальное мимо ушей.

– Он капризный, – сглотнув, ответила она. – Только госпожа может им управлять, у нее достаточно сил… когда мы их накопим. Почти все ушло на поиски, мы выбрали в этом мире все, до чего смогли дотянуться. Помнишь, ты говорил, что волшебство уходит? Именно поэтому…

– Вот оно что… Тогда не станем рисковать. – Алий взял ее за плечи и повернул лицом к себе. Я видела его отражение в ее глазах. – Я обойдусь твоими воспоминаниями.

Она приникла к его груди, обхватив руками. Ей было больно, я чувствовала.

Снова сменилась картинка: кавалькада уходила куда-то в темноту, в распахнутые ворота в неведомый мир, мчались по пятам чудовищные псы, а кони трясли гривами и выдыхали пламя. Вот последний всадник скрылся во вратах, и…

– Прощай, мне пора, – тихо сказала фея. Длинные распущенные волосы закрывали ее лицо. – Прощай, мы никогда больше не увидимся.

Алий промолчал, просто взял ее за руку и подставил ее

ладонь под струю водопада. В другой руке у него слабо тлел факел, и ветер все тщился задуть огонь.

– Я… я люблю тебя! – произнесла фея, и мир померк.

А это уже было третьим слоем чужих воспоминаний: мы снова видели скалу и растущий из нее вьюнок, то есть ключ. И руку алия, бережно касающуюся ростка. Тонкие пальцы – намного тоньше, чем у Ирранкэ – гладили едва проклюнувшиеся листочки, ласкали бутон… и вдруг сжали стебелек.

«Пропадите пропадом, – услышала я чужие мысли, – сгиньте, растворитесь в том предвечном мраке, откуда вы вышли, и пусть никогда ваши следы не осквернят чужой земли! Всю силу своего рода, свою силу отдаю и заклинаю – Создатель, услышь меня! Ты можешь открывать и закрывать пути и дороги, так пусть же эти твари вечно скитаются во тьме, не видя выхода, пока не заслужат прощения!»

Стебелек вдруг почернел и свился замысловатой спиралью, точно как наш ключ, и перед нами вновь оказался водопад.

– Что ты… что ты сделал?! – судорожно вздохнула фея, прижав мокрую руку к груди.

– То, что должен был, – ответил алий с улыбкой. – Можешь убить меня, это уже ничего не изменит.

– Что… ты…

Она кинулась прочь, прочь от водопада, а мир вокруг скручивался огромной черной воронкой, рушились великолепные дворцы, осыпались невесомой пылью деревья в прекрасных лесах, падали на бегу златорогие олени и многохвостые белые лисицы, на лету обращались в прах радужные птицы…

Только вода продолжала течь, вечная и неизменная.

Фея встала на пороге, глядя в черную пустоту. Не было там ни ласковых волн, ни летающих рыб, только темнота и страшный, невыносимый холод…

– Что ты… сделал? – повторила она.

– Повернул ключ, – ответил алий и улыбнулся. – У меня получилось. Но ты еще можешь поискать сородичей где-то там…

Он махнул рукой в черную пустоту, откуда тянуло нездешним ужасом.

– Ты должна была уйти последней и запереть за собою дверь, – сказал он. – Ты выпросила себе это право, и тебе, полукровке, милостиво разрешили. Ну так что же ты медлишь? Не хочешь?

А она опустилась на колени перед ним, и все тело ее содрогалось от рыданий.

– Так твои слова были ложью? – вкрадчиво спросил алий. – Я устроил все это, лишь бы разделить с тобой пусть не вечность, но

хотя бы век, я отдал все силы своего рода, лишил своих нерожденных потомков способностей к волшбе, а ты… не любила меня? Я для тебя и в самом деле вроде собаки? Сдохну здесь от тоски, а ты заведешь себе новую?

Она вскинула голову, и я наконец-то увидела ее лицо – невыносимо красивое, куда там алийкам! Оно было… Оно не могло принадлежать смертному существу. Немудрено, что она прятала его даже от алия!

– Они же ушли в никуда, – прошептала она. – В никуда… Не в тот мир, что я показала тебе, не в другой, они… они будут вечно блуждать в пустоте, у них не хватит сил ни вернуться, ни найти иной выход!

– Значит, Создатель услышал мою молитву, – негромко произнес алий и взялся за ключ. – Еще не поздно последовать за ними, а иначе – один поворот, и ты больше никогда их не увидишь, ведь так? Даже твоего века не хватит, чтобы отыскать нужную дорожку! И сил… Вы ведь выпили почти все силы этого мира, и когда еще они вернутся, неведомо.

– Не смей! – Она бросилась на алия, стремясь оттолкнуть его от двери, и он не успел выпустить ключ, который крепко сжимал в пальцах. Стебель обломился. Дверь захлопнулась. – Нет… нет! Нет!!!

– Это ты сделала, не я, – сказал он, отстранив фею и глядя, как будто бы съежившийся от холода росток вьюнка на его ладони превращается в непонятную безделушку. – Я не заметил, успел ли провернуть его еще раз. В какую сторону? На треть или четверть?

Алий сжал ключ в кулаке и улыбнулся.

– Я убью… я убью тебя! – Фея кинулась было на него, но хлесткий удар отбросил ее в сторону.

– Не убьешь. Здесь я в твоей власти, это верно, но и ты – в моей. – В голосе алия слышалось злое, бесшабашное веселье, и ясно было – ему уже нечего терять, он сделал, что хотел. – Ты сказала, что любишь меня. Что произнесено в присутствии земли и текучей воды, огня и ветра – помнишь, факел горел? – нерушимо даже для вас!

Фея поднялась на колени – на щеке ее горел след от удара – и посмотрела на алия в упор.

– Ты не выйдешь отсюда, – прошептала она.

– Выйду, пусть даже через эту дверь, не зная, куда попаду. – Он кивнул на скалу. – Ты меня не удержишь. Думаешь, власть твоего проклятого рода способна остановить смертных?

– Но я же… я же вправду…

– Любишь меня? – Алий наклонился к ней и взял ее за

подбородок. – Не плачь, скажи толком.

– Никогда… никогда не было такого, как ты, – прошептала она, глядя на него в упор. До чего же страшные были у нее глаза! – Люблю…

– Тогда отпусти, – сказал он. – Отпусти.

– А как же я?

– Идем со мной, – шепнул алий. – Зачем ты держишься за бессмертие?

– Тебе не понять…

– Я не понял бы, будь я человеком, их век – как взмах крыла бабочки: был, и нет его, едва ветерком повеяло… Но я алий, мы живем дольше. – Он помолчал, гладя фею по искристым волосам. – Ты просто боишься, да? Ты не хочешь умирать? Даже если это случится очень не скоро?

Она кивнула.

– Тогда я ничем не могу тебе помочь, – произнес он и посмотрел на небо, на котором не было солнца. – Прости. Я – не боюсь.

Она плакала, и сверкающие слезы катились по ее щекам, по волосам и дальше – в озеро.

Алий отстранил фею и встал.

– Я ухожу, – негромко произнес он. – Ухожу, пока границы еще можно миновать. Если хочешь, идем со мной!

Та покачала головой.

– Скажи, – потребовал алий, – разделишь ли со мной жизнь? Будешь ли со мной до тех пор, пока смерть не разлучит нас?

– Нет, – ответила она.

– Таково твое слово, – кивнул он и шагнул под струи водопада, туда, где за зыбкой водяной завесой маячил обычный мир. – Значит, мы не связаны больше!

– Что?!

Фея рванулась было вслед, но увидела только, как алий выходит из-под водопада где-то там, снаружи, на зеленом берегу, встряхивает головой, и сколотые волосы рассыпаются по его плечам, и он смеется счастливо, сжимая в ладони ключ…

Он?

Она! Она хохотала взахлеб, прижимая добычу к губам, зная, что фея не сможет сейчас броситься в погоню, потому что не хватит сил, и светлые волосы трепал вольный ветер, какого не бывает в чертогах фей…

Глава 17

– Вот так алии получили ключ, – негромко сказал Ирранкэ, закрыв ладонью зеркало. – Моя прапра… не помню, даже для нас это много поколений… Словом, она выманила его у феи.

– И спровадила остальных в никуда? – шепнула я.

– Да. Она отдала все, что у нее было, все волшебство нашего рода… – Он улыбнулся. – Ее звали Иринэль, Счастливая Звезда, легендарная воительница, с которой мог справиться не каждый мужчина.

– А фею все-таки жалко, – шепнула Ири и шмыгнула носом. – У нее никого не осталось. Родня сгинула, а… а ее любимый вообще девушкой оказался! Обманула ее и ключ украла…

– После этого она дала какой-то обет? – спросила я, поразмыслив.

– Наверно. Иринэль этого уже не видела. Но с тех пор Владычица вод прядет и прядет, и никому не показывает лица. А дверь… – негромко сказал Ирранкэ. – Она закрыта, но не заперта, без ключа этого сделать нельзя. И отыскать пропавших – тоже. Они все еще где-то там: в темноте и бесконечности мчится их кавалькада. Возможно, они даже не осознают, сколько времени прошло со времени их исхода, не понимают, что впереди не брезжит свет нового юного мира, что им никогда не найти выхода…

– А если осознают? – спросила я, крепче схватившись за его руку.

– Значит, Создатель не настолько добр, как принято считать, – ответил он. – А нам милосердие и вовсе чуждо, так, кажется, говорят люди об алиях?

Я недавно думала об этом, верно.

– А ты знаешь, как запереть дверь? – спросила Ири.

– Да. Она проговорилась, – ответил он. – Это не так уж сложно, но сперва нужно добраться до этой самой двери!

– А если она заполучит ключ, то сможет найти своих? Вернуть их? – спросила Ири. – Или пойти за ними?

Он покачал головой.

– Конечно же, нет. Их владычица, чистокровная фея, едва-едва справлялась при поддержке всех своих подданных. Теперь же, когда наш мир выжат досуха, эта полукровка в одиночку до скончания веков будет копить силы ради одного-единственного поворота ключа! И вовсе необязательно, что он будет верным.

– Тогда зачем ей ключ?

– Ей нужен не он, – сказала я, подумав. – Она просто хочет отомстить, как обычная женщина, которую сперва обманул возлюбленный, а через много лет… другой возлюбленный.

– До клятв у нас не дошло, – заверил Ирранкэ, едва заметно улыбнувшись. – Но ты права: месть разъяренной феи страшна. И, что хуже всего, мстить она будет не только обидчику, но и всем, кто окажется рядом с ним. А уж если прознает, что я связал жизнь

с человеком…

– Мы тоже друг другу клятв не давали, – напомнила я.

– Не давали? А это что? – Он взял Ири за руку и приподнял рукав. Замысловатый узор проявился вновь, ярче, чем был. – Скажешь, у тебя такого нет?

– Нет, – честно ответила я. – А что это означает?

– Такие рисунки на теле бывают у алиев из старых семей. Говорят, это наследие крылатых, а может, не только их. Когда двое встречаются и между ними вспыхивает настоящее чувство, у другого рисунок может измениться, а может и возникнуть, если прежде его не было, – тихо сказал он. – Не только у алия, у человека тоже.

– Ири твоя дочь, что же тут странного? То есть… ей это по наследству перешло, вот и все, – сказала я.

– Да, но он сияет. Так не бывает у детей с родителями, даже если они очень любят друг друга, в таком возрасте он даже не проявляется! Да и как Ири может меня любить, если она обо мне и знать не знала? Как и я о ней, – добавил он справедливости ради.

– Он и раньше светился, когда она была совсем маленькой, – вспомнила я. – Я… я иногда вспоминала о тебе, и вот именно тогда…

– Мам, это зеркало, – сказала Ири, напряженно слушавшая наш разговор. – То есть я – зеркало. Ты как-то сказала, что я вылитый отец. Ты смотрела на меня, а видела его отражение. Может, эта штука потому на меня и переползла? Ну, или проявилась, как правильно?

– Даже не знаю, – покачал головой Ирранкэ. – Никогда не встречал упоминания о таких случаях. Позволь…

Ирранкэ снова взял дочь за руку и осторожно провел кончиком пальца по едва заметным серебристым линиям, и она захихикала от щекотки.

– А ведь Ири права, – спокойно сказал он, выпустив ее. – То, что у нее на руке, – зеркальное отражение моего рисунка. Не ее собственное, ее плетение начинается выше локтя, там совершенно другой узор, гораздо сложнее. А это… Не знаю, каким образом, но ты перенесла на нее мой.

– Ну ты скажи еще, что я тоже волшебница, – вздохнула я.

– Забыла? В твоих жилах течет кровь Короля-чародея, пусть и порядком разбавленная. Ты наверняка сделала это неосознанно и не сумеешь повторить, но… Так вышло.

– Значит, – подвела итог Ири, – ты, мама, по уши влюбилась в папу. Ну и он в тебя, раз уж это так вот… заплелось!

Я почему-то смутилась чуть не до слез.

– А что в этом странного? – негромко спросил Ирранкэ. – Я, знаешь, за свою жизнь много раз влюблялся, потом забывал… А тебя забыть не мог, хотя мы встречались-то всего несколько раз. Я за память о тебе держался как утопающий за соломинку, чтобы не сойти с ума. Если бы только я не проболтался!

– Как же это вышло? – спросила я. Кажется, у меня горели щеки. – Покажешь? Или уже нет сил?

– Там уже немного осталось. – Он снова дотронулся до зеркала. – Лучше сегодня закончим, завтра выспимся, а послезавтра с рассветом уедем. Раньше не выйдет, кони еще плохи.

– А можно я на конюшню схожу? – тут же спросила Ири.

– Зачем?

– Я им скажу, чтобы поскорее сил набирались, – серьезно ответила она.

– Она правда может… что-то такое, – пробормотала я. – С животными общается, во всяком случае. И, помню, лучший герцогский пес то ли отравился, то ли кость сожрал, помирал, одним словом, но Ири что-то сделала, и он пошел на поправку…

– Уговорила, – подсказала она. – Я быстро, правда! И я не подойду к колодцу, ни за что! Но вы со мной не ходите, я не могу при других!

– Только очень быстро, – после паузы разрешила я. – И чуть что – кричи, будто тебя режут. Ты умеешь, я знаю.

– Я туда-обратно, – заверила Ири, схватила душегрею и шаль, отперла дверь и выскочила наружу.

Ирранкэ молчал.

– Так лучше, – сказал он. – Там… не для детей зрелище.

– Тогда не медли, – попросила я. – Ты же услышишь, если Ири позовет?

– Конечно. Смотри…

Зеркало снова затуманилось под его рукой, а потом прояснилось.

Фея лежала на берегу озера, длинные волосы стелились по траве, будто стекали в воду серебристыми ручейками, а обнаженное белое тело казалось изваянным из драгоценного мрамора – в герцогском саду есть такие статуи. Только статуи не стонут и не всхлипывают, когда их ласкают умелые мужские руки, сильные и при этом чуткие…

Я знала, как это бывает.

Вот только… Глупое сравнение, но я видела однажды, как старый мастер настраивал клавесин одной из дам и проверял звучание: он брал ноту за нотой, и если чувствовал фальшь, что-то подправлял в недрах инструмента и проделывал это снова и

снова, пока не добивался идеального звучания, чистейших аккордов… Других я тоже видала – взять хоть музыкантов из герцогского оркестра!

Так Ирранкэ вел себя со мной: поняв, что я ничегошеньки не умею, он взял дело в свои руки, как виртуоз берет незнакомую скрипку, и осторожно и бережно подстраивая, добился гармонии…

Но вот с феей – с феей он поступал так, будто просто сел за чужой инструмент. Не грубо, нет, но… равнодушно. Он действовал мастерски, это даже я могла оценить, но не пытался получить идеальное звучание, просто играл заученную пьесу, умело и выразительно, без ноты фальши, но и без вдохновения.

Видимо, это было заметно только со стороны, потому что фея таяла от удовольствия и наконец, достигнув пика наслаждения, вдруг забыла прикрыть лицо и взглянула Ирранкэ в глаза, в собственное отражение.

И отшатнулась, загораживаясь руками, пытаясь отползти, отвернуться, да только позади было озеро, и она снова увидела свое лицо в чистой воде.

– Что с тобой? – с неприкрытой тревогой спросил Ирранкэ. На его плечах блестели капельки пота, волосы липли к влажной спине, а руки он украдкой вытирал о траву. – Госпожа?

– Не смотри на меня! Не смотри! – Фея перекинула волосы вперед, закрыв лицо, будто густой вуалью.

– Что я сделал не так?

– Ты не виноват… Просто… Это мое наказание, – прошептала она. – Раз я никогда больше не увижу своих родных, то и моего лица не увидит никто. Раз именно я раскрутила веретено судьбы слишком сильно и оборвала нить, теперь до скончания века стану пытаться смотать ее обратно…

– Спряденное обратно в кудель не превратишь, как ни старайся, – серьезно сказал Ирранкэ, взяв ее за руку. На пальцах феи сочились сукровицей незаживающие раны. – Зачем ты мучишь себя, если виновата не ты? Тебя обманом вынудили к предательству, любовь твою вывернули наизнанку, где же здесь твоя вина?

– Мне всего-то и нужно было держать язык за зубами. – Она потянулась за одеждой, и Ирранкэ подал ей платье. – Но… я не удержалась. Я так не хотела расставаться… Я думала – пускай хотя бы память обо мне останется в этом мире!

«Твое желание сбылось», – ясно читалось по глазам Ирранкэ.

– Если бы я могла вернуть их… – прошептала она. – Но не могу. Я даже наказать ту алийку не сумела – не хватило сил достать ее! Я бы бросилась в пустоту, но…

– Что?

– Я же поклялась владычице запереть дверь, когда мы отбудем, – сказала фея. – Я не могу исполнить клятву, ключ утерян! Кто знает, куда подевала его эта… эта… Может быть, ты знаешь? Хотя бы слышал об этом?

– Только легенды, – покачал головой Ирранкэ. – Где сам ключ, я не имею представления. А почему дверь непременно надо запереть?

– Я сама не знаю точно. Говорили, что если мы открываем… вернее, взламываем их сами, то это не страшно. А вот те, что открыты ключом, опасны. Я же показывала тебе, сколько там всего! И сквозь незапертую дверь могут прорваться… – Она помолчала. – Кто угодно. Крылатые. Орды дикарей. Неведомые существа из того безначалия, куда канули мои родные. Океанская волна, которая затопит все кругом…

– И ты… сумеешь это остановить?

– Нет. Думаю, не сумею, – ответила фея, отворачиваясь. У нее была нежная беззащитная шея, и я чувствовала желание Ирранкэ взять и покончить со всем одним ударом, но он еще не узнал всего, что хотел. Да и не убить так фею, я уж поняла. – Но я хотя бы… хотя бы…

– Проживешь жизнь не зря? – помог он, и она кивнула. – Но как запереть дверь, если, ты сказала, ключ сломан?

– Не сломан! Он прирастет обратно, если вернуть его на место, а потом достаточно повернуть его в обратную сторону и вынуть. Правда, искать другую дверь потом придется веками… – Фея осеклась и умолкла. – Ты что-то знаешь, верно? Ты знаешь, где ключ!

– Я ведь сказал, я слышал только легенды. – Ирранкэ поднял свою рубашку и расправил ткань.

– Нет… я чувствую! – Она повернулась, прикрывая лицо рукой с зажатыми в ней прядями волос. – Ты…

Взгляд ее упал на замысловатый рисунок на плече Ирранкэ, как нарочно, вспыхнувший на солнце серебром.

– Ты… Ты…

– У моей прародительницы был похожий, – видно было, что Ирранкэ устал сдерживаться, – у меня не настолько сложный. Но и ты уже не прежняя. Много ли пряжи успела размотать, любуясь своим отражением? Впрочем, зачем я спрашиваю, и так ясно…

– Постой!

– Хочешь сказать, что я не смогу уйти отсюда? – тихо спросил Ирранкэ. – Я в твоей власти?

Она передернулась, обхватила руками плечи и замерла.

– Я не твой, – произнес он еще тише. – И никогда им не был.

Он простер руку над успокоившейся озерной гладью. Он уверял, что колдовать не может, но, наверно, в чертогах феи был способен кое на что…

«Мои пальцы запутались в ее волосах, лепестки жасмина липли к губам, а запах… этот запах! Никакие духи не сравнятся с ним!

У нее родинка на щеке, маленькая, а губы обветренные – она кусает их, когда задумается, дурная привычка.

Я запираю память на ключ. На тот самый ключ, что ты хранишь. Я не помню никакой девушки с веточкой жасмина в черных кудрях, не помню ее голоса, ее прикосновений, до смешного робких…»

– Смертная? – едва слышно выговорила фея. Я не видела отражения в воде, но она, наверно, рассмотрела достаточно. – И ты… ты просто.

– Обманул тебя, – спокойно ответил Ирранкэ. – Ты не стоишь даже родинки на щеке у этой девушки.

– Замолчи!

– Ты, отродье фей, знала бы ты, до чего мне было мерзко прикасаться к тебе… – протянул он. – Я не смог бы взять тебя по-настоящему, даже если бы от этого зависела моя жизнь! Спасибо, тебе не много нужно, чтобы получить удовольствие, верно? Еще бы, столько лет воздержания…

– Уйди! Пропади пропадом, не желаю тебя видеть!

– А как же наш уговор?

– Мне не нужен такой слуга, – выговорила фея. – Убирайся прочь!

Она застыла, но я чувствовала – собирается гроза, и зачем Ирранкэ оскорбляет фею, мне было не понять.

– Ключ… – прошептала она. – Все дело в ключе! Ты знаешь, где он!

– А даже если и так? – Он улыбался, как его предшественница, зло и бесшабашно.

– Ты скажешь мне, где…

– Нет. Я ухожу. – Ирранкэ нагнулся и посмотрел ей в лицо. – Ты сама сказала, что такой слуга тебе не нужен, и приказала мне уйти. Я не смею ослушаться, госпожа, и выполняю твой приказ!

И он быстрым шагом направился прочь, по берегу озера к холмам, за которыми ничего не было, ничего, кроме обычного мира, а позади набирала силу небывалая буря – фея разгневалась не на шутку.

– Я поняла, где ключ! – расслышал он, и это его подхлестнуло.

Не раз и не два Ирранкэ падал, в кровь разбивая руки и

колени на камнях, страшный ветер норовил стащить его вниз, к озеру, и приходилось ползти на коленях, оставляя на камнях кровавые следы. Потоки дождя хлестали в лицо, и он не видел, далеко ли еще до цели…

Он ведь был алием, а они невероятно упрямы, я по Ири знаю.

Ирранкэ протянул руку, но, вместо того чтобы схватиться за очередной уступ, она провалилась в ледяную пустоту, а следом и сам он кубарем покатился по склону, в глубокий снег, и долго еще не мог отдышаться и понять, где он оказался.

Глава 18

Это был лес, и никаких признаков жилья даже алий обнаружить не сумел. Он был в одной рубашке, без оружия, посреди зимы, неведомо где.

Ирранкэ взглянул на небо. Собирался снегопад: тяжелые серые тучи плыли над лесом, едва не задевая макушки деревьев огромными тушами. Холод уже пробирал до костей, и хоть алии живучи, было ясно, что до утра он не дотянет.

И фея… Оскорбленная, второй раз униженная алием, да еще догадавшаяся, где может храниться заветный ключ, – она ринется туда, едва собравшись с силами! Даже будь рядом верный гнедой, все равно не успеть… Да хоть понять бы, в какую сторону идти!

Наверху тяжело громыхнуло. Зимние грозы случаются нечасто: говорят, это Снежная владычица проверяет своих коней перед парадным выездом – грохочут копытами упряжные лошади, мелким перестуком слышится поступь верховых…

– Госпожа… Превеликая королева Зимы, я, смертный, к тебе взываю! – Ирранкэ упал на колени в снег, и тот покраснел от его крови. – Ниспошли свою милость!

Громыхнуло сильнее, в лицо Ирранкэ ударил снежный заряд, и он закашлялся, а когда протер глаза, перед ним кто-то маячил. Кто-то высокий, одежды его трепал ветер, но очертаний фигуры нельзя было разобрать, как ни старайся.

– О чем просишь, смертный? – прозвучал голос, призрачный, его можно было принять за вой ветра.

– Я должен спасти… должен спасти Марион и драгоценность, которую она хранит, – выговорил Ирранкэ. У него уже зуб на зуб не попадал от холода. – Отродье фей… она найдет Марион…

Высокая фигура склонилась к нему. Я так и не смогла разобрать, мужчина это или женщина, лицо было скрыто в тени капюшона, только глаза горели, льдисто-голубые, безразличные, куда там фее! Рядом с этим существом она казалась не страшнее котенка!

– Чем заплатишь? – спросил зимний призрак.

– У меня ничего нет, – ответил Ирранкэ, – кроме жизни.

– Ты алий, и молодой. Это достойная плата, – серьезно ответил тот. – Но не думаешь же ты, что ее хватит на то, чтобы ее величество снизошла до спасения какой-то смертной?

– Конечно, нет, – выдохнул Ирранкэ. – Мне бы только добраться до замка! Я сам сделаю, что смогу, лишь бы выбраться отсюда…

– Раздетым и безоружным? – Зимний призрак явно забавлялся.

– Что, договор составим? – засмеялся алий. Губы у него уже синели. – Давай! Теплую одежду, деньги, оружие и хороших коней в обмен на мою жизнь! Неплохая сделка, а?

– Выгодная.

– Только с условием, – добавил Ирранкэ. – У меня должно остаться хоть сколько-то лет. Я должен закончить начатое. Я должен избавиться от феи..

– От феи… – Призрак помолчал, потом кивнул, только глаза вспыхнули ярче в темной пустоте капюшона. – Пусть будет по-твоему.

Он пронзительно свистнул, и наверху снова громыхнуло, а потом из-за рощицы вынеслась пара серых в яблоко белогривых коней, тех самых, подлетела и встала возле Ирранкэ.

– Сделка заключена. – Призрак поднял горсть окровавленного снега. – Твоя кровь тому порукой.

– А где я? – выговорил Ирранкэ, накинув теплый плащ.

– Какая тебе разница? Кони вынесут. – Тот шагнул назад.

– Я должен буду найти это место, чтобы завершить начатое.

Призрак подумал, потом кивнул:

– Найдешь. А теперь – мне пора!

Из снежной круговерти вдруг соткался серебристый жеребец, такой, что дух захватывало от его красоты. Призрак вскочил верхом, и конь помчался сперва полем, потом – не касаясь копытами земли, а потом – все выше и выше в темное небо, по снежным вихрям, из которых возникли вдруг громадные псы с горящими глазами и понеслись следом, и другие всадники последовали за предводителем…

Капюшон слетел, и по ветру стелились поверх туманного плаща длинные, чернее ночи волосы, увенчанные ледяной звездной короной, сверкавшей в наступившей темноте.

Призрачная кавалькада промчалась по низким тучам и с грохотом исчезла где-то в вышине, только слышен был вой охотничьих псов… А может, это был ветер?

– Так это была сама Зимняя королева? – прошептала я. – Ты же сказал, конюший…

– Пугать не хотел, – ответил Ирранкэ. – Я сам не сразу

понял… Не до того было. Прыгнул в сани, а кони помчали. Дальше ты знаешь…

– А как же мы теперь найдем то место, если коней ты продал?

– Найдем, – уверенно сказал он, и тут в комнату ввалилась Ири.

– Все с лошадьми хорошо, – сказала она весело. – Завтра-послезавтра точно побегут!

И с этими словами рухнула на пол.

Я оцепенела.

Не знаю, сколько бы я простояла вот так, будто скованная льдом… Ирранкэ успел первым – подхватил дочь на руки, бережно опустил на кровать, присел рядом, прислушался к дыханию…

– Не беспокойся, – сказал он мне, – она жива. Просто очень устала, бестолковая девчонка!

Ирранкэ с силой встряхнул кистями рук, взял Ири за виски, обхватив ее лицо ладонями, и сам прикрыл глаза, что-то шепча одними губами. Я не удержалась и положила руку ему на плечо, потом вовсе обняла сзади за шею, прижавшись щекой к его виску, так, чтобы видеть дочь.

– Да, вот так и держи, хорошо, – негромко сказал он. – Еще немного…

Длинные ресницы Ири вздрогнули, и она уставилась на нас, явно не понимая, как оказалась в комнате.

– А что случилось? – спросила она шепотом.

– Это ты нам скажи, что случилось, – ответил Ирранкэ. – Что ты натворила? Почему упала?

– Упала? Я… Я не помню, – удивленно сказала Ири и попыталась сесть, но он толкнул ее обратно на подушки. – Я просто хотела поскорее сказать вам, что с лошадьми уже все хорошо и вот-вот можно будет ехать. Не на ночь глядя, конечно, но с утра так уж точно! А… а потом очнулась вот тут…

– А что ты делала с лошадьми?

– Ничего такого… Просто погладила, поговорила, ну, как я это всегда делаю, – пожала плечами Ири и все-таки села, обняв коленки. С ее подола и обуви на постель уже натекла целая лужа – видно, снегу снаружи было выше колена взрослому человеку. – И напоила.

– Напоила? – Ирранкэ напрягся. – Тебе ведь было сказано не приближаться к воде!

– Да нет же!.. – Она замотала головой. – Я не водой, я… Вот так!

Ири протянула ему сложенные ковшиком ладони, и мне на мгновение показалось, будто в них плещется чистая искристая

вода.

– А они пили и пили, так устали, бедные, – добавила она, – но потом им полегчало, а я пошла обратно, вот. Ничего дурного я не делала, правда-правда!

Ирранкэ коротко взглянул на меня, но я и без того догадалась, о чем он хотел сказать: дочь наша поделилась собственной силой с изможденными лошадьми, потому и рухнула без памяти – видано ли дело, такой малявке напоить двух коней!

– Ничего, – негромко сказал он. – Это не страшно. Разве только за ужином меня обгонит…

– Да-а, есть хочется, – вздохнула Ири, спустив ноги на пол. – А ты уже все-все показал или еще что-то осталось? Ну, чтобы до ужина-то не скучать?

– Уже все.

– Можно я тогда заберу зеркало? Оно же прабабушкино, – серьезно сказала она, дождалась кивка и взяла зеркало в руки. – Странно как… Почему оно ничего не отражает? И холодное такое!

Я пригляделась – стеклянный овал в руках Ири казался темной прорубью, которую затягивал первый лед: вот потянулись первые стрелки от краев, от оправы, а вот уже и середина подернулась изморозью, и…

– Брось его! – крикнула я, но голос сорвался.

Спасибо, Ирранкэ на слова времени не тратил – выхватил зеркало из рук дочери и не бросил – осторожно положил его в изножье кровати. Жутко было наблюдать, как темное стекло затягивается сперва морозными узорами, потом покрывается коркой льда, как замерзают и лубенеют простыни (меховой плащ Ири успела подтянуть к себе), как по спинке кровати, по ножкам и по полу бегут ледяные полосы…

Я вдруг поняла, что задержала дыхание, судорожно вздохнула, выдохнула – изо рта вырвалось облачко пара.

– Что это такое? – шепнула я.

– Кажется, королева Зимы напоминает о моем обещании, – ответил Ирранкэ.

– Но ты же сказал, что выполнил то, чего желал, нашел нас!

– Да, но я ведь еще поклялся, что избавлюсь от феи, – спокойно произнес он. – Зима на переломе, скоро она начнет слабеть, а фея, наоборот, набираться сил, значит, мешкать нельзя.

– Но как ты ее найдешь?! Кони Зимней королевы должны были вывезти тебя к той долине, – припомнила я, – а как теперь? И успеешь ли в срок?

– Ну, однажды ведь уже нашел, – негромко сказал Ирранкэ. – А что до времени… полагаю, мне покажут короткий путь. У королевы Зимы свои счеты с феями, и раз уж она взяла с меня

клятву, теперь не оставит в покое, пока я не исполню взятых на себя обязательств. Я же поклялся кровью.

Он коротко взглянул на Ири, а я подумала о том, что сказки с их непременным «отдашь то, чего дома не знаешь» – все-таки могут обернуться явью. «Твоя кровь тому порукой», – сказала королева Зимы, и Ирранкэ согласился, думая лишь о себе, не зная о дочери. Теперь же выходило, что он и ее жизнью поклялся…

Так всегда выходит. Древние заветы не нарушишь, а попытаешься – станет только хуже. Можно только исполнять обещание и надеяться на то, что останешься жив и ты, и те, кто тебе доверился.

Снизу послышались возгласы – видно, уже и лестница обледенела, и трапезная… А на комнату взглянуть – ну настоящая ледяная избушка из сказки!

– Видно, утра нам дожидаться не стоит, – сказал Ирранкэ и потянулся за зеркалом.

Кровать напоминала хрустальную гробницу из старинной легенды: сквозь толщу льда едва просматривались подушки, одеяла и оброненная Ири ленточка. Но зеркало далось в руки легко, будто и не было никакой наледи, лишь морок… Хотя какой морок – я попробовала вот так же взять шаль Ири, но куда там! Пальцы натыкались на несокрушимую преграду, спасибо, вовсе не примерзли.

– У меня пожиток, считай, нет, а ваши… – Ирранкэ заглянул в маленькую комнату, – ваши еще можно взять. Ну-ка…

– Дай мне, – протянула я руку, но он отмахнулся:

– Ты лучше одеяла возьми да этот ваш мех. Ири, я гляжу, мой плащ спасла, ну так не замерзнем! Идем. Я прикажу запрягать.

Внизу, впрочем, было не до нас: хозяин метался от стены к стене, причитая от страха – стены медленно индевели, углы уже заплыли льдом, и даже огонь в очаге угас, скованный нездешним, не обычным зимним морозом…

– Это все вы! – выкрикнул он, увидев нас. – Вы беду накликали, никогда такого не случалось! В самые скверные годы не бывало подобного, а тут в один день… Убирайтесь прочь! Убирайтесь с моего двора!

– Прости, уважаемый, – негромко ответил Ирранкэ, отсчитывая монеты, – нет в этом моей вины. Прости и возьми за хлопоты…

– Забери свое проклятое золото, пальцем его не коснусь! – завизжал хозяин, рукавом смахнул деньги на пол и кинулся на кухню, хлопнув дверью.

Теперь его стенания доносились оттуда, а в унисон ему подвывал новый кухарь.

Конечно, алий за монетами наклоняться не стал, здраво рассудив: придет человек в себя, сам соберет, а покамест золотые никуда не денутся, надежно примерзли – на полу уже был слой наледи в палец толщиной.

Я хотела выйти, но Ирранкэ оттолкнул меня от двери, сам выглянул первым… И то, испуганные люди могли и в топоры нас взять, не разбирая, кто первым показался наружу!

На дворе, однако, никого не было, и конюх тоже куда-то запропал.

Пара разъездных коней выглядела прекрасно, не верилось даже! Конюх считал, им не меньше недели придется отдыхать, Ирранкэ говорил о нескольких днях, но… Похоже, Ири их и впрямь «напоила» от души!

Я помогла открыть ворота и вытащить сани, а уж запрягал Ирранкэ сам.

– Ну все, – сказал он, когда мы с Ири умостились на сиденье. Это были, конечно, не его роскошные розвальни, в которых хоть ночуй втроем, но нам места хватало. – Едем!

– В какую сторону хоть, помнишь? – спросила я, кутая Ири.

– Сперва туда, откуда явился. – Он прищурился на небо. – Солнце худо-бедно видать, с дороги не собьюсь. А дальше видно будет. Если мы королеве Зимы нужны, уж выстелит дорожку, как полагаешь?

– Если ты ей нужен, – уточнила я. – Мы-то ей зачем? Обуза одна!

Вместо ответа Ирранкэ хлестнул коней вожжами по спинам, и те взяли с места в карьер, будто застоялись и только и ждали, когда же хозяин пустит их вскачь!

– Смотри, мама! – воскликнула Ири, привстав, и полезла к отцу на облучок.

Я прищурилась и закрыла лицо рукой – снежные комья из-под копыт летели в лицо, – присмотрелась и увидела: кони мчались по насту, будто дорожка замерзала прямо перед ними. Зимние шипастые подковы гулко бухали по прочной наледи, полозья саней посвистывали… Еще можно было разглядеть огни постоялого двора, но они все отдалялись и отдалялись, пока совсем не пропали вдалеке.

– Насколько же им хватит сил? – спросила я, тронув Ирранкэ за плечо.

– Не знаю, – ответил он. Лицо у него было закрыто поднятым воротником, я видела одни глаза, они будто светились в серых зимних сумерках. – Это не я их направляю, они сами скачут куда-то. Не веришь, возьми вожжи, попробуй придержать лошадей или заставить свернуть.

Я попробовала – доводилось править телегой в деревне у матушки, – но ничего не вышло. Я женщина не из слабых, но эта пара будто вовсе не чувствовала узды…

– Ветер поднимается, слышите? – окликнула Ири.

Мы как раз миновали перелесок; кажется, кони покамест несли нас по тракту, невидимому под заносами.

Налетевший снежный вихрь залепил лица, взвыл в негустой роще. Небо заволокло тучами, и без того ненастный день сделался темнее ночи.

– Если пурга начнется, нам конец, – до странного спокойно произнес Ирранкэ, придержав коней. На этот раз они послушались, перешли на ровную рысь, но не остановились.

– Почему? – удивилась Ири. – Мы и не в такую метель в лесу ночевали, правда, мама? Дня три сидели под снегом, и ничего, живые! Лошадей вот жалко, их так не спрячешь, а нам-то что? Еда есть, чем укрыться, тоже найдется, уж не замерзнем! Тогда, конечно, не такой мороз был, – добавила она, – но втроем-то всяко теплее…

– Угу, а лошадей и зарезать можно, – пробормотал он, – голодная смерть нам всяко не грозит. Только что делать даль…

Кони вдруг осадили так, что санки опрокинулись, и мы с Ири вывалились в снег. Ирранкэ успел выскочить сам и теперь пытался схватить обезумевших лошадей под уздцы – я видела, как копыто просвистело в пальце от его головы, – но тщетно, они так и норовили подняться на дыбы, порвать упряжь и удрать прочь.

– Волки, что ли?! – прокричал он.

– Нет тут никаких волков! – ответила Ири, отплевавшись от снега и встав на четвереньки. – Они давно по логовам попрятались, буря идет!

– А мы… – Снежный заряд ударил Ирранкэ в лицо, он задохнулся и вынужденно выпустил поводья.

И едва успел отскочить – конь снова встал на дыбы. Правда, тут же остановился, дрожа всем телом, но не порываясь больше сбежать.

Только что было сумрачно, но все-таки достаточно далеко видно… Мрак, однако, сгустился мгновенно, снежная круговерть застила все кругом, небо сделалось неотличимо от земли…

– Мама! – услышала я, бросилась на голос и схватила Ири за руку. – А где…

– Ирэ! – выкрикнула я, но не услышала ответа. – Ирэ! Где ты?

– Мам, ты хоть лошадей видишь? – проговорила дочь, цепляясь за меня обеими руками.

– Нет, ничего… Держись за меня крепче, попробую ощупью. Мы же всего на пару шагов отошли! И вообще, Ири, ты же чуешь

зверей, разве нет?

– Ничегошеньки сейчас не чую, – прошептала она, – кругом только снег…

Шаг вправо, шаг влево, и как знать, я сейчас приближаюсь к саням или удаляюсь от них? Не было видно ни зги, от ветра и холода слезы лились градом, ресницы смерзались, а на земле меня, казалось, удерживала только живая тяжесть Ири, иначе снежный вихрь бы давно подхватил меня и унес далеко-далеко, так далеко, что по пути я забыла бы и свое имя, и имя дочери, и…

– Не дождешься! – крикнула я ветру в лицо и закашлялась, когда он попытался задушить меня, забившись в глотку. – Ничего я не забуду! Держись крепче, Ири!

– Я держу-у-усь! – еле расслышала я и перехватила ее руку покрепче.

Где же Ирранкэ? Или его вовсе унесло бурей? Королева Зимы не терпит, когда нарушают данные ей клятвы, и если она решила, будто он задумал схитрить…

– Ирэ, откликнись! – снова крикнула я, но услышала только вой ветра. – Ирэ!..

– Папа! – голос Ири был едва различим. – Не бросай нас!

Ничего. Только ветер воет, как целая стая голодных волков, а вдалеке звенят бубенцы… Бубенцы? Откуда бы взяться путнику в такую пургу?

– Па-а-па-а-а! – срывая голос, закричала Ири. – Верни-и-ись!

– Перестань. – Я крепче прижала ее к себе. – Это не простая метель, будто не видишь? Нам его не найти, если она не позволит, а она… мы ей не нужны, ты же понимаешь. Только он…

– Как фея, да?! – Дочь оттолкнула меня обеими руками и встала на пути у снежного порыва. – Хочешь забрать его одного, и хоть трава не расти? Тварь ты, сосулька мороженая! Хуже той мрази зазеркальной!

Не время было спрашивать, где и у кого Ири нахваталась таких выражений и жестов, и так ясно – у возчиков на постоялом дворе.

Ветер взвыл вовсе уж жутко и вдруг унялся.

Снег по-прежнему валил густыми хлопьями, но можно было увидеть хоть что-то окрест. Я, однако, не различала ни ближней рощицы, ни нашей упряжки, ни тем более Ирранкэ. Только впереди виднелся высокий силуэт, призрачный и зыбкий… По правде говоря, я могла бы принять его за забытое в поле пугало или одиноко стоящее дерево, если бы он не двигался к нам.

Не знаю, какого он (она? оно?) был роста: вроде бы и человеческого, но мне то и дело казалось, будто голова его касается низких туч. Силуэт помаячил впереди и вдруг

рассыпался снежными хлопьями, а звон бубенцов послышался совсем близко, так близко, что…

Я едва успела отскочить, схватив Ири в охапку, когда из снежной круговерти на нас вылетела пара серых в яблоко коней и стала, поводя боками и раздувая ноздри. Опрокинутые сани волочились за ними на боку, но они будто и не замечали неудобства.

– Это ж те самые, мама… – прошептала Ири. – Которых он продал…

Пристяжной коротко заржал, роя копытом снег.

– Ну-ка, помоги, хоть перевернем, – велела я, и в три приема мы смогли-таки поставить розвальни на полозья.

Кони не двигались с места, только снег все летел и летел с их белоснежных грив и хвостов.

– Ищите хозяина, – сказала я им, но они и ухом не повели.

– Мама, – Ири дернула меня за рукав. – Слышишь?

Снегопад будто глушил звуки, но я расслышала – где-то вдалеке кто-то звал меня по имени. Меня и Ири…

– Мы зде-е-есь! – заголосила она, подпрыгивая на месте. – Па-а-апа! Мы здесь! Сюда!..

Казалось, минула целая вечность, прежде чем мы увидели темную фигуру – это Ирранкэ брел едва не по пояс в снегу, волоча за собой пару гнедых, свесивших головы и едва передвигавших ноги.

– Думал, мерещится… – едва выговорил он, когда Ири кинулась к нему, но тут же перевел взгляд на серых жеребцов, тряхнул головой и повторил: – Мерещится…

– Ничего тебе не мерещится! – воскликнула дочь. – Где ты был? Мы кричали-кричали, а ты пропал!

– Не знаю, – ответил Ирранкэ. – На мгновение отвернулся – а вас уже нет. Шаг шагнул – там овраг какой-то, кони едва ноги не переломали, спасибо, я успел постромки обрезать, выкарабкались, и вещи я забрал… Бубенцы вдалеке звенели, но я подумал – пригрезилось, в такой метели чего только не услышишь. Вас звал – не дозвался, куда идти, не видел… Понадеялся, лошади хотя бы обратно к жилью выведут…

Он умолк.

– Я вас искал, – проговорил он, сглотнув. – Я искал… наверно, целую ночь… Только шаль твою подобрал, а вас будто вьюгой унесло, ни следа, ни…

– Какую ночь, о чем ты? – изумилась я. – Мы же только что вместе были, а потом… потом нас, похоже, и впрямь унесло. Уж думала, вовсе не найдемся!

– Это она, – тихо сказала Ири, вцепившись одной рукой в

пояс отца, другой – в мою руку. – Это королева Зимы устроила, точно-точно, кому же еще, как не ей? Это она так проверяла, на что мы горазды. Вправду ли папа хочет извести фею или думает сбежать подальше? А мы…

– Сможем ли мы ему помочь?

– Да.

Я вспомнила темную фигуру в развевающемся плаще из яростной пурги – показалось мне, или там, где у людей глаза, у нее сверкали синие искры? Что видела она, предвечная, существовавшая задолго до того, как на свет появился не то что первый человек, а первый алий? Ведь если они, согласно легенде, были созданы из первого снега, значит, снег появился раньше… И много-много лет следы на нем оставляли только звери да птицы, и только потом Создатель вдохнул жизнь в первого алия и его снежную деву…

Кем мы были для королевы Зимы? Крохотными козявками, которых ничего не стоит лишить жизни, – достаточно лишь дохнуть, и мы окоченеем, и найдут нас только по весне? Или все-таки чем-то иным? Непонятным и странным, да, ничтожным в сравнении с ее величием и могуществом, но… Ведь отчего-то же сама она не могла расправиться с феей, почему-то ей нужны были для этого простые смертные!

«Вредно слишком много думать, – вспомнила я слова бабушки Берты, – в особенности когда у тебя и без того дел по горло!»

«В самом деле, – ответила я мысленно, – раз уж так вышло, то деваться некуда, не оставаться же в чистом поле и не садиться верхами! Нет уж. Раз судьба свела меня с алием, значит, так тому и быть. А Ири, похоже, сама эту судьбу кличет».

– Едем, – сказал Ирранкэ, забросив наш скарб в розвальни и разобрав вожжи. Лицо у него, насколько удавалось рассмотреть, было белее снега. – Нельзя задерживаться.

– А этих куда? – спросила Ири, кивнув на наших лошадей.

– Отпусти. Не так далеко тут до постоялого двора, дойдут, – устало сказал он.

– Дойдете? – серьезно спросила она у напуганных усталых коней, обнимая их морды. – Дойдете, конечно же, умницы… Вот туда, по тропочке, да не сворачивайте никуда, ничего не пугайтесь, все звери попрятались. И бегите пошустрее, а то скоро снова метель начнется!

– По какой тропочке? – нахмурилась я, потому что видела только снежные заносы.

– Так вот же она, – указала Ири. Первый конь пошел сквозь наметенные сугробы, будто по утоптанному тракту, второй

последовал за ним. – Не видишь?

Я только головой покачала: где уж мне увидеть такое!

– Едем, – повторил Ирранкэ. – Забирайтесь. Время не ждет.

Глава 19

– Хотелось бы знать, что сталось с тем двумя, – мрачно произнес Ирранкэ, подобрав шапку Френа, – видимо, она зацепилась за что-то, раз не выпала, когда серые жеребцы опрокинули седоков. – Даже если живы остались, то по такой погоде…

– Да уж, если их вытряхнули где-нибудь в чистом поле, не завидую я им, – покачала я головой и покрепче обняла Ири.

Неутомимые кони несли нас сквозь сплошную пелену снега, и не удавалось рассмотреть, что там по сторонам. Вот вроде бы на пути встал темный ельник, но кони не свернули, помчались прямо на деревья, а те то ли расступились, то ли вовсе исчезли… Во всяком случае, ветки нас не хлестали, их вообще не было видно, а не может же быть лесная дорога такой ширины, чтобы мы и обочин не разглядели?

Потом мне почудилось, будто глухой стук копыт сделался звонче, и я решила, что кони скачут по замерзшей реке или озеру, – еще и полозья повизгивали, как бывает, когда сани едут по льду. Я невольно поежилась: не потому, что опасалась, будто чудо-звери могут провалиться в полынью, нет… Я боялась Владычицы вод. А ну как ей достаточно даже лунки, пробитой рыбаком? Или проруби, куда ходят белье полоскать? Или речного переката: пусть и они обледенели, но так вот ударит конь копытом, проломит лед, и…

Да нет, не успеет она нас догнать, внушала я себе, даже если и почует – все равно не успеет. Поди пойми, какими дорогами (или не дорогами вовсе) несутся кони Зимней королевы, которым не нужны поводья, где очутятся в следующий миг? Вот, кажется, мелькнули шпили какого-то замка, а может, это были горы? Никогда не видела гор, только не такие уж высокие лесистые холмы в нашей округе. Впрочем, как я уже говорила Ирранкэ когда-то, я в своей жизни вообще мало что видела: замок да деревня, да теперь вот немного попутешествовала… А что проку? Деревни всюду почти одинаковы, лес тоже, а каких-нибудь диковинок в наших краях отроду не водилось.

– Я думаю, Френ с гонцом все-таки живы, – вдруг сказала Ири, тоже о чем-то сосредоточенно думавшая.

– Почему ты так решила?

– Потому что кони волшебные, – серьезно ответила она. – Папа их по-взаправдашнему продал, он ведь сам сказал: они разве что прыть растеряют, но седокам не навредят. А что они

вернулись – так это потому, что доставили тех двоих куда надо, дело сделали, вот!

– А почему розвальни опрокинуты были, как по-твоему? – спросил Ирранкэ с неожиданным интересом.

– Так, наверно, когда гонец добрался до другого постоялого двора, то пошел в тепло, а Френ хотел коней распрячь, – пояснила она. – Тут-то они и вырвались… А что сани опрокинуты… ну, может, за ворота зацепились или за пень какой-нибудь. А может, Френ пытался их удержать, схватился за что попало, вот и… Тогда и шапку потерял! Вроде складно, а?

– Вполне, – вздохнул он. – Будем надеяться, так все и было.

– Не хочешь, чтобы на твоей совести еще две жизни оказались? – спросила я.

– Не хочу. Их и так уже слишком много. Взять хоть замок… Сколько людей погибло из-за моего болтливого языка!

Я молча согласилась: возразить было нечего. Держи себя Ирранкэ в руках, быть может, фея так и не узнала бы о моем существовании, а и узнала бы, не поняла, что именно я – хранительница ключа. А может, все равно догадалась бы? А если и нет, могла бы решить извести меня просто так, из ревности: как же, высокородный алий предпочел простую смертную фее, пусть и не чистокровной! В герцогском замке, бывало, соперниц травили, а то и подсыпали в пудру разную пакость, чтобы обезобразить лицо, подкупали горничных, чтобы те подлили в травяной отвар для мытья волос что-нибудь такое, после чего роскошные кудри становились похожи на паклю и вылезали клочьями.

Случалось, нанимали лихих людей, чтобы те подстерегли соперницу на пути из поместья и, как это называлось, «проучили», и хорошо, если при этом не изуродовали! А особенно запомнился случай, когда в коробочку с краской для век подмешали нечто такое… Словом, та фрейлина больше уже никогда не показывалась на люди: поговаривали, она ослепла, а кто-то уверял, будто снадобье вовсе выжгло ей сперва веки, а потом и глаза, и она сошла с ума от боли и ужаса…

Да… А у феи возможностей отомстить всяко больше, чем у обычной женщины, вдобавок она должна быть изобретательна до крайности, ведь недаром столько сказок рассказывают о выходках волшебного народа. Если такая за тебя возьмется – пожалеешь, что сразу не убила!

Под эти думы я сама не заметила, как задремала. Время, должно быть, уже было позднее, хотя я не представляла, сколько уже длится эта скачка. Странное дело, но голода я не ощущала, да и Ири тоже не просила чего-нибудь пожевать, хотя мы так и не

успели перекусить на постоялом дворе. Спасибо, пожитки уцелели, там хоть несколько сухарей и вяленина с сушеными ягодами найдутся…

– Мам, мама, смотри! – Ири теребила меня, навалившись сверху всей тяжестью, чтобы высунуться из розвальней. – Гляди же!

– Что там такое? – Я проморгалась и тоже посмотрела кругом.

По-моему, ничего не изменилось: снег да снег кругом, даже лошадиного топота не слышно, только шумное дыхание да звон бубенцов и различишь.

– Мы по облакам скачем! – с благоговейным восторгом произнесла Ири, глядя вниз.

Ну и я тоже взглянула, и тут же одной рукой вцепилась в дочь, а другой – в надежные сани. Хотя, если они опрокинутся, я все равно не удержусь…

Не знаю, где мы оказались, но Ири была права – кони мчали нас по облакам, белым как снег, который сыпался из них на землю, и таким же холодным.

Кое-где в разрывах туч виднелась земля: мне удалось разглядеть замерзшую реку – она петляла по лесу, – дымки над трубами небольшой деревни, а потом показались горные отроги. Казалось, будто кто-то взял и нарисовал их – я видела похожие картины у герцога, их ему привезли откуда-то из дальней восточной страны: белый шелк, а на нем черной и изредка красной краской несколькими штрихами изображены хижина, или древесная ветка, или птица на камушке у воды, или такие вот горы с заснеженными вершинами…

– Долина, – негромко сказал Ирранкэ. – Долина Владычицы вод в горах. Мы уже совсем близко.

– Правда, ты же показывал пещеры, а еще водопад… Откуда бы ему взяться на равнине? – припомнила я, как завороженная глядя вниз.

Конские копыта то и дело выбивали из облаков клочья, и те летели нам в лица, только чувствовались не как обычные снежные комья, а будто бы сгустки тумана или… Если поздней осенью в лесу угодить лицом в огромную паутину, всю усыпанную каплями дождя, она ощущается почти так же – одновременно и невесомо, и холодно, и липко.

А кони неутомимо неслись вперед. Здесь облачность была реже, и казалось, будто они перескакивают с одной вершины на другую… А еще в причудливых извивах облаков мерещились странные существа: то гигантские птицы с предлинными перистыми хвостами, то такие же кони, то псы с горящими глазами, а то и вовсе громадные облачные драконы, которых

никто никогда не встречал взаправду, но которых так любят высматривать в небе дети.

Всем ведь известно, что такие драконы редко показываются целиком, но если долго-долго смотреть на облака, можно углядеть большущую голову с пышной гривой, лапу, а то и все длинное гибкое тело: ведь у этих существ нет крыльев, они летят по воле ветра, как рыба плывет по течению – извиваясь всем телом и помогая себе хвостом. Особенно хорошо искать их на рассвете или на закате: солнечные лучи падают так, что заставляют драконью чешую нестерпимо блестеть, и вот тогда-то можно увидеть их целиком.

Кажется, я однажды заметила такого, давным-давно, когда шла поутру в деревню к матери. Огромный зверь вынырнул из-за дальнего леса – нежно-золотой и алый там, где его шкуру осветило восходящее солнце, густо-синий, воронено-стальной в подбрюшье – потянулся, выгнув спину, будто сытый кот, подобрался так же, по-кошачьи, прянул в небо и исчез, только сверкнуло… Я никому о нем не рассказывала, даже бабушке Берте и уж тем более маме: о таких чудесах лучше помалкивать – чем больше говоришь, тем сильнее истирается волшебное воспоминание, и уже самой начинает казаться, будто ничего особенного ты не видела, просто причудливое облако мелькнуло да и развеялось!

– Кажется, вот это место, – произнес вдруг Ирранкэ, вытянув руку.

Впереди, между двух хребтов видна была долина, небольшая, круглая.

– Наверно… – прошептала я и крепче прижала к себе дочь, когда кони ринулись вниз. – Но ты сказал, в чертогах феи царит вечное лето, а тут снег да лед кругом!

– Мам, фея же может устроить все, как ей угодно, – напомнила Ири. – А снаружи нипочем не угадаешь, что это ее чертоги… пока не войдешь.

– Верно, – кивнул Ирранкэ, а я промолчала.

Подковы ударили по глади замерзшего озерца, выбивая ледяную крошку, взвизгнули полозья, и сани наконец остановились.

Снежные кони стояли спокойно, будто и не мчались неведомо сколько по земле и по облакам. Разве только хватанули снега и принялись жевать, будто это была трава.

– Похоже, дальше они не пойдут, – сказал Ирранкэ, выпрыгнув на лед. – Или им просто нельзя туда… Там ведь жаркое солнце.

– А как же мы попадем во владения феи? – с интересом

спросила Ири, вылезая следом за ним и вытаскивая свои пожитки.

Я последовала за ней, проверив, ничего ли не забыли? Вроде все взяли, даже одеяла, мало ли, пригодятся?

– Этот водопад… – Ирранкэ острожно двигался по льду, скользил, как умелый танцор по натертому до блеска паркету. – Видите?

Я запрокинула голову: с уступа, нависающего над озером, свисали сосульки, такие длинные, что их острые кончики касались льда. На фоне черно-бурого, едва припорошенного снегом камня они казались острыми зубами неведомого чудовища, сомкнутыми до поры до времени.

– Замерз, надо же… Я убегал другим путем, но вошел именно в этом месте. Я помню вот этот камень. – Ирранкэ указал вверх, и я разглядела причудливой формы скалу, похожую одновременно и на лошадиную голову, и на птичий череп. – Такой же был описан в хрониках, и, хотя с тех пор ветры и дожди славно потрудились над ним, я отыскал эту примету. Вход должен быть здесь.

– Что же, дожидаться лета? – тихо спросила я. – В твоих видениях фея стояла возле этого водопада, а за ним была потаенная пещера, но тут ведь просто камень… Зимой фея здесь не появляется, так? И, наверно, нужна именно текучая вода, а не замерзшая?

– Ты не поняла. Я здесь вошел… можно сказать, в прихожую. А в чертоги уже провела меня она сама. Водопады похожи, словно отражения, только и разницы – над тем, вторым, нет такой скалы.

– А еще там есть круг камней, – вставила Ири. – Когда ты показывал воспоминания, ну, о том, как отпускал коня, я удивилась: снаружи осень, а внутри круга – нет.

– Именно.

– Значит, если пройти дальше, там по-прежнему будет лето?

– Возможно. Я не знаю, что фея может придумать, – вздохнул Ирранкэ, – но она говорила, что в ее владениях никогда не заходит солнце и не наступает зима. Но что проку гадать? Давайте-ка разберем и разделим пожитки.

– Зачем? – удивилась Ири.

– В чертогах фей ничего нельзя есть и пить, – напомнила я.

– Но папа же ел? Иначе как он прожил там столько лет? – удивленно ответила она.

– Я же не человек, звездочка, – тихо сказал он, – хотя и мне не стоило этого делать, но… иначе я бы не выжил. Сила королевы Зимы выморозила эту отраву, и снова пробовать яства фей я не собираюсь. И вы не вздумайте соблазниться ни чистой водой, ни ягодами, ни дичью только что с огня!

– Да у нас с собой всякого-разного хватает, – ответила Ири, порывшись в котомках. – Только во флягах пусто, не успели воды набрать, так торопились…

– Снега натопим, – сказала я. – Раз уж мы на месте, час-другой значения не имеет, верно?

Ирранкэ кивнул и двинулся вдоль водопада, прикасаясь кончиками пальцев то к одному ледяному зубу, то к другому, словно бы пробовал, насколько они остры.

Натопить снега – легко сказать! Его полным-полно кругом, небольшой котелок у нас с собой имеется, но как разжечь огонь? Из чего? В розвальнях даже соломы нет, а кругом лишь голые камни… А если греть руками – это сколько ж времени уйдет?

– Просто натолкай снега внутрь, – сказала я Ири. – Сам растает.

– Только выйдет совсем мало, – вздохнула она.

– А что поделаешь?

Вместо ответа Ири взяла флягу и пошла к коням, которые так и не двигались с места. И, хоть было холодно, от их спин не поднимался пар, хотя они должны были быть разгорячены после долгой скачки. Нет, только снег летел и летел с долгих грив…

– Надыши мне воды, лошадка, – услышала я голос Ири. – Чего тебе стоит? Мне и маме с папой. Смотри только, чтобы фляги не разорвало!

Конь вдруг тяжело выдохнул, и мне показалось, будто из ноздрей у него пошел пар. И тут же фляга у меня в руке отяжелела, я едва не выронила ее, а когда посмотрела, едва не расплескала воду – фляга была полна по самый край.

– Хватит же? – деловито спросила Ири, затыкая свою флягу пробкой. – Не на всю ведь жизнь мы там останемся, правда, папа?

– Конечно, нет, – ответил он, глядя вперед, на острые ледяные клыки, и не добавил, что жизни той, быть может, осталось всего ничего.

Я чувствовала – он не хочет идти туда. Ему страшно. Он уже побывал во владениях феи и едва вырвался живым, а теперь… теперь он не один, и от этого только хуже.

– Марион, – Ирранкэ повернулся ко мне, – послушай меня. Потом может не найтись времени… И ты слушай, Ири! Если удастся не просто миновать этот водопад, но и найти второй, за кругом камней, и войти в чертоги феи, то запомните вот что… На другом краю ее владений, возле еще одного небольшого озера, есть причудливая скала, сплошь поросшая вьюнком и дикими розами, под их плетями и скрывается дверь. Она почти неотличима от дикого камня, но ее можно разглядеть – трещины обрисовывают дверной проем. Ну а где дверь, там и замок.

Достаточно приставить ключ черенком к скважине и уронить каплю крови, чтобы он прирос на место.

– И мы сможем запереть эту дверь навсегда? – живо спросила Ири.

– Не знаю… – Ирранкэ опустил голову. – Не уверен, способен ли на это смертный.

– А она сама? Ты же говорил, она должна была сделать это, она выпросила себе это право, – напомнила я.

– Да, и она все еще может сделать это. Только… – он усмехнулся, – ее нужно заставить. Или умолить. Этим займусь я. Марион… Думаю, мы не увидимся больше.

– Мы и прежде виделись нечасто. – Я невольно утерла глаза, а он взял мое лицо в ладони.

– Я знал, что ты жива… Что будет теперь, даже представить не могу. И девочка… Я…

Никогда прежде мне не доводилось видеть, как плачут алии. Вот так – глядя глаза в глаза, и слезы медленно, одна за одной катятся по белым от холода щекам, замерзают и падают льдинками в снег, которого уже намело по колено… А губы – теплые, обветренные и теплые…

– Мы же все вместе пойдем, правда? – спросила Ири, схватившись за нас.

– Конечно, – ответил Ирранкэ, выпустив меня и взяв ее за руку.

– А кони?

– Я же сказал – им нельзя туда, растают, – напомнил он. – Готовы? Все взяли?

Я кивнула, Ири тоже, и я покрепче взяла ее за руку.

– Идем…

Одно слово, один шаг, мгновение тишины и пустоты – и моего лба коснулся теплый ветерок.

Глава 20

Я открыла глаза – шагнула-то зажмурившись, хоть и собиралась храбро смотреть в лицо опасности, – но вокруг не было ни чудовищ, ни прекрасной феи… Никого.

– Ири… – прошептала я, глядя на пустую ладонь, за которую только что изо всех сил цеплялась дочь. – Ты где?!

Стоило оглядеться, чтобы понять – звать бесполезно. Кругом расстилались зеленые луга, солнце пригревало, и не было видно ни единой живой души. Ни птицы в небе, ни кролика, ни хотя бы стрекозы или бабочки…

И тишина. Мертвая тишина, даже шелест травы под легким ветерком не нарушал ее, а лишь подчеркивал, и ужас пробирал до костей – что же это за место, где даже комары не зудят?

Я хотела еще раз позвать дочь, но прикусила язык. Нельзя шуметь, неизвестно, кто может явиться на мой голос…

Где же они?! Создатель, только бы Ири была с отцом, а не одна-одинешенька! Да лучше бы ей остаться возле лошадей, те всяко не дали бы ее в обиду, уж это-то я понимала… Но здесь, во владениях феи, как знать, что та могла удумать для незваных гостей?

Невидимое солнце пригревало, и я размотала шаль, бросила было ее на траву, утерев пот со лба, но тут же спохватилась. Даром, что ли, бабушка рассказывала мне сказки о знатной девице, возмечтавшей увидеть разом всех четырех королев и добившейся своего? О, королевы Весны и Лета одарили ее теплом и лаской, душистыми цветами и сладкими ягодами, но, собирая их, девица бросила шубку и сапожки, так ей сделалось жарко… Ну а королева Осени пришла не только с урожаем сочных яблок, но и с холодным ветром и проливным дождем, от которого не спасало легкое платьице, а облетевшие деревья не могли защитить от непогоды. Бедная девушка пыталась укрыться в опавших листьях, но королева Зимы уже сделала шаг, и вода сделалась льдом, и кровь застыла в жилах, и дерзкая смертная навсегда осталась там, куда привело ее опрометчивое желание…

«Глупая какая, – сказала мне Ири, дослушав сказку, – зачем было зарываться в листья? Они же мокнут и гниют! Надо искать хвойник, под елью не намокнешь и не замерзнешь».

Ири…

О чем я думаю?!

Ах да, о жаре… Такой зной, что дышать трудно, но нельзя просто взять и бросить теплую одежду. Как я тогда подумала? И дочь на закорках унесу, если придется, так что мне тючок с этим тряпьем?

В одной рубашке было куда как свободнее дышать, а вот разуться я не отважилась: Ири была права: я давно разучилась ходить босиком, вдобавок не знала, водятся ли здесь ядовитые змеи или еще какие-нибудь ползучие твари… Нет, лучше не рисковать!

Подумав, я и штаны, которые мы поддевали под юбки для тепла, снимать не стала, а заправила в них рубашку и подпоясалась как следует. А то так вот придется бежать, как Ирранкэ в его воспоминаниях, по камням – и что, цепляться одеждой за все подряд? Еще и не вскочишь разом, если упадешь и запутаешься в собственном подоле! А что в сукне жарковато, ничего, переживу.

Помнится бабушка всегда приговаривала, мол, жар костей не ломит, и накидывала шаль даже теплыми летними вечерами… Я

тогда думала, она просто все время мерзнет, как большинство пожилых людей, и боится даже легонького сквозняка, но что я понимала в том возрасте?

Увязав вещи, я огляделась, думая, куда же идти. Всюду, куда достигал взгляд, простирался зеленый луг, ровный, будто лужайка в дворцовом саду. Я даже скал не видела, а ведь мы должны были миновать их! Не было ни водопада, ни озера, ни единого деревца или кустика не маячило окрест… Небо же оказалось чистым, ярко-голубым, без единого облачка, и, хоть солнца здесь не было, чувствовалось, что оно только-только перешло зенит, и дальше жара должна еще усилиться.

«Ключ, – вспомнила я. – Может быть, он укажет дорогу? Но что делать, если он укажет ее не мне одной и приведет ко мне фею? Разве я справлюсь с нею в одиночку?»

Что ж… Вот место, на котором я очнулась. Я точно помню, что посмотрела прямо перед собой и увидела куртинку розового клевера. Клевера тут было предостаточно, но следы мои отпечатались на траве именно перед этим кустиком. Значит, спиной я стояла к замерзшему водопаду, через который мы сюда угодили. Вот только я должна была найти другой водопад, за кругом камней, но здесь не было ни того, ни другого. И как быть?

Так или иначе, мне нужно найти озеро, которое скрывает проход в заветную долину, или, если я уже внутри (а кто знает, как шутит фея?), то скалу, в которой находится дверь, не важно! Не стоять же на месте? Пойду прямо да прямо, куда-нибудь выйду… Ирранкэ говорил, долина не слишком велика, неужели не одолею такого пути?

Только как угадать, не начну ли я ходить кругами? Ири меня предупреждала, когда мы бродили по лесу: люди обычно начинают забирать вправо или влево, хотя уверены, будто идут прямо. Ну а потом (если их найдут или они сами сумеют выбраться) рассказывают байки о том, как их лесной хозяин заморочил и не давал выйти с какой-то заветной полянки.

Но то лес, там хоть по деревьям можно примечать путь – здесь дупло большое, тут замшелая коряга, похожая на чудовище, там сучок сломлен или бортник засечки оставил, – да хоть лоскуты на ветки привязывать! И солнце видать, по нему тоже можно понять, в ту ли ты сторону идешь. Даже в самый пасмурный день и то угадаешь, где оно сейчас за тучами прячется. Ну а в проливной дождь лучше найти укрытие под той же елью да пересидеть. Нет, Ири права – чтобы в лесу пропасть, нужно быть совсем безмозглым. Даже я, всю жизнь прожившая в замке, лишь изредка выбиравшаяся в деревню, и то в гости, всяко протянула бы несколько дней, если бы дикие звери не съели…

Здесь так не выйдет. В этом месте солнца не было, и словно бы само небо изливалось послеполуденным жаром на цветущий луг. Я помнила, здесь никогда не наступает ночь, значит, луны и звезд я тоже не увижу, не смогу искать дорогу по ним… Правда, так только опытные путешественники умеют, но даже мне по силам выбрать звезду поярче и не сводить с нее глаз.

И как быть? Разве только притаптывать траву посильнее да оглядываться на свой след – прямо ли идет. И долго тот след удержится? Трава распрямится, ветер ее растреплет, вот и все. Да и видно-то ту тропинку за сотню шагов, вряд ли больше!

Однако стоять на месте не годилось – время шло, а от моих раздумий ничего не менялось. Пойду куда глаза глядят, решила я. Ирранкэ говорил, долина не особенно большая, и даже если я оказалась в самой ее сердцевине (а где же еще, если не вижу окружающих гор?), то рано или поздно дойду до края. Ну или хоть что-нибудь приметное увижу, все легче будет…

«Нечего рассуждать да переливать из пустого в порожнее, когда у тебя работы невпроворот, – снова вспомнила я бабушкины слова. – Глаза боятся, а руки делают! Чем выбирать, за что первым браться, возьмись хоть за что-нибудь, а потом – за следующее. Одно, второе, глядишь – уже все и переделано, на завтра ничего не осталось!»

– Конечно, бабушка, – сказала я одними губами. – Ты дурному не научишь, мне ли не знать…

Страшнее всего сделать первый шаг, но я все-таки заставила себя переступить кустик клевера – в обычном мире на его пышных соцветиях давно трудились бы деловитые шмели и пчелы, но здесь не было насекомых. Странно, Ирранкэ ведь упоминал о комарах! Снаружи царит зима, верно, но неужели за много лет бабочки и пчелы не приноровились к вечному лету в этой долине и не перестали засыпать по привычке? Ирранкэ попал к первому водопаду осенью, я ведь помню его видения, и комаров тогда уж точно не было, а вот возле второго они роились. И лягушки квакали, точно, а сейчас, повторюсь, не было слышно ни звука, кроме посвиста ветра. И что это может означать?

«Прекрати, Марион, – одернула я себя. – Нашла время размышлять о букашках-таракашках!»

Выбросив из головы бесполезные мысли, я двинулась вперед.

Странное это было путешествие – под раскаленным летним небом, по нескончаемому разнотравью… Обернувшись, я видела, как мой след исчезает, когда примятая трава распрямляется – слишком быстро. По обычной поляне этак пройдешь с утра, а вечером все равно заметишь, где шел, если только не прольется сильный дождь. Так или иначе, я уже не смогла бы найти то

место, откуда начала путь: хоть считай шаги, хоть не считай, а когда не за что зацепиться взглядом, кажется, будто топчешься на месте. Или в самом кругами ходишь, все едино.

Я даже нарочно обрывала травяные колоски (старая детская забава, игра в «петух или курица»), соцветия клевера, ромашки, но что толку? Шаг в сторону – и ты уже не увидишь загубленного растения, оно скроется среди других… Этак с косой нужно идти или хотя бы серпом, выкашивать себе дорожку, чтобы не заблудиться!

Но чего не было, того не было, и я просто шла вперед. Хотелось пить, но я помнила, что воду нужно беречь, а потому терпела, сколько могла, лишь изредка смачивая пересохшие губы: наполнить флягу негде, и даже если я выйду к озеру, то не рискну пить из него. Дети – и те знают, что нельзя прикасаться к еде и питью в чертогах фей, чтобы не позабыть себя, да и Ирранкэ напомнил… Он, правда, справился, не потерял память, но он ведь алий, не человек, – люди намного слабее, их проще заморочить. А он вдобавок из непростого рода, и пускай даже знания позабыты – кровь-то та же, хоть и порядком разбавленная. Вон как у меня – в моих жилах крови Короля-чародея, наверно, меньше капли, а какие-то способности сохранились. Если можно их так назвать, конечно, и если Ирранкэ не приукрасил, чтобы приободрить меня! Может, способность общаться с животными передалась Ири как раз от него, я-то прежде не замечала в себе ничегошеньки особенного…

Я запрещала себе думать о дочери, иначе впору было рухнуть наземь и зарыдать, призывая кару Создателя на это проклятое место! Нет, я просила его о милости для Ири, как умела, но не вслух: станешь много болтать, во рту пересохнет, а воды мало, и даже какую-нибудь кислую травинку не пожуешь, нельзя. Да и упоминать о дочери тоже не годилось: вдруг фея все еще не знает о ней? Обо мне Ирранкэ проговорился, верно, но дочь-то мы прятали, как могли… Конечно, если и она угодила во владения Владычицы вод, то та легко догадается, что за ребенок пришел вместе с алием-предателем и смертной женщиной, но…

«Может и не догадаться, – пришло мне в голову. – Это же фея. Они мыслят не так, как люди. Правда, Ири очень похожа на отца, но кто сказал, что феи и видят так же, как мы? Хотя нет, это нужно быть слепой и слабоумной, чтобы не заметить сходства и не сложить два и два! Ты просто успокаиваешь себя, Марион, потому что все равно ничего не можешь поделать…»

А что мне оставалось? Вот разве что снова и снова думать о том, что можно позвать фею и предложить ей ключ в обмен на наши с Ири жизни! А может, даже и жизнь Ирранкэ, хотя мне

слабо верилось в то, что Владычица вод отпустит обманщика, жестоко надругавшегося над ее чувствами, даже и в обмен на великую ценность…

«И вас не отпустит, – снова сказала бабушка. – Забыла, чья кровь течет в ваших жилах? Бестолочь!»

«Нет, не забыла, – мысленно ответила я. – Но я ведь и не знала об этом, пока Ирранкэ не сказал. Внучка герцогского бастарда, что с того? Мало ли таких… И хорошо, что фея об этом не знает! Узнала бы – извела весь герцогский род от мала до велика. В этот раз им повезло, остались без крова, но хоть живыми, а вот если она за них возьмется всерьез…»

«О себе и дочери подумай, – строго произнесла бабушка. – А уж потом о герцоге с чадами и домочадцами. Его есть кому защитить, а у Ири – только ты. Ну, еще этот алий малахольный… Нашла с кем связаться, право слово! Приличные люди ведь замуж звали, так нет же, серебра нам не надобно, за колдовским ледяным цветком потянулась! Пальцы-то не обожгла? Или еще что-нибудь?»

«Какой же он колдун?» – удивилась я.

Но и верно ведь, по легенде алии созданы из снега, а он еще как может обжечь! Да только вот ночевать в снегу тепло, если устроиться умеючи.

Правду говоря, сейчас я с превеликой радостью вернулась бы в зимний лес: там все было простым и понятным, и родным, а Ири могла договориться с волками и попросить птицу проводить нас коротким путем… Может быть, я и сама бы сумела столковаться с той волчицей, ведь Ири говорила – та меня понимает и даже отвечает! А здесь и договариваться не с кем…

«Нечего себя жалеть, – одернула бабушка. – Ты не знатная девица, некогда тебе такой ерундой заниматься. Если натворишь глупостей я, так и быть, тебя приголублю… после того, как вложу заднего ума. А сама – давай-ка за дело. Руки-ноги на месте, голова на плечах имеется. Плечи крепкие, ноги сильные, небось, и не такое выдержат!»

«Сама себя не пожалеешь – никто тебя не пожалеет! – огрызнулась я. – Ты только в памяти моей живешь, так что… все самой делать придется».

«Оно, конечно, иной раз и полезно размякнуть да повыть, как в деревнях делают, – вдруг согласилась бабушка. – Вот матушку твою взять, к примеру: сядет у окошка, щеку рукой подопрет да и заведет во весь голос – ох, бедная я, несчастная, да за что ж мне такая жизнь-то? И младшие дочки с внучками подхватывают… Но, тут уж ее не упрекнешь: поплачет-поплачет, себе да детям носы утрет, встряхнется – и снова по хозяйству хлопотать, потому

как соседка не придет и за нее всех дел не переделает!»

– Вот именно, – пробормотала я, облизнув пересохшие губы. – Никто, кроме меня, не управится. Дверь за ключом не ходит, стало быть, хочу я или нет, а идти придется. Только куда, а?

Я огляделась – вокруг простирался все тот же цветущий луг. Ни приметного куста, ни хоть камня какого-нибудь, не за что зацепиться взгляду. Глаза слезились, как бывает на очень ярком солнце, но тут-то солнца не было, белесое небо – оно будто накалилось за то время, что я провела в этом месте, – само изливало свет на землю, и от этого ненастоящего, неживого света тянуло зажмуриться. Над травой дрожало марево, как бывает в самую жару, в безветрие…

«Постой-ка, Марион, – сказала я себе. – Не иначе, тебе голову напекло… Какое же безветрие, трава колышется!»

В самом деле, я ощущала легкое дуновение ветерка – он приятно касался разгоряченного лица. А что же такое в том месте, почему воздух колеблется, будто над раскаленной плитой на кухне у Катрины?

Наверно, не стоило приближаться. Будь у меня под ногами тропинка, я не сошла бы с нее, но теперь… Шаг-другой в сторону не имел никакого значения, я ведь вовсе не знала, в нужном ли направлении иду!

Я подошла, но ничего не увидела, хотя жар ощущался на расстоянии вытянутой руки, будто из земли поднимался огенный столп. Вот только его не было видно… Ан нет! Трава пожухла, стебли не просто увяли от зноя, а даже и высохли, а кое-где обуглились, и даже земля растрескалась, как бывает только в самое страшное пекло… В самой же сердцевине большого куста клевера (он тут доставал мне до колена, а то и выше), теперь поникшего и иссохшего, лежало крохотное, не больше пальца длиной создание, белое, будто выточенная из кости дамская безделушка. Это оно пылало, иссушая все кругом, но не сгорая…

– Что это еще за диво? – пробормотала я, став на колени и разглядывая диковину. Не могу сказать точно, на что походило это существо, по-моему, на ящерицу, но какую-то странную.

«Не трогай всякую дрянь, – сказала бабушка. – Она тебе не мешает, за пятку укусить не норовит, так оставь ее и иди по своим делам!»

– Но здесь больше нет никого живого, – ответила я, будто она могла меня услышать. – И эта ящерка… она, кажется, умирает.

В деревне у матушки я возилась и с цыплятами, и с поросятами, и с козлятами-телятами, и обычно чувствовала, если кто-то из них не жилец. Ири – та сразу могла это определить, с одного взгляда, а еще могла помочь даже совсем безнадежным с

виду. Ее звали на псарню, когда щенилась лучшая охотничья сука: жаль было терять дорогих кутят, а Ири могла отогреть в руках даже самого безнадежного малыша и удержать жизнь, норовившую угаснуть и не начавшись толком…

Я протянула руку и не обожглась, хотя почувствовала жар. Ящерка легко уместилась у меня на ладони – крохотные лапки поджались, хвостик свернулся кольцом, жемчужно-белая чешуя едва заметно поблескивала, а глаз я не видела вовсе.

– Будто изо льда выточена, – сказала я самой себе. Ладонь припекало, будто я держала пирожок только что с огня. – Но разве лед может обжигать? Тьфу ты, сама ведь недавно об этом думала… Еще как может!

Я осторожно дотронулась кончиком пальца до хребта ящерки – лапки судорожно дернулись, но и только. Рука моя сама потянулась за флягой – воду нужно было беречь, но сколько нужно такой крохе? Капля, две?

Белая чешуя впитала влагу, как сухой песок, и каплю, и вторую, и третью… И вдруг замерцала опаловым блеском, а на пятой капле на чешуйках полыхнул ослепительно-синий отсвет, а ящерка расправила скрюченные лапки и вытянула тонкий гибкий хвост – такой длинный, что она могла обвить им мое запястье.

– Как ты сюда попала? – шепотом спросила я, плеснув немного воды на руку.

Крохотные, с просяное зернышко черные глазки сверкнули, ящерка припала к впадинке на моей ладони, как лошадь к колоде, осушила ее, а потом вскинула точеную головку и фыркнула, пустив пар из ноздрей. Хотя, возможно, мне показалось.

– Надо идти, – сказала я, сделав глоток из фляги и поднявшись на ноги. – Оставить тебя здесь или?..

По правде говоря, мне хотелось взять ящерку с собой: пускай это не собака и не лошадь, но все-таки живое существо рядом!

Конечно, ответить она не могла, но, когда я опустила руку к земле, еще крепче обвила хвостом мое запястье и вцепилась лапками в ладонь. Спасибо, не когтями.

– Оставаться, значит, не хочешь, – поняла я. – Тогда полезай на плечо или на голову, не занимай руку, мало ли что!

Кажется, она поняла меня: стоило поднести руку к плечу, как ящерка перебралась на него и устроилась на котомке, зацепившись хвостом за прочную лямку. Что ж, пускай сидит, не утянет меня такая крохотулька!

Глава 21

Где мог оказаться Ирранкэ? На другом краю долины? Или… помнится, фея говорила, что внутри своих владений может превратить озеро в бушующий океан. Но мы ведь не миновали

второй водопад! Или миновали, сами того не заметив, долго ли фее заморочить голову не то что смертному, но и алию!

Вдруг ей ничего не стоило отправить каждого из нас в собственный маленький мирок? Вдруг в том, что предназначен для меня, нет ничего, кроме этого самого луга, палящего зноя и едва заметного ветерка? Может, весь это мирок и места-то занимает не больше, чем обычная лесная полянка, просто я не могу выглянуть наружу и посмотреть, насколько он велик! Иду себе да иду, а трава стелется и стелется под ноги…

Наверно, белка в колесе тоже бежит вот так, пытаясь выбраться наружу, да только ей невдомек, что выхода нет. Пока человек не откроет дверцу, ей из колеса не выбраться, и не важно, будет она бежать из последних сил или упадет бездыханной… Так и я стану шагать до полного изнеможения, а на самом деле останусь на прежнем месте! Может, я и вовсе никуда не иду, а лежу где-нибудь под скалой, а все это мне мерещится? Если фея способна показать гостю красоты чужих миров, что ей стоит заморочить простую женщину?

– Похоже, мы угодили прямо в расставленные сети, – пробормотала я, остановившись. Ящерка перебралась мне на голову и теперь свесилась вниз, заглядывая мне в глаза. – Ну, что смотришь? Ты тоже придуманная?

Вместо ответа ящерка извернулась и чувствительно цапнула меня за ухо, я даже ойкнула от неожиданности.

– Будешь так себя вести, ссажу вон на тот куст, и сиди, жди других попутчиков, – пригрозила я и осеклась: только что тут не было никакого куста.

Я никак не могла его не заметить, он был с меня высотой, раскидистый… Вроде бы ракита, а вроде и нет, не поймешь.

– Значит, я верно поняла: это все фея устраивает, – добавила я. – И хотелось бы все же знать – ты тоже ее творение или нет? Ай, не кусайся, не то правда брошу!

По-моему, ящерке не слишком нравилось, когда я упоминала о фее, а еще – когда сомневалась в реальности неожиданной попутчицы. А как тут не усомниться? Да, ящерку можно потрогать, она кусается, но я точно так же могу прикоснуться к траве, оцарапаться о сломанную веточку на кусте, обжечься о крапиву… Тут нужно быть волшебником, чтобы распознать, какая вещь настоящая, а какая – нет!

– Но, на нашу беду, чародеев рядом нет, – мрачно произнесла я, обращаясь к ящерке. – Если не считать меня, но у меня с волшбой как-то не задалось, не обучалась я такой премудрости!

«А память крови на что? – спросила бабушка. – И ключ волшебный? Недаром ведь он именно тебе доверен!»

«Что от него проку? Разве только действительно позвать фею и положиться на ее милость… да только что-то не тянет!»

«Это верно, – согласилась она. – Избави Создатель от милости фей пуще, чем от гнева их!»

Я замешкалась на ходу, чтобы поправить котомку, а когда обернулась, куста не было. И я совсем не удивилась, когда снова наткнулась на него через какое-то время. Чтобы проверить свои догадки, я привязала на ветку лоскуток – и верно, еще через полторы сотни шагов опять пришла к этой злосчастной раките.

– Значит, хоть иди, хоть беги, а выхода не найдешь, – пробормотала я и присела под кустом.

Ноги гудели, вдобавок уже ощутимо хотелось есть, и я решила немного отдохнуть и перекусить.

Ящерка соскользнула с моей головы, метнулась на ракиту, мгновенно обежала куст сверху донизу, но, видно, не нашла ничего интересного и вернулась ко мне. Ни порядком заветрившийся сыр, ни вяленое мясо ее не заинтересовали, а вот вода – еще как. Я опять могла наблюдать, как потускневшие и будто выгоревшие на жаре чешуйки наливаются опаловым блеском, а ящерка… она заметно подросла! Точно-точно, недавно она умещалась у меня на ладони с хвостом вместе, и еще место оставалось, а теперь стала вдвое длиннее.

– Ты ни в какого зверя-живоглота не вырастешь? – опасливо спросила я.

Кто-то из придворных, бывавших на дальнем юге, рассказывал, что в реках там водятся громадные ящерицы. Охотятся они просто: поджидают скотину у водопоя – им ничего не стоит утащить под воду не то что теленка, а даже и взрослого быка! Что уж о людях говорить – человек таким тварям на один укус… Тот придворный показывал череп зверя-живоглота, говорил, что это был молодой, такой, что смог бы схватить разве что ребенка или козу, но и то зубы впечатляли!

Но ответить мне ящерка, понятное дело, не могла, только блеснула глазками-бусинками. Я снова потрогала ее кончиком пальца и вдруг вспомнила опаловое ожерелье вдовствущей… то есть уже покойной герцогини. Это был свадебный подарок от посланника с востока, верно, и уж как приходилось ухаживать за этим украшением, я знала не понаслышке! Опалы нельзя хранить в сухости, от этого они тускнеют и даже могут потрескаться, им нужна влага, поэтому лучше всего носить их почаще и поближе к телу. Эту повинность и выполняли молодые горничные, поскольку с годами герцогине стало не по возрасту носить такое ожерелье, тем более с глубоким декольте. Вот и приходилось надевать его на девушек: пока те прибирались в покоях или

помогали госпоже одеться, опалы успевали… хм… увлажниться. Я тоже несколько раз носила это украшение, потому и вспомнила…

Вот и ящерка, кажется, на жаре высыхала – чешуя тускнела и делалась будто пергаментной, но достаточно было пары капель воды, чтобы она снова засияла. Обычно ящерицы любят греться на солнце, но вытащи из воды тритона – он вряд ли обрадуется!

– Если ты из водяных жителей, то как тебя сюда занесло? – спросила я вслух. – Хотя… перепонок на лапах у тебя нет, и жары ты не то чтобы боишься, иначе давно спряталась бы в тенек или вон в котомку. Случайно угодила, когда мы сюда вошли? Наверно, давным-давно залегла в спячку где-нибудь под камушком у водопада, зима ведь в разгаре… А когда нам проход открылся, так и тебя затянуло? Наверно, так и было, иначе откуда тебе взяться?

Я встала и потянулась, потом снова сказала вслух (уж и не знаю, что хуже – разговаривать с давно умершей бабушкой или с ящерицей?):

– Пойдем дальше или тут останемся? Конечно, на одном месте сидеть глупо, да только идти, чтобы оставаться на этом же самом месте, – тоже не слишком-то умно! Или, может, если побежать, я все-таки попаду куда-нибудь еще?

Конечно, ящерка ответить не могла, а идею пробежаться я отмела: ну какой из меня бегун?

– Жаль, что я с тобой никак не могу договориться, – продолжала я, закинув котомку на спину.

На этот раз я решила ходить именно что кругами, стараясь не терять из виду ракитовый куст, – пускай он будет в центре окружности, а я попробую понять, как далеко могу отойти, не угодив на прежнее место. На самую макушку, пригнув ветки, я снова привязала тряпку, на сей раз побольше – оторвала от подола рубашки. На ветерке этот флажок развевался, всяко заметишь… Правда, белые знамена поднимают, сдаваясь на милость победителей, но я подумала, что фее-то это без разницы, какое ей дело до человеческих обычаев?

– А вдруг ты все-таки поможешь? – спросила я, когда ящерка ловко взобралась по моей штанине, перелезла на плечо, да там и осталась. И славно, на голове она бы мне теперь мешала. – Раз ты любишь воду, так, можешь, поищещь ее? Здесь должно быть озеро, но я не знаю, как до него добраться. Вдруг учуешь?

Разумеется, ответа я не дождалась и тронулась в путь, стараясь держать куст с развевающимся лоскутом на ветке в поле зрения, и это мне даже удавалось, хоть и шея уставала – все время озираться или смотреть в одну сторону не очень-то удобно. Хорошо еще, луг был не особенно кочковатый, а то споткнешься

вот этак или в чью-нибудь норку наступишь и сиди потом с подвернутой ногой…

Мне показалось, я всего-то на мгновение отвлеклась, посмотрела перед собой, а когда повернулась, не увидела куста. Вот только что он маячил почти на пределе видимости, светлая тряпочка развевалась на ветерке… и нет ничего.

Я догадывалась, что скоро снова увижу эту клятую ракиту, может, справа, может, слева, но от бессилия все равно тянуло сесть и разреветься, как в детстве от жестокой обиды.

«Но ведь так нечестно! – подумала я, утирая непрошеные слезы рукавом. – Что я должна сделать? Что я могу сделать? Ничего! Я не волшебница, я не знаю, как отсюда выбраться, где искать дочь…»

«И что же, ты намерена лечь и умереть от голода и жажды? А фея пускай любуется?» – спросила бабушка.

«А ты что посоветуешь? – обозлилась я. – Бродить кругами и тыкаться в невидимую стену, словно овца с вертячкой?»

Ответа, конечно же, не последовало. Я уж хотела двинуться дальше, как вдруг почувствовала – ящерка не сильно, но настойчиво покусывает меня за правое ухо.

– Чего тебе? – устало спросила я. – Воды? Мало ее, потерпи… Ай!

Я стащила ящерку с плеча – теперь ее и в кулаке-то не зажмешь, великовата стала – и прислушалась. Откуда-то справа мне послышался скрип колодезного ворота и плеск воды, и вроде бы даже мычание, бряканье коровьего ботала, человеческие голоса!

– Лишь бы не померещилось, – выговорила я, посадила ящерку обратно на плечо и со всех ног кинулась в ту сторону.

Луг, прежде ровный, как стол, вдруг превратился в косогор, совсем как за деревней, у дальнего леса. И я, остановившись на этом косогоре, вдруг увидела знакомые крыши, вон та – это матушкин дом, ее подворье… Неужто фея отправила меня восвояси? Вдруг ей и такое по силам?

«Окстись, дурья твоя голова! – сказала бабушка. – Лето на дворе, а должна быть зима. И не говори, что в чертогах фей время идет, как ему вздумается, и уже полгода миновало, не меньше… Вдобавок мать твоя с отчимом недурно зажили, вторую лошадь купили, корову, так почему хлев старый и конюшня тоже?»

«В самом деле, – сообразила я, – время-то ладно, за ним тут и впрямь не уследишь. А вот постройки… У дома крыша старая, а ведь ее этим летом перекрыли, я точно помню. И пристройку сделали, и забор поменяли, еще с соседями ругались, когда те заявили, дескать, мои-то на полшага на чужую землю залезли…»

Но что мне оставалось делать, стоять и смотреть? Нужно было спуститься и хоть взглянуть, куда меня занесло! Я и пошла вниз, даже не подумав, как деревенские на меня посмотрят, в этаком-то виде – в нижней рубашке, да мужских штанах, да в зимних ботинках по летнему времени… А никто косо не взглянул (пускай попалось мне только трое), и это убедило меня – деревня мне мерещится, и матушка, сноровито вытаскивающая полное ведро из колодца, тоже не настоящая.

– Марион! – широко улыбнулась она, повернувшись и увидев меня. – Ты что ж совсем о нас позабыла, не приходишь? Хоть бы весточку с кем прислала, а то вовсе пропала…

Настоящая матушка, увидев меня в таком наряде, уронила бы ведро (и хорошо, если не мне на ноги), всплеснула руками и схватилась за голову, а потом принялась выспрашивать, что со мной такое приключилось. И другие соседки бы не отстали: у колодца всегда останавливались поболтать, уж две-три сплетницы непременно найдутся!.. Но сейчас тут никого не было, и это тоже настораживало: по воду обычно ходят в одно и то же время, если не случилось какой-нибудь неожиданности.

– Все хорошо, – ответила я, выдавив улыбку. – Все просто замечательно, мама, просто герцог принимал важных гостей, и у меня ни минуточки свободной не было! А с кем я к тебе весточку пошлю? Поварята все на кухне заняты, конюшенным мальчишкам тоже дел хватает. Так вот отправишь с поручением, а ему потом влетит за то, что не на месте был!

Она улыбалась в ответ, но почему-то не говорила, что Ири могла бы сбегать туда-обратно, это ведь быстро! И не сетовала на то, что я перестала отпускать дочь одну, вот и поищи теперь гонцов…

– Ты устала, вижу, – сказала она и взяла ведро, которое стояло на краю колодца. – Умойся хоть, я тебе полью. Негоже в таком виде бродить, людей напугаешь!

– Да никого кругом, обойдусь.

– Будто ты не знаешь, до чего соседки глазастые! – вздохнула она.

Вода в ведре была чистой-чистой, прозрачной, так и тянуло приникнуть к ней и пить, пить, пока не заломит зубы от холода и хватит дыхания… Но нет, нельзя. И умываться не стоило – попадет капля на губы, вот, считай, и отведала питья в чертогах феи. Но как отказаться?

– Неужто я впрямь так угваздалась? – спросила я и наклонилась над ведром, чтобы взглянуть на свое отражение.

Да уж, и впрямь красавица, каких поискать, – все лицо в пыли, в грязных разводах, когда-то белая рубашка пошла

пятнами, волосы растрепались и слиплись от пота, на спине – увесистая котомка, на плече – белоснежная ящерица.

Кстати, почему мама ее не заметила? Она до смерти боялась змей и ящериц и даже безобидных лягушек пугалась до обморока, если те выпрыгивали перед ней на тропинку. А уж сколько их было возле запруды… Знаю, мальчишки ловили их, жарили на костре, выпотрошив и насадив на прутик, ели и нахваливали, да и взрослые не брезговали, но только не моя матушка!

– А ты чего сидишь? – шепнула я ящерке. – Вот тебе вода – хоть залейся! Мало будет, я еще из колодца натаскаю.

Она скользнула по моему плечу, по руке – я взялась за дужку ведра, мне казалось, мама вот-вот выронит его, вот я и решила придержать, – сунулась мордочкой в воду…

Ничего не случилось. Раз за разом ящерка пыталась окунуться в полное до краев ведро, но не выходило, на ней не осталось ни единой капельки. Поняв, что старается тщетно, она снова взобралась на мое плечо и устроилась там, ухватившись на этот раз хвостом за мою косу. Спасибо, не за шею!

А мама… Она по-прежнему стояла и улыбалась, и не торопилась домой, где ждала непоеная скотина и нестираное белье, просто смотрела на меня, и от этого мне сделалось жутко.

– До дома и так дойду, небось, никто не испугается, – сказала я и подняла ведро. – Дай-ка, помогу… Как там младшенькие? Как Витти? Вроде бы кузнец говорил, что ему подмастерье нужен, так что насчет Витти, а? Возьмет? Обещал ведь подумать…

– Конечно, возьмет, – кивала мама, глядя перед собой. И не возражала, мол, Витти всего лишь три года, и это девочка, о чем ты, дочка, опомнись! – Вот подрастет – и пойдет в подмастерья. Непременно пойдет. Непременно…

Я же смотрела по сторонам. Да, это была знакомая деревня, но… Почему у тетушки Моны калитка нараспашку? Она всегда запирается, воров боится, хотя ее забор и уж тем более веревочка вместо щеколды разве что кур остановят!

Где собака старика Джава? Я с детства помню: он всегда держал на редкость брехливых дворняг, причем совершенно одинаковых с виду, не разберешь, прежняя это или уже ее отпрыск… Ух, как мы их боялись! Но они всегда только лаяли, никогда никого не укусили, а когда я подросла, стало ясно, что собаки у Джава трусливы донельзя, а брешут, наверно, от страха. Но когда мы прошли мимо его забора, лая я не услышала, хотя шавки всегда подрывались на любой шорох.

Что там, я даже коз вдовы Лейры не заметила, а те были вездесущи и норовили объесть любую травинку, и уж если бы заметили открытую калитку, тетушка Мона точно бы лишилась

всего урожая тыкв и прочей растительности на огороде!

– Идем скорее, – говорила мама, – идем. Я приготовила… Ты ведь любишь… Рыбный пирог, ты любишь, Дан наловил вчера…

Я шла за ней, и мороз подирал меня по хребту.

Дан давно женился, занимался хозяйством и не ловил рыбу, этим уже его собственные дети баловались, но бабушке улов не носили, пекли в золе на берегу, а если всего съесть не могли, так у них свой дом имелся!

Я осознавала, что это не моя мать, что деревни вокруг нет, это все равно что холст и картон с нарисованными заморскими дворцами и далекими джунглями, перед которыми лицедеи разыгрывают представления (герцог был большим любителем подобных забав). Но как выбраться отсюда? Побегу… и что дальше? Вернусь к колодцу, и снова матушка будет ждать меня с полным ведром чистой воды, поведет домой, и так снова и снова, раз за разом? Да лучше уж в чистом поле бродить, чем видеть вместо родного человека безмозглую куклу!

А что видит сейчас Ири? Прибегает после очередного своего опасного приключения, а я говорю ей, мол, вымой руки, переоденься, причешись да берись за дело? Она ведь поймет, что это не я, не настоящая ее мать, верно?.. С ее-то чутьем!

Но каково ей в одиночку? А может, ей подсунули видение, в котором все хорошо и ладно и мы с Ирранкэ и с нею живем вместе где-нибудь далеко, в тех краях, о которых Ири всегда мечтала, – где-нибудь у моря, или у великой реки, или в лесных дебрях у большого озера? И если она поверит, что это правда, кто знает, что с ней случится?

Что-то шершавое коснулось моей щеки, и я очнулась. Это ящерка, вытянув длинную шею, слизывала мои слезы и щекотала мне щеку и подбородок шершавым язычком. Странно, я была уверена, что такие языки у кошек, а у ящериц они гладкие и скользкие…

«Я не хочу идти с ней, – думала я. – Я ее боюсь. Не знаю, что увижу дома. Не проговорюсь ли об Ири – кажется, матушка и не слышала о ней. Почему так? Откуда все это взялось?»

Это же память Ирранкэ, сообразила я вдруг. И даже не его собственная, а его слуги, того, которого он послал разузнать, что за женщина принесла в замок заветный ключ… Откуда же алию знать, как живут простые люди? Если он и увидел что-то, то лишь мельком, и уж точно не обратил внимания на калитку тетушки Моны и каких-то коз с собаками, а о моем брате мог что-то услышать, но и только. Верно, тогда Дан как раз полюбил рыбалку и все время удирал на речку, вот, наверно, матушка и пожаловалась соседке у колодца, что сын совсем от рук отбился!

Рыба, конечно, подспорье недурное, но неплохо бы и по хозяйству помочь, отец вон с ног сбился…

И мне сделалось вдруг легко-легко… Фея не знает, что я не одна, что у меня есть Ири! Знала бы, так наградила бы кошмарами, в которых мне пришлось бы бежать к дочери, сбивая ноги в кровь, но нет, обошлось… Обошлось.

Теперь мне самой бы выбраться из этого морока и найти Ири, о большем я и не мечтаю… Вот только как отделаться от существа, принявшего вид моей матери? Я могу пойти за ней до самого дома, вон, уже виднеется наш забор, но что я стану делать, когда она усадит меня за стол? В чертогах фей нельзя есть и пить, только в родительском доме как откажешься от угощения?

– Ты хорошо служишь, старой герцогине нравишься, – негромко бубнила матушка себе под нос. – Может, кто из ее придворных взял бы Дину в услужение? Хорошенькая же и смышленая, почти как ты! А там, глядишь, и муженек бы ей нашелся, может, из конюших или сокольничих, чем плохо?

У Дины теперь подрастало трое ребятишек, а тогда… Верно, тогда она была еще на выданье, и матушка переживала: не засиделась бы в девках, как я! Нет, обошлось, и муж Дине достался хороший, пускай вдовец и не слишком молодой, но ласковый – он ее на руках носил. Первая жена у него родами умерла, потому как родня запретила звать лекаря, мол, само все образуется, как от века заповедано… Ну так на этот раз он их самих послал через плетень, а там потом дремучим лесом. Все сделал, лишь бы жена и ребенок живы остались, и за это я ему была благодарна – Дину я любила больше других сестер. Может быть, не только за добрый нрав, а еще и потому, что это именно она жила у меня, когда родилась Ири, и помогала ухаживать за ней. У других на руках Ири быть не любила, хотя и могла потерпеть, а Дине всегда улыбалась и тянулась к ней…

– Конечно, матушка, – сказала я. – Я спрошу. Да, непременно спрошу.

Куда же бежать? Или можно просто остановиться и ждать, пока у «матушки» закончится завод, как у механических игрушек? А если не закончится, что, так и топтаться на одном месте, слушая ее речи?

Внутри все снова будто завязалось тугим узлом от боли, от страха, от невозможности сделать хоть что-нибудь, вернуть дочь, хотя бы увидеть ее…

– Входи скорее, – говорила «матушка», открывая калитку, – входи… Мы все тебя ждем…

И, честное слово, я уже сделала шаг, будто завороженная, и даже дошла до крыльца, как вдруг ящерка скользнула вниз по моей руке и вцепилась острыми зубками в мякоть большого пальца, прокусив его до крови.

От неожиданности и резкой боли я вскрикнула и выронила ведро, успев еще мельком подумать, что сейчас вымочу штаны, да и в ботинки натечет, сушить придется! Но… ведро с грохотом упало на нижнюю ступеньку, и хоть свалилось оно на бок, из него

не вытекло ни единой капли! Клянусь, вода осталась внутри, будто нарисованная, даже не колыхнулась… То-то и ящерка не смогла напиться!

И у матушки в ведре такая же неживая, ненастоящая вода, и глаза у нее будто бы стеклянные, она даже не щурится, хотя всю жизнь жаловалась, что на ярком свету плохо видит. Полноте, да мигнула ли она хоть раз за все это время? И дышит ли?

Я шагнула назад, едва не споткнувшись о ступеньку, и подхватила ведро – чем еще отбиваться, если вдруг нападут? А оно все ж таки увесистое…

В самом деле, увесистое, поняла я вдруг, а когда я несла его от колодца, то и не заметила особенной тяжести. Я все поняла, когда еще пара капель крови из укушенного пальца упала в ненастоящую воду, а та заволновалась в ведре, и, когда я наклонила его, пролилась наземь.

«Кровь Короля-чародея, – пришло мне в голову, – губителя фей… пускай ее во мне всего ничего, но неужто не хватит на то, чтобы прогнать морок?»

– Идем, – бормотала матушка, подходя все ближе и ближе, – что же ты стоишь? Все заждались…

– Да пропади ты! – крикнула я и выплеснула воду из ведра на существо, принявшее вид моей матери. – Сгинь, рассыпься!

Это было… жутко. Она не рассыпалась, она начала оплывать, как восковая фигурка подле пламени свечи, теряя форму и краски, и только голос еще слышался, глухой, мертвый:

– Мы ждем… ты спроси…

Я оглянулась – дома кругом тоже плавились, текли, и небо сворачивалось воронкой, как в том видении Ирранкэ, и…

И ящерка, успевшая вернуться на плечо, снова больно укусила меня.

– Да, я понимаю, надо бежать, – всхлипнула я, – но куда?

На этот раз она цапнула меня за левое ухо, и я посмотрела в ту сторону. Там покамест не творилось ничего особенного, и я со всех ног кинулась прочь от существа и дома, прикинувшихся родными.

Глава 22

– Что дальше? – спросила я вслух, вскарабкавшись на косогор и оглядевшись. Проклятый ракитник с привязанной к ветке белой тряпицей оказался совсем рядом. – Что?! Слышишь, ты, тварь? Ты, фея! Где ты прячешься, гадина?! Хочешь посмеяться надо мной? Ну так давай, давай, продолжай! Думаешь, у меня силы кончились? Не дождешься, мразь бездушная!

Я умолкла, переводя дыхание, а потом добавила по наитию:

– Видишь меня, ты, бессмертная? Меня, грязную, взмокшую,

усталую? Так вот умойся из своего водопада, полюбуйся своим красивым личиком и припомни: это меня выбрал алий, меня, а не тебя! Грязь-то отмыть можно, а если души нет, так ее ничем не заменишь, ясно тебе? Ну, где же ты? Отчего не убьешь меня на месте?

Тишина была мне ответом.

– Гадина трусливая, – плюнула я, обернулась и едва не села там же, где стояла.

Позади уже не было косогора и деревни, ничего там не было, только… пустота. Бывает, если зеркало сильно запылится, в нем ничего не увидишь, но стоит протереть его, и отражение проявляется все ярче и ярче. Так вот, здесь было с точностью до наоборот: будто бы чистое стекло, в котором я только что видела знакомый до боли пейзаж, припорашивали пылью, густой, непрозрачной… Или замазывали серой краской, так вернее.

Я думала, сильнее испугаться уже нельзя – ведь я хоть и струсила при виде двойника матери со странными разговорами, все-таки смогла справиться с собой! – но я ошибалась.

Ничто подступало все ближе и ближе, и трава тускнела, делалась сухой и ломкой, и прах ее растворялся в пустоте. Еще немного, и ничто лизнуло бы мыски моих ботинок, но я вовремя опомнилась и со всех ног бросилась к ракитовому кусту – его это еще не коснулось… Но вот-вот коснется, поняла я, посмотрев вокруг: этот уголок мира, отведенный для меня феей, исчезал, истирался – так соскабливают с пергамента старые письмена.

«Надо было ведро с собой захватить, – мелькнула глупая мысль, – если зеркало грязное, так протерла бы… О чем я думаю?!»

А подумалось мне о том, что если все кругом ненастоящее, то как же я? Я – это все еще я или тоже морок? Тень чьей-то мысли, например, Ирранкэ, ведь деревню-то и мою матушку фея точно вытащила из его воспоминаний! И если он теперь в ее власти, то и я в них присутствую, и… Как понять, я это или не я? Фальшивая матушка, наверно, тоже думала, что все делает правильно, говорит, что положено, зовет дочь домой, к семье… А я как выгляжу со стороны? Может, хороший знакомый тоже сразу заметит во мне что-то ненастоящее?

– Этак ты додумаешься до того, что спятишь, – сказала я самой себе. – Как выгляжу, надо же…

А в самом деле, как? Посмотреться не во что, в отражение в воде из фальшивого колодца как-то не верилось, а карманного зеркальца у меня отродясь не было. Бабушкино же осталось у Ири, она никому не пожелала его доверить! А у меня… у меня только небольшой ножик – от лихого человека или дикого зверя

не отобьешься, только и годится, чтобы хлеб да сыр нарезать. Зато вычищен хорошо, блестит не хуже зеркала!

Я сняла его с пояса, подышала на лезвие, протерла рукавом и присмотрелась. По правде говоря, видны были только налипшие на чумазый лоб взмокшие волосы, брови с переносицей да глаза (безумные, что и говорить, увидишь – испугаешься).

Прокушенный палец снова начал кровить, и я испачкала нож, когда пыталась перехватить его поудобнее и рассмотреть побольше, но вытереть мутную полоску не успела – ящерка забеспокоилась у меня на правом плече, и я невольно глянула в ту сторону, потом себе под ноги… И вскрикнула, едва успев отпрыгнуть, – серое ничто уже подобралось совсем близко, еще немного, и лизнуло бы мою ногу, и что тогда сталось бы со мной?

Только вот убегать было уже некуда: пустота захватила все кругом, оставив мне только клочок луга с ракитовым кустом, и все сжимала и сжимала кольцо.

Что там говорилось в сказках? Нужно очертить себя кругом, чтобы нечисть не сумела до тебя добраться… Я и провела по земле борозду все тем же ножом (сомневаюсь, что линия получилась ровной), и это будто бы помогло – все кругом уже заволокла то ли туманная, то ли пыльная пелена, и только на мою долю оставался маленький пятачок… Уже нет, поняла я, увидев, как серая струйка просачивается в мое ненадежное убежище: должно быть, впопыхах я не замкнула круг – поди разгляди бороздку в густой траве! А может, камушек подвернулся, кончик ножа соскочил с него, и… Так или иначе, исправлять ошибку было поздно.

– Я так просто не сдамся, – прошептала я и, видно, в приступе отчаянья вонзила нож в землю, в тянущееся ко мне серое щупальце, грозившее схватить меня, утянуть меня за собой, превратить в ничто…

Раздался странный пронзительный звук, будто железом провезли по стеклу, а потом – звон бьющегося стекла, далекий и печальный, быстро угасший, и еще – короткий болезненный стон.

Когда я рискнула взглянуть по сторонам – каюсь, услышав звон, я прикрыла голову руками и зажмурилась, боясь, что засыплет осколками, – кругом ничего не было. Я имею в виду, ни куста, ни луга, ни морока – обычная земля и, наконец-то, обычное хмурое зимнее небо с серыми клочковатыми облаками, а еще скалы вокруг! Дул сильный ветер, и снег скапливался между камнями, макушки же их были совершенно голыми.

Вот когда я порадовалась, что не бросила теплую одежду! Без нее я вмиг бы окоченела… Ящерка – та сразу шмыгнула ко мне в капюшон и лишь время от времени высовывала наружу

любопытную мордочку, но тут же пряталась от пронизывающего ветра.

– И дальше что? – снова спросила я вслух, подобрав нож, – он оказался у меня под ногами, а лезвие будто немного зазубрилось.

Ну да это дело поправимое, камень вполне подойдет вместо оселка, раз ничего другого под рукой нет…

«Похоже, это та самая долина, – продолжила я рассуждать, – без феиного морока. Почему же пропал тот, который она сотворила для меня?»

«Кровь, дурья твоя голова, – охотно отозвалась бабушка. – Кровь и холодное железо! Забыла, что нечисть его боится?»

«Раньше бы тебе сказать, – вздохнула я. – Ну хорошо… Не могла же я убить фею этим вот ножичком? Это ведь не сказочный кинжал, не из небесного железа выкован и не из огненного камня сотворен, как в сказках!»

«Убить, конечно, не убила, а вот поцарапать могла, – ответила она. – Фея-то не из самых сильных, помнишь, этот твой алий говорил. Да еще прожила тут много лет одна-одинешенька, питаться, поди, нечем было, вот она и ослабла маленько. Вдобавок, сама подумай, она ведь не на одну тебя силенки тратила, вас тут трое!»

«В самом деле… – сообразила я. – А Ирранкэ намного сильнее меня и знает или хоть догадывается, чего можно ожидать от этой дряни! А вот Ири…»

«Ири твоя видит куда больше, чем вам обоим, вместе взятым, дано увидеть, – оборвала бабушка. – А вот как ее найти, сама думай, тут я тебе не помощница».

Вот так задачка… Если я очутилась в обычном мире, но внутри долины, где фея может творить волшебство, однако не вижу ничего особенно дивного, что же выходит? У нее так мало сил, что она, истратив их на создание морока для нас троих, уже не может удерживать его на всей долине, а только в нескольких местах? Ее сил и умений хватило на лужок и деревню для меня, значит, должны быть пятачки и для двух других незваных гостей.

А если фее еще и приходится следить за видениями сразу в трех местах, то… С таким не всякий справится! Потому и вышло неубедительно, ведь фальшивыми людьми нужно худо-бедно управлять, как те же лицедеи управляют куклами на веревочках, а фея нет-нет да отвлечется на одного сильнее, чем на другого. Не может же она сама на части разорваться… Да, похоже на правду!

Как разбить морок, я, кажется, поняла, только его ведь сперва надо отыскать! А как это сделать, если ты снаружи, а остальные – внутри своих… не знаю даже, грез или кошмаров?

И неужели фея не приберегла толику волшебства для себя?

Она ведь все время там, возле незапертой двери, как говорил Ирранкэ, так, может, все-таки попробовать отыскать ее? Вдруг ключ и впрямь способен помочь? Только как его заставить показать нужное направление? Это ведь не компас, стрелка которого всегда указывает на север, – я видела такие диковины в замке. Правда, не всякий путешественник мог себе позволить подобное, а у меня компасу и вовсе неоткуда было взяться.

Но что толку стоять, мерзнуть и задаваться вопросами, на которые не можешь найти ответа? Лучше уж идти дальше! Водопада я по-прежнему не вижу, но хоть скала приметная нашлась, с двумя вершинами, вот я и буду держаться так, чтобы она оставалась точно у меня за спиной.

Выполнить это оказалось сложнее, чем я предполагала: приходилось то огибать нагромождения валунов, то карабкаться по склонам вверх, то спускаться вниз, рискуя поскользнуться на ненадежных камнях – так вот вывернется из-под ноги, и хорошо, если просто упадешь, а не переломаешь кости… Замерзнешь тут, пожалуй! Скорее уж, взопреешь…

Вершины скал, окружавших долину, были хорошо видны: до самых дальних, наверно, пришлось идти бы целый день, а то и два, и три – я все-таки не горная коза, чтобы скакать вверх-вниз по уступам! Ирранкэ, наверно, сумел бы пройти по макушкам валунов и ненадежным осыпям, не потревожив ни единого камушка, ну так я ведь не алийка, чтобы порхать, не касаясь земли.

Мысли мои вновь свернули на Ирранкэ. О дочери я себе думать запретила, верно, но выходило плохо, и, чтобы отвлечься, я принималась вспоминать «этого алия», как выражалась бабушка. Интересно, рискнула бы она сказать о нем так при жизни, в лицо? Как знать, может, и рискнула бы!

«А что ж не сказать? Приехал, понимаешь, какой-то алий… У меня дел выше крыши, а им то отдай ключ, то забери! Делать нечего, вот и играют в игрушки, как дети малые! – откликнулась она. – Не наигрались еще за столько-то лет! Все равно что несмышленышу ожерелье самоцветное дать: он и не смекнет, то ли на шею его нацепить, то ли в рот сунуть, то ли по камушку разобрать…»

«Теперь-то уж не до игр, – возразила я. – Ирранкэ ведь понял, как нужно использовать эту вещь. Не такой уж он несмышленыш! А вот мне мог бы и побольше рассказать, а то я тут хожу-брожу, а что толку? Уже темнеет, а двуглавая скала – вон она, хорошо видна! Дорожка-то кружит, только поди пойми, сама по себе или опять фея морок наводит?»

«Марион, ты ж сама говоришь – темнеет! – укоризненно

ответила бабушка. – А во владениях феи…»

«Никогда не заходит солнце, – закончила я. – Одна надежда на то, что она сейчас слишком занята! Только вот занята она… Ири».

Словно почувствовав, что я сейчас расплачусь от невозможности придумать хоть что-то, ящерка высунулась из капюшона и пощекотала мою щеку. Видно, я все-таки пустила слезу – если не от бессилия, так от сильного ветра, – а нежданной попутчице слезы мои были по вкусу, я уже заметила. Может, и она – творение феи? Хотя… не укуси она меня за руку, я, наверно, поддалась бы мороку и вошла в дом вместе с фальшивой матушкой. И что сталось бы со мной после этого? Вполне вероятно, я сидела бы за столом со всей семьей, а воспоминания о настоящем, о дочери, об Ирранкэ все истирались бы и истирались, пока не исчезли вовсе, и я заночевала бы в деревне, чтобы утром вернуться в замок… Только никуда бы я не пошла, потому что тело мое остыло бы между этих вот камней.

– Ты воду любишь, – повторила я, обращаясь к ящерке, которая, по-моему, еще немного подросла. Во всяком случае, мне показалось, будто на голове у нее появились какие-то наросты, которых прежде не было. Ну или я просто не присматривалась. – Вот и ищи озеро. Должно же оно где-то прятаться! Ну что ты меня щекочешь? Или хочешь, чтобы я пошла в ту сторону? Но там ничего нет, только уступ… И что-то мне не хочется с него свалиться, больно уж высоко! Темнеет вдобавок, а в темноте грохнуться оттуда – нечего делать!

На этот раз вместо щекотки я почувствовала щипок за ухо, довольно ощутимый.

– Понятно, ты у меня вместо возницы, – вздохнула я, припомнив рассказы путешественников о громадных зверях, которым на спину можно поставить шатер и ехать вдесятером. Якобы ими тоже управляют, дергая за уши, которые у этих чудищ размером с опахало, а еще тыча палкой с острым наконечником, буде зверь заартачится. Хорошо еще, у моей ящерки нет погонного шеста…

Стоило мне об этом подумать, как она ткнула меня острым и твердым кончиком хвоста в шею, мол, что задумалась?

– Мысли ты читаешь, что ли? – проворчала я и принялась карабкаться вверх по склону.

Глава 23

Зачем мне этот уступ? Может, за ним найдется пещера, которой не видно снизу? Тогда можно будет переночевать не на самом ветру… Главное, чтобы пещера не оказалась обитаемой!

Но нет, когда я взобралась наверх, никакой пещеры не

увидела. На уступе еще и продувало намного сильнее, чем внизу, и я решила спускаться, пока еще хоть что-то видно… Жаль, нет луны, но звезды можно высмотреть в прогалах между быстро летящими облаками, например, вон ту, яркую-яркую даже зимой! Летом ее, бывает, видно даже днем, рядом с туманным лунным серпом.

«Я родился в страшный день, но под счастливой звездой», – вспомнила я слова Ирранкэ. А имя его прародительницы… Не в честь ли этой вот звезды, самой яркой на нашем небосводе, алии нарекли воительницу Иринэль? Говорят, на далеком юге звезды намного крупнее и ярче, а этой вовсе не видать, там другие созвездия, но где он, тот юг? Здесь есть только вот эта…

«Пожалуйста, окажись счастливой!» – попросила я неведомо кого и попыталась поймать отражение звезды лезвием ножа. Это было не проще, чем ловить крохотных головастиков голыми руками в густой тине, но я все-таки справилась. Пусть звезду – я даже не знала, как она называется, – то и дело закрывали тучи, она все же то и дело взблескивала на стали.

Ири как-то пересказывала мне, что говорил ученый на уроке: дескать, звезды – это вовсе не маленькие светлячки в темном небе, каждая из них – как наше солнце, просто они далеко-далеко, вот и кажутся крохотными. (Ведь если издалека посмотреть вечером на деревню, тоже увидишь не дома, а только огоньки в окнах.) И где-то там, возле тех невероятно далеких звезд, наверно, живут люди. Говорится ведь в легендах, что Создатель умел ходить между мирами? Может, он просто научился быстро добираться от одного солнца до другого? Шагнул – и нет бесконечного пустого пространства…

«Пустота, – вспомнила я, – предвечный мрак. То самое место, куда ушли феи и откуда не могут вернуться… Наверно, это все равно как пуститься в плаванье без руля и ветрил: куда-то ты, возможно, и приплывешь, но когда и куда именно, вот в чем вопрос? У них нет ни карты, ни компаса, и они могут вечно кружить в этом бескрайнем черном океане, так и не приблизившись ни к одному из миров! И не могут даже умереть».

Быть может, ключ – это не только ключ, а еще и тот самый компас, указующий верное направление? Как-то ведь феи находили другие миры, когда добрались до двери, выбирали тот, что получше… Владычица вод обронила, помнится, что новый мир будто создан для нее – сплошь моря да океаны, царство воды.

Возможно ли, чтобы ключ подчинялся желаниям? Почему нет? Вдруг сам Создатель, встав с утра пораньше и умывшись из ручейка, говорил: «Что-то скучно стало, не прогуляться ли мне в какое-нибудь местечко, где нет людей? Подустал я от них, леса и

горы тоже надоели… Хочу на морской берег и чтоб ни души вокруг!» Поворот ключа – и вот оно, море…

«Ты совершила невозможное, – обратилась я к мерцающей высоко-высоко в небе звезде, – избавилась от фей, настоящих, чистокровных. Осталась последняя полукровка, но и мы уже не те, Ирранкэ почти не способен колдовать, а обо мне и говорить нечего… Если не можешь помочь, так хоть укажи дорогу, Иринэль! Я же обычный человек, и я не могу отыскать… любимых!»

Я толком не поняла, что это был за звук: то ли ветер так свистнул, то ли прямо мне в ухо зашипела белая ящерка… Главное, меня едва не сдуло с уступа, зато тучи совсем разошлись, обнажив холодное зимнее небо, подбитое серебряными гвоздями. Только счастливая путеводная звезда сияла, как драгоценный бриллиант на черном бархате…

Я вдруг вспомнила слова еще из какой-то сказки: «Нечисть боится холодного железа и огня, настоящего огня»! Верно, злое колдовство (пусть не все, но многое) рассеивается с восходом солнца, так не потому ли его нет в наведенном феей мороке?

А если поверить, что далекие звезды – тоже солнца вроде нашего, то их свет ничуть не хуже! Свет Иринэль – я теперь называла эту звезду именно так, – отразился от потертого лезвия моего ножа, и едва заметный серебристый луч протянулся прямо к скале, туда, куда не доставал просто так – мешал нависший камень.

И в этом слабом свете я смогла разглядеть пещеру, не слишком глубокую. Я могла видеть происходящее, будто сквозь мутную пелену.

Ирранкэ был там. Вернее, я хотела верить, что это именно он, настоящий, высматривала приметы: шрам на щеке, не светлые, седые волосы, надорванный рукав – он зацепился за сучок в лесу, когда Зимняя королева решила устроить нам испытание, а зашивать не было времени… Его кинжал – в руке, не на поясе, а глаза – холодные и злые.

Я не видела, на кого он смотрит, и, чтобы отраженный луч упал немного правее, осторожно развернула нож… и едва не выронила его.

Это была она, фея: длинные распущенные волосы почти совсем закрывали ее лицо, но пальцы по-прежнему тянули и тянули бесконечную пряжу…

Я не слышала, о чем они говорят, губы шевелились беззвучно, но догадаться было не так уж сложно: должно быть, Ирранкэ грозил прикончить ее, а она лишь улыбалась – убить фею в ее владениях не так-то просто!

Стоп… Я присмотрелась лучше: веретено было у феи в правой руке! В правой, как принято, а не в левой, как во всех видениях Ирранкэ! И вертелось оно в правильную сторону, а не в обратную…

– Ирэ! – крикнула я и тут же закашлялась, поперхнувшись ветром с пригоршней снега. – Ирэ, это не она! Это морок, обманка! Отражение! Ирэ, посмотри же внимательнее, ну?!

Он меня не слышал, конечно же, поди дозовись сквозь такое толстое стекло…

Сама не знаю, почему мне пришло на ум такое сравнение. Хотя… я ведь подумала об отражении, а где отражение, там и зеркало! А зеркала прекрасно бьются… если они сделаны не алийскими мастерами, припомнила я слова Ирранкэ, кинув в преграду очередной камень. Это было бесполезно, нож тоже ее не брал… И кровь не помогала – я ободрала пальцы, неудачно ухватив тяжелый обледеневший камень, и здорово запятнала его, но толку не вышло.

Но это и верно, подумалось мне, ведь я выбралась из своей ловушки благодаря собственной крови, значит, Ирранкэ тоже должен воспользоваться своим наследием! Хоть как-то…

– Иринэль, ну хоть ты нашепчи что-нибудь потомку! – взмолилась я, обращаясь к холодной звезде. – Мне до него не докричаться, да я и не знаю, на что он способен. И способен ли хоть на что-то?

Не знаю, было это ответом или нет, но звездный свет отразился в льдинке у меня под ногами, а я вспомнила: алии созданы из лунного луча и первого снега… Луч не лунный, снег не первый, но, как по мне, Иринэль вполне могла быть выточена изо льда!

Я подобрала ледышку и, ни на что уже не надеясь, изо всех сил швырнула ее в почти непрозрачную уже стену. На мгновение мне показалось, будто я вижу призрачную серебристую фигуру с длинными развевающимися волосами – она миновала преграду и исчезла. Еще минута – и я невольно закрыла лицо руками, такой нестерпимо яркий белый и горячий свет ударил из пещеры. Вот звона бьющегося стекла в этот раз не было, зато я услышала треск и грохот, какой бывает, когда по весне вскрывается лед на реке, а потом негромкое журчание – это по уступу текли невесть откуда взявшиеся среди зимы ручьи и медленно застывали бахромой сосулек по его краям.

– Марион? – услышала я хриплый голос, а когда проморгалась (перед глазами все еще плавали черные круги, как бывает, когда слишком долго смотришь на солнце), увидела Ирранкэ прямо перед собой. – Это ты? Настоящая ты?

– А ты? – шепотом ответила я.

– Я сам не знаю, – сказал он. – Я… очутился здесь, нос к носу с феей. Только я не мог до нее дотронуться, а она все дразнила меня… Показывала, что делает с тобой. И обещала, когда я налюбуюсь вдоволь, поразвлечься и со мной.

– А она не упоминала о… о зеркале? – придумала я, как спросить об Ири. (Слушать о забавах феи с моим двойником мне вовсе не хотелось, мне и без того хватило приключений.)

Ири ведь сама как-то заявила, что она – это зеркало. В общем, это не так уж далеко от истины, ведь в чем-то дети – отражение родителей, разве нет?

Ирранкэ нахмурился, потом, видимо, понял, о чем я, и выдохнул с облегчением.

– Нет. И это странно. Она что, не видела?..

– А вдруг нет? – медленно выговорила я. – Что будет, если зеркало отразится в зеркале?

– О чем ты?

– Ты опять не заметил, что на этот раз веретено было в другой руке?

– Кажется, так, – сознался Ирранкэ. – Я лазал по этим клятым горам неделю, не меньше, оголодал хуже волка, а когда решил заночевать в пещере и встретил фею… Мне было не до ее рукоделия. Впрочем, если бы я сумел, я бы ее повесил на этой пряже!

– А что ты видел вот сию минуту? – спросила я. – Я чуть не ослепла, такая была вспышка!

– Вспышка? Ничего подобного я не заметил, – покачал он головой. – Я в очередной раз попытался добраться до этой твари, но тщетно, и тогда меня будто кто-то отодвинул в сторону. Кто-то поменьше меня ростом, с длинными волосами. Я видел его только со спины, успел разглядеть доспехи – таких уже несколько веков не носят – и старый плащ. Это точно был алий, с человеком не спутаешь. И его кинжал… – Ирранкэ перевел взгляд на свою руку. – Похоже, вот этот самый, фамильный. А потом… потом никого не стало, я повернулся – под ногами вода хлюпает, ты стоишь, руками закрываешься… Что ты сделала?

Я посмотрела вверх и сказала:

– Решила, знаешь ли, что если моя бабушка ни разу в жизни мне дурного не присоветовала, то и твоя прародительница чем-нибудь да поможет. Но я не думала, что она может явиться сама…

Он тоже взглянул на небо и тихо произнес что-то на своем языке. Мне показалось, звезда мигнула несколько раз и засияла еще ярче, а рука Ирранкэ едва заметно засветилась, будто

рисунок на ней вспыхнул так, что видно было даже сквозь одежду. Правда, длилось это всего лишь мгновение.

Ящерка, явно заинтересовавшись, выбралась из моего капюшона и ловко перебралась – словно перетекла или перелетела, как струйка поземки, – на плечо Ирранкэ.

– Это еще кто? – удивился он.

– Не знаю. Я ее нашла в своем мороке, так и бродим вместе. Потом расскажу, если время будет, а теперь… пойдем дальше?

– На ночь глядя, по скалам? – Ирранкэ посмотрел вниз. – Я-то вижу ночью, могу и ощупью пройти, опыта хватает, а ты как же?

– А я буду держать тебя за руку, – ответила я. – Или ты хочешь дождаться утра? А как же…

– Я понимаю, – медленно выговорил он и наконец-то обнял меня. Сердце у него билось тяжело, я слышала. – Но, стыдно сказать, я едва стою на ногах, почти как после той скачки.

– И я, – созналась я. – Но мы ведь вдвоем, а…

– Тоже не в одиночестве, – произнес Ирранкэ и снова посмотрел на яркую звезду. – Ты скажешь, что я просто пытаюсь тебя успокоить, но я в самом деле чувствую это.

– Ирэ, ты сказал, что бродил не меньше недели? – спохватилась я. – А я… не знаю, сколько именно, я потеряла счет времени, но вряд ли больше дня, иначе тоже валилась бы с ног. Но я, хоть и устала, могла бы еще идти!

Он только вздохнул и потянул меня в пещеру: ветер здесь в самом деле почти не ощущался.

– Дай мне передохнуть хотя бы недолго, – попросил он. – Иначе от меня не будет никакого толку. Это прежде я мог не то что неделю, а месяц лазать по таким вот скалам, а теперь… Ты же помнишь условие моей сделки с королевой Зимы? Время жизни – это само собой, но и сил я отдал немало, и теперь я почти человек. А вы намного слабее алиев.

Я молча кивнула.

Ирранкэ был прав. Даже если мы сможем идти всю ночь, что толку? Ему, положим, достаточно света звезд, чтобы найти дорогу, но его ведь в самом деле шатает от усталости! А для меня сейчас темным-темно, разве что снег хорошо виден, а вот коварных камней, так и норовящих подвернуться под ноги, я не замечу, и там, где Ирранкэ прошел бы с легкостью, буду спотыкаться о каждый обломок скалы.

А Ири… Ири уже не маленький ребенок. Она тепло одета, у нее есть одеяло, еда и вода, а еще – ее удивительное чутье. Я даже не удивлюсь, если она отыскала логово какого-нибудь горного барса и пристроилась к нему под бочок погреться… И даже если фея и для нее устроила игру в отражения, уверена, Ири сумеет

продержаться, пока мы не придем за ней.

Да, я понимала, что утешаю себя, но…

– Марион, – тихо сказал Ирранкэ и привлек меня к себе. – Марион, я знаю, что ты готова бежать в темную ночь сломя голову, но ты даже не представляешь, куда именно. И я не представляю. И если мы переломаем ноги, а то и шеи на камнях, то ничем не сможем помочь…

Он умолк, потом продолжил:

– Я знаю, что ты говоришь себе то же самое. Но лучше это скажу тебе я, вслух, чем ты будешь думать одно и то же, по кругу… И станешь винить себя, если, не приведи Создатель, что-то случится. Виноват буду я. Только я. Если бы не я, вовсе ничего бы не случилось, фея не узнала бы о тебе, и…

«Ири бы не было», – подумала я и крепче обняла его за шею. Сейчас он пах правильно, первым снегом, и этот аромат перекрывал все прочие, не такие уж приятные запахи.

Ирранкэ говорил нужные слова, но они были насквозь фальшивыми, как будто я не слышала!

– Я не могу… – сказал он мне на ухо, прижав к себе. – Я рад бы бежать сейчас вниз, в долину, звать, искать, а я не могу, Марион. Голова идет кругом, и не важно, вижу я дорогу или нет, я ведь сам свалюсь с обрыва и тебя за собой утащу… Я как выжатая тряпка сейчас, ни на что не годен, себя-то защитить не сумею, не то что…

– Неправда!

– Думаешь, я так говорю, лишь бы никуда не идти среди ночи? – Он отстранил меня на вытянутых руках, чтобы взглянуть мне в глаза. – Ты забыла все, что видела?

Конечно же, я помнила, как он брел сквозь пургу, выбиваясь из сил, но…

Тогда он еще был алием, вспомнила я. Настоящим алием, а они намного выносливее и живучее людей. Теперь же… Теперь он мало чем отличался от человека, и эта неделя скитаний его почти доканала.

– Я не смог вас найти, – тихо сказал Ирранкэ. – Это ты меня отыскала. Я уже совсем…

– Окоченел? – коснувшись его руки, спросила я.

Он снова был холоднее льда, хотя замерзнуть нам не грозило даже и без костра, внутри пещеры было заметно теплее, чем снаружи. Камни будто нагрелись от звездного огня и до сих пор не успели остыть. Снаружи лед уже застыл, а тут еще текли ручейки!

– Да.

– Фея тебя знает, поэтому так легко и околдовала, –

прошептала я. – А нас не знает толком. Со мной у нее почти вышло, да только выглядело это, будто кукольное представление! Наверно, она решила, что для меня и так сойдет, а все силы отдала тебе.

– Может, и так…

– Мне еще подумалось, – вспомнила я, – что она играет в отражения.

– То есть?

– Ну… то, что я видела: деревня, мама – это все было словно в зазеркалье. Дотронуться можно только до стекла, но отраженной водой не напьешься, а с отраженным человеком не поговоришь по-настоящему.

Я попробовала объяснить ему, что именно поняла, встретившись с мороком.

– Это уж, скорее, похоже на отражения воспоминаний, заключенные в стекле раз и навсегда, – выслушав, произнес Ирранкэ.

– Как мошки в застывшей смоле? Говорят, смоляные камни с северного побережья, в которых даже птички попадаются, – это действительно очень-очень старая смола. Такая древняя, что ее даже расплавить не выходит. А бывает не такая старая, та плавится…

Еще до моего рождения – бабушка рассказывала – украшения из этих золотистых камней были в моде, и чем диковиннее оказывалось включение, тем больше важничала владелица. Конечно, и подделок хватало, настоящие-то такие смоляные камни стоили очень дорого, едва ли не сравнимо с алмазами.

– Так и теперь, – сказал Ирранкэ. – Думаю, ты права, это воспоминание моего слуги. Фея поймала его – уже отраженным в моем разуме! – и заключила в своем зеркале вод. Помнишь?

– Еще бы! Оно холоднее льда. Я еще подумала – странно, что не замерзает.

– Может, это такой особенный лед, текучий, – едва заметно усмехнулся Ирранкэ. – Так вот, когда настал подходящий момент, фея показала тебе эту картинку. Только она и без того была… мутновата, а в отражении вовсе исказилась, как в кривом зеркале.

– Думаешь, окажись это твое собственное воспоминание, я могла бы и не заподозрить неладное? – невольно поежилась я.

– Как знать, – тяжело вздохнул он. – Не хотелось бы проверять. Но… если подумать, отражение ведь повторяет за оригиналом, а воспоминание на это не способно.

– А твое видение…

– Похоже, было именно отражением настоящей Владычицы вод. Не знаю, где она сама, но прислать своего зеркального

двойника сумела… Может, ты и права – сил у нее осталось не так много.

– А может, все намного проще: не может же она на части разорваться!

Он кивнул и умолк.

– Ирэ, как думаешь, вот эта вода, что со стен сочится – настоящая? – спросила я, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Если настоящая, фея может заметить нас и явиться… Впрочем, о чем это я? Она и так знает, где мы!

– Не знаю. Ни в чем уже не уверен.

Ящерка соскользнула с моего плеча (и когда успела вернуться, я и не заметила!), пробежалась по влажным камням, выбрала струйку потолще и вдруг распласталась прямо в ней, явно блаженствуя. Чешуя ее снова заблестела и, по-моему, даже засветилась, будто в ней отражался звездный свет. Это был уже не молочный опаловый или жемчужный блеск, как прежде, а куда более яркий, почти что бриллиантовый.

– Должно быть, пить можно, – заключила я, отцепила с пояса Ирранкэ пустую флягу и подставила под соседнюю струйку. Хоть сколько-то да нацедим, все не сосульки грызть!

– Почему ты так решила? И что это все-таки за зверюшка? – кивнул он на ящерку.

Та только хвостом дернула и что-то прошипела, мол, сам ты зверюшка!

– Говорю же, не знаю. Ты ешь, а я пока расскажу, что со мной приключилось…

Рассказ занял не так уж много времени: о чем там говорить-то? Блуждала и блуждала по пустоши, подобрала ящерку, и если бы не она, могла и не выбраться…

– Я подумала, что ее затянуло со мной вместе, когда я угодила в то место. – Я потрогала пальцем длинный ящеркин хвост, вьющийся по стене, и он, отдернувшись, со свистом метнулся в воздухе. – Кто знает, какие звери водятся в этой долине?

Мне показалось, острый кончик хвоста, ударив по камню, выбил крошку, хотя, возможно, это была просто изморозь – холод уже начал пробираться в пещеру.

Стоп…

– Ирэ, сейчас же ночь? – зачем-то спросила я, и он кивнул. – И мы вдобавок в пещере. Сюда свет не попадает!

– Ну да, – удивленно произнес он.

– А почему я тогда так хорошо тебя вижу? И тебя, и… все вокруг. – Я огляделась. – И камни, и ящерицу, и вещи наши… Или это снова морок? И ты вовсе не ты, и…

– Подожди пугаться, – резко оборвал он. – Что именно ты видишь? И как?

– Говорю же – тебя, все кругом…

– Подойди к выходу и посмотри, снаружи сумеешь что-нибудь различить?

Я послушалась, выглянула и покачала головой:

– Тьма кромешная. Только снег виднеется, я даже края уступа не могу рассмотреть.

– А я могу, пускай и, как я тебе говорил как-то, будто сквозь закопченное стекло, – сказал Ирранкэ, встав рядом, и усмехнулся. – Не бойся. Дело вовсе не в шутках феи, а вот в ней.

Он кивнул на ящерку, а я только теперь сообразила: в самом деле, снаружи-то обычная зимняя темень, даже звезды снова пропали за тучами, а в пещере достаточно света, чтобы различать лица друг друга. И ящерка светилась вовсе не как свеча или фонарь – ярким огоньком, кругом которого падают резкие тени. Нет, от нее расходилось ровное и мягкое сияние… не знаю даже, с чем сравнить его!

– Я сам не сразу заметил, – сказал Ирранкэ, – Это началось только после того, как она напилась вдоволь. Никогда прежде не встречал подобного, а я повидал немало. Удивительно…

– Да, и костер не нужен, – невольно улыбнулась я, – когда она живая и светится.

– Жаль, не греет.

– Неужели? – удивилась я, протянув руку к ящерке. Помнила же, какой та была горячей! Но нет, прежний жар не ощущался. – Ну ничего. Не замерзнем.

Ирранкэ молча кивнул, и мы принялись устраиваться на ночлег. Нужно было поспать хотя бы пару часов, иначе мы и впрямь никуда не дойдем…

Глава 24

Сквозь сон я почувствовала, как что-то тычется мне в бок, и по привычке сказала «Ири, прекрати вертеться!», а потом только очнулась, услышав такое же привычное:

– Ну еще минуточку, мам…

На мгновение я, кажется, перестала дышать, опасаясь спугнуть видение – такие приходят на грани сна и яви, их легко перепутать с реальностью, – но оно снова ощутимо двинуло меня коленом в бок и пробормотало:

– Опять чуть не придушили…

Вот тут уж я села, чуть не стукнувшись головой о каменный выступ, и неверяще уставилась на Ири, которая уютно свернулась клубком между мною и Ирранкэ. Тот, совсем как тогда, на чердаке, спал беспробудным сном и только бессознательно

пытался прижать меня к себе, не чувствуя живой преграды. Преграда же отвоевывала себе место, брыкаясь по привычке.

– Снаружи еще темно, – сообщила Ири, приоткрыв один глаз, и покрепче обняла меня, – так что спи, мам. До утра далеко…

Тут она зевнула и засопела: вот чему я всегда завидовала, так это способности дочери моментально засыпать. Иногда от усталости кажется, что сейчас ляжешь и провалишься в сон без сновидений, но не тут-то было: станешь ворочаться, а если и задремлешь, приснится какая-нибудь пакость. С Ири подобного не бывало: набегается за день так, что едва на ногах стоит, поест, умоется, потом рухнет в постель, и все – уже спит, не добудишься. И не в молодости дело: я хорошо помнила себя в ее возрасте, у меня так не выходило ни тогда, ни теперь.

«Настоящая или нет?» – только и смогла я подумать. Вдруг… вдруг это тоже обманка, призрак? Вроде бы родинка на месте, на виске возле уха, и запах правильный – первый снег и ландыш… ну и прочие дорожные ароматы. И все же…

Я протянула руку и потрясла Ирранкэ за плечо. Как же, разбудишь его!

Выручила, как ни странно, ящерка: скользнув по моему рукаву, она сунулась к лицу Ирранкэ и цапнула его за ухо. По себе знаю – это очень и очень чувствительно, пускай даже она кусала не до крови! Помогло и на этот раз: Ирранкэ вздрогнул и очнулся, встретился со мной взглядом и нахмурился, мол, в чем дело? Потом глянул ниже и замер.

– Но как?.. – еле слышно выговорил он, а я только пожала плечами и прошептала:

– Ты тоже ее видишь? Такую, как надо, настоящую?

– Я даже ее котомку вижу, вон она, у тебя за спиной. И еще, – Ирранкэ притронулся к своей руке, той, что с замысловатым рисунком, – чувствую. Я ведь говорил, ключ я не ощущаю, а вот родную кровь, хоть и слабо, но…

– Ну чего вы не спите и мне не даете? – недовольно спросила Ири, села, чуть не выбив мне макушкой зубы, и потянулась. – Ночь же еще!

– Уже светает, – ответил Ирранкэ, глянув наружу.

– Это не рассвет, это зарницы, – со знанием дела ответила Ири. – Такое даже зимой бывает, правда-правда, когда гроза сухая!

– Да, говорят, это королева Зимы гневается… – прошептала я, – свои зеркала бьет, оттуда и вспышки…

– Немудрено ей разгневаться, – мрачно произнес Ирранкэ и тоже потянулся, совершенно таким же движением, как Ири.

– С чего бы?

– Если мы уже во владениях феи, то королева нас не видит, – был ответ. – И не знает, выполнено ли обещание. А нрав у нее…

– Да уж, – содрогнулась я, признав, что он прав.

Если бы Зимняя владычица могла попасть в эту долину, то тут все было бы вымерожено до голого камня, а раз она до сих пор этого не сделала, выходит, что-то ее останавливает. Но… ведь здесь и так все в снегу! Или это тоже морок?

– Нет. Просто фея сильно ослаблена, – сказал Ирранкэ, выслушав меня, – и понемногу уступает границы. Здесь ее власть пока держится, но… Прежде здесь наступала осень, но настоящей зимы не бывало, день-два, несколько снежинок – и вновь весна. Во всяком случае, так говорила мне фея.

– Так, может, просто подождать? И зима все-таки придет? Этот снег намело бураном через горы, и он уже не тает, верно?

– Зима же на переломе и сама начинает слабеть. Ей не хватит времени до весны, чтобы занять всю эту долину. А проникнуть в чертоги феи она и вовсе не может.

– А к следующей зиме фея наберется сил, – вставила Ири, беспечно грызя сухарь. – И опять все начинай сначала!

– Именно так, – согласился он. – Но это только догадки. Лучше скажи, как ты здесь оказалась?

– Пришла, – пожала она плечами. – А еще что-нибудь осталось поесть?

– Ясно, что не прилетела, – я подсунула ей свою долю, – но как ты нас нашла?

– Ну мам… Я же говорила, что этот ключ звучит так, что его за месяц пути слышно! Правда, я не сразу поняла, откуда он поет, тут эхо такое, что в ушах звенит, – пояснила она, прожевав. – А потом – раз! И стало ясно, где ты. Я туда и пошла, чего на месте сидеть? Сами вы б меня еще долго искали, вы же так не умеете!

– Темень же…

– Так я ведь вижу, как папа, мне не темно, – удивленно сказала Ири. – Да и звезд целое море, не споткнешься… Одна, самая яркая, мне будто нарочно светила, вот прямо лучом дорожку указывала, и вдруг ка-а-ак полыхнула! Я даже испугалась немножко, вот. А потом смотрю – в горах светится что-то, но не костер, костер совсем другой. И как раз там, где ключ слышно. Я и подумала, что звезда туда упала, а это, оказывается, вот кто! – Она потрогала пальцем ящерку.

Та мигом взбежала Ири на голову и свернулась кольцом на макушке, будто диковинный самоцветный венец, от которого даже ночью светло.

– Звезда, значит, – негромко произнес Ирранкэ, а я кивнула. Видно, воительница Иринэль и безо всяких просьб приглядывала

за своей прапра… внучкой. – А где ты оказалась, когда мы прошли водопад?

– Как это – где? – удивилась Ири. – Возле него. Только с другой стороны. Смотрю – а вас нету… Я подумала: не могли же вы уйти одни и меня бросить! Выглянула обратно – и там вас нет, а кони на месте стоят, ждут… Ну, думаю, раз так, значит, это фея что-то намудрила! И пошла вас искать, вот. Хотела коней взять, раз тут тоже снег, а вовсе не лето, но они заупрямились – и ни в какую…

– Похоже, на нее колдовство этого места не действует, – задумчиво произнес Ирранкэ.

– Или фея все еще не знает о ней. А если не знает, то и не колдует. Или у нее и впрямь сил не хватает и она решила, что нет смысла тратить их на девочку, какой от нее вред?

– Ха! – самодовольно сказала Ири. Подумала и добавила: – Нет, мне мерещились разные разности, но я сразу поняла, что это просто картинки. Ну, как в волшебном фонаре, помнишь, мам, в замке однажды показывали господам, а мы подсматривали?

– И как ты догадалась, что они не настоящие? – нахмурился Ирранкэ и сам себе ответил: – Ах да, ты же чувствуешь…

– Ага. А еще они не пахнут, – серьезно сказала она. – Вообще. А так не бывает.

Я попыталась припомнить свое приключение: пах ли разогретый солнцем луг? А деревня? Там ведь откуда дымком тянет, откуда навозом, да и от людей на жаре запах всегда имеется. И колодезная вода пахнет, и мокрое дерево, и железная воротина… И если «матушка» говорила, что ждет меня к столу, из дома должен был доноситься запах стряпни, но… ничего этого не было! Почему же я сразу этого не заметила?

– Ты сама себя обманула, мам, – сказала Ири. Видно, последний вопрос я задала вслух. – Ты ведь помнишь, как все должно быть на самом деле, вот и не заметила, что запаха нет. Ты же не сразу догадалась, что бабушка не настоящая.

– А ты откуда знаешь? – насторожилась я. – Я же ничего тебе не рассказывала!

– Так я тебя тоже видела в тех картинках. Ты бабушке помогала ведро нести, а потом картинка пропала.

– И тебе не захотелось проверить, не настоящая ли это Марион? – спросил Ирранкэ.

– Немножко хотелось, – честно созналась она. – Но ключ-то не оттуда звучал.

– А ты не подумала, что его могли и отобрать?

– Нет, – созналась Ири. – Но я покричала на всякий случай. Мама совсем близко была, а не заметила.

– Я ничего не слышала…

– Ну вот я и подумала, что ты бы меня наверняка услышала, – серьезно сказала Ири. – Так всегда было. А раз даже ухом не повела, значит, это не ты.

– Погодите, у меня уже голова кругом, – поднял руку Ирранкэ. – А меня ты видела?

Она помотала головой, так что ящерка от неожиданности съехала набок, недовольно зашипела, цепляясь лапками за волосы, и снова свернулась звездным венцом.

– Я видела кого-то другого, очень похожего, – сказала Ири. – Но точно не тебя. Одежда другая, но это-то ладно… Ты ходишь не так, и улыбаешься по-другому, и глаза не те. Наверно, это была та алийка, Иринэль, – заключила она. – Точно, кинжал был такой же, как у тебя! Но я не очень-то приглядывалась, а то так вот засмотришься, а тебя туда затянет. Как в сказке, помнишь, мам?

Я кивнула. Конечно, сколько раз я ей рассказывала историю о девушке-красавице, которой так нравилось любоваться своим отражением, что она не отходила от зеркала часами и даже разговаривала с ним. И однажды вдруг оказалась за стеклом, а ее отражение переклеило мушку с правой щеки на левую, чтобы ничем не отличаться от оригинала, и зажило обычной человеческой жизнью. Ну а о том, что сталось с настоящей девушкой в зазеркалье, история умалчивала… Я напоминала об этом, когда Ири слишком уж подолгу вертелась у старого зеркала.

– И еще, – добавила Ири, – я подумала, что у феи все зеркала кривые.

– То есть?

– Как бы объяснить… Вроде все на месте, право с левом не перепутано, но… но… Видно, что слишком ненастоящее, неправильное!

Она развела руками, отчаявшись найти нужные слова, а потом добавила, погладив котомку:

– А еще эти видения не отражаются в настоящем зеркале, в прабабушкином. Я проверяла раз или два, чаще боялась его доставать, чтобы не разбить. И вас проверила, когда сюда забралась: вы так крепко спали, что ничего и не услышали!

– Вот с этого и надо было начинать… – вздохнул Ирранкэ и вдруг улыбнулся. – Видно, я не ошибся и это действительно вещь алийской работы. Жили когда-то в незапамятные времена мастера, которым под силу было сотворить зеркала, отражающие самую суть, а не только лицо. А уж если зеркало старинное, то за много лет оно насмотрелось такого, что его не обманешь.

– И оно умеет советовать, самую чуточку, – вставила Ири. – Мама тоже знает, да, мам?

Я кивнула, потом собралась с мыслями и пересказала ее измышления насчет смерти бабушки Берты и роли зеркала в этой истории.

– Вот оно что… – протянул Ирранкэ, дослушав. – Тогда оно и впрямь волшебное! Если б не оно, ключ уже давно оказался бы у феи. И хоть она не сможет им воспользоваться…

– Поди отбери у нее! – закончила Ири. – Таким что в руки попало, то пропало! Да, а что мы будем делать дальше?

– Искать вход в чертоги феи. Нам нужен круг камней и второй водопад, – напомнил Ирранкэ, – но найти их не так-то просто. Сдается мне, фея от души запутала дорогу, если уж я за неделю блужданий не нашел ни единой памятной приметы!

– Это же был морок, – напомнила я. – Теперь, может, лучше дело пойдет?

– Как знать, звездочка, – сказал Ирранкэ, подумав, – ты говоришь, ключ звучит громко, а что насчет двери? Ее ты услышать можешь?

– Наверно, могу. – Ири почесала нос. – Только ключ я могла отличить, потому что слышала раньше, а дверь… Поди угадай, что изо всего этого… как его? Оркестра, вот! Как понять, что это именно она?

– Не понимаю тебя…

– А чего тут непонятного? Я же говорила, тут эхо такое, что в ушах то звенит, то вовсе их закладывает, – вздохнула она, явно сетуя на недогадливость и непамятливость взрослых. – Наверно, это из-за волшебства. Прямо гудит все! Ключ слышнее всего, я говорила, но все остальное тоже гремит и грохочет, и как нужное-то выбрать?

– Может, по созвучию с ключом? – серьезно сросил Ирранкэ. – Он ведь подходит к замочной скважине.

Ири снова почесала нос, как делала всегда в минуту глубокой задумчивости, потом сказала:

– Так я искать не пробовала, но попытаюсь. Вдруг да выйдет!

Я промолчала, собирая пожитки, проверила флягу Ири – почти пустая, набрала воды: она еще сочилась по стенам, будто где-то пробился незамерзающий родник.

– Мам, а разве можно здешнюю воду пить? – нахмурилась она, заметив, что я делаю.

– Марион думает, что эту – можно, – пояснил Ирранкэ и протянул руку, чтобы погладить ящерку, но та вздыбила гребень и зашипела, протестуя против такой фамильярности. – Послушай, что приключилось с нами…

Он говорил так, что заслушаться можно было, не то что я: гладко мне удавалось рассказывать только давно знакомые

сказки, а вот о своих приключениях поведала настолько бестолково… Чудо, что Ирранкэ вообще что-то понял и сумел передать это уже связно!

Должно быть, его, как всех господ, учили красиво говорить, иначе как же договариваться со знатными гостями и важными послами? Ири тоже немного обучилась этому искусству: я ведь говорила, она пробиралась на уроки для детишек наших вельмож.

– Вот так дела! – выпалила она, едва дослушав. – Я-то всего чуть-чуть поплутала, да и вышла к вам, а вы… ой, мам, как ты напугалась, наверно!

– Не то слово, – вздохнула я, – таких слов я не знаю и придумать не могу. Сама-то я ладно, а ты…

– Ну и я думала, что ты будешь ужасно за меня переживать, так что надо найти тебя поскорее, – пресерьезно заявила Ири. – А папа – мужчина, сам справится, вот.

– Как видишь, не слишком-то хорошо я справлялся в одиночку, – невольно улыбнулся он и встал. – Что ж… светает уже по-настоящему. Нужно идти.

Я кивнула, а Ири живо проверила, цело ли драгоценное зеркало, и закинула котомку на плечи.

– Только вы так и не объяснили, откуда взялась ящерка, – сказала она, прыгая по камням, как горная козочка.

Меня саму Ирранкэ едва ли не на руках вниз отнес… Ума не приложу, как я ухитрилась ночью забраться на эту кручу: высота была такая, что дух захватывало! Ну да я говорила, что с башни-то порой гляну – голова кружится, а уж здесь… Впрочем, у страха глаза велики, а раз я не видела, куда карабкаюсь, то и испугаться не смогла.

– Я ее нашла в своем мороке, – повторила я, отдышавшись.

Колени у меня противно подгибались, а смотреть по сторонам вовсе не было желания: как глянешь на склоны да утесы, так сердце замирает!

– Странно как: чтобы в мороке оказалась живая ящерка… – задумчиво сказала Ири, спускаясь все ниже – она здорово нас обгоняла.

Под ноги она вовсе не глядела, и я всякий раз прикусывала язык, чтобы не остеречь ее. Хуже нет так вот окликнуть… Я слыхала, есть люди, которые ходят во сне и ничего с ними не случается, даже если они по крыше прогуливаются, по самому коньку, или по краю обрыва над пропастью, куда ни за что бы не забрались наяву. Но если такого человека внезапно разбудить, он от испуга непременно упадет и покалечится. Ири, конечно, не спала, но явно задумалась о чем-то своем, а тело ее действовало само по себе…

– Ты, наверно, права, мам, – сказала она наконец. – Ну, почти. Эта ящерка спала себе да спала, как они все зимой. А потом фея взяла и выдернула тебя в то место, где ящерка спать улеглась, и накрыла своим мороком, ну, как муху чашкой. Стало жарко, ящерка и проснулась. И погибла бы, если б не ты!

Ири остановилась на мгновение, посмотрела на нас снизу вверх и добавила:

– Представляешь: так вот улеглась спать, одеялко подоткнула… ну, или как она – под камушек забилась, сверху снегу намело, тепло, хорошо! И вдруг одеяло сдергивают, а тебя на сковородку кидают и ну поджаривать! А ты спросонок и не соображаешь ничего, а пока очухаешься, уже еле жива будешь… Складно?

– Складно, – согласилась я, выдохнув с облегчением: Ирранкэ наконец поставил меня на относительно ровное место.

Хорошо еще, за время странствий я порядком исхудала, иначе не представляю, как он таскал бы меня на руках! Алии, конечно, выносливее и сильнее людей, но он-то уже не был алием в полной мере…

– Ну а раз она все равно проснулась, то решила пойти с тобой, – заключила Ири, спрыгнув с большого валуна. – И даже помогла, вот! Ей тоже, наверно, хотелось выбраться из того места поскорее, но она же маленькая, на один твой шаг, наверно, два десятка ее придется, долго бы идти пришлось…

– А теперь-то почему она не убежит?

– Не хочет, наверно. Сама знаешь, если посреди ночи разбудят, потом поди усни! Да и поищи теперь хорошую норку, – улыбнулась дочь, – лучше уж с нами, мы теплые и живые, вот!

И добавила:

– Ой, жалко, я в зеркало не посмотрелась с этой ящеркой! Я, наверно, на принцессу похожа, а, мам?

– Да. На алийскую принцессу из легенды, – ответил вместо меня Ирранкэ и снял ее с очередного камня. – Ты вряд ли слышала о ней, люди не знают наших сказок.

– А расскажи! – загорелась Ири.

– Ну не на ходу же, – попыталась я урезонить ее, но куда там… Тем более сам Ирранкэ не возражал.

– Было это в стародавние времена, – начал он, подсадив меня, иначе мне было не взобраться на очередной склон.

Вот когда впору было начать завидовать алийкам: пес с ними, с красотой и стройными фигурками, но ведь любая из них попросту не заметила бы этого препятствия! Вроде как Ири – она уже дожидалась нас наверху и протягивала мне руку. И даже не запыхалась…

– Давай, мам, забирайся! – весело сказала она. – Так что там было в стародавние времена?

– Жила красавица принцесса, – начал Ирранкэ, – и была она настолько хороша собой, что красота ее затмила солнечный свет, что уж говорить о полной луне и звездах…

– Ой, я угадаю! – Ири перепрыгнула расщелину. – Она была слишком гордой, заносчивой и злой, и за это ее как-нибудь наказали? Ну там… превратили в старуху нищенку или даже в жабу? И кто-то должен был ее расколдовать, когда она исправится?

– Вовсе нет. Это у людей почему-то красота часто соседствует с пороком, а та принцесса была самой обычной алийкой, не злее и не добрее остальных, разве что красивее. Но, конечно, многие ей завидовали.

– Значит, завистница ее прокляла!

– И снова не угадала, – улыбнулся Ирранкэ. – Просто ее одолели влюбленные мужчины: всем хотелось взять в жены необыкновенную красавицу, а у нее ни к одному из них не лежало сердце.

– Так, выходит, ее заколдовал отвергнутый поклонник? – живо спросила Ири, карабкаясь на очередную скалу, хотя, по-моему, проще было обойти кругом.

– У кого бы поднялась рука на такое? – серьезно ответил он. – Никто ее не заколдовывал и не проклинал. Принцесса поставила условие: она выйдет замуж за того, кто найдет такое чудо, которое превзойдет и затмит ее красоту.

– И кто-то нашел?

– Да. Один знатный алий искал такую диковину очень долго, истратил все свои богатства, но положил однажды к ногам принцессы заветный ларец. Когда его открыли, сияние залило весь огромный пиршественный зал, огни факелов и светильников померкли…

– А что, что это было? – любопытно спросила Ири.

– Венец, усыпанный самоцветами. Только драгоценностями алийскую принцессу не удивишь… – Ирранкэ помолчал. – Этот безумец раздобыл настоящую звезду и вставил ее в оправу. И когда принцесса надела венец, звезда воссияла так ярко, что лица девушки стало не различить, и она поняла, что придется выполнить обещание и выйти замуж за того, кто принес ей этот дар.

– Но у нее на уме был кто-то другой, да?

– Нет. Она была еще очень молода по алийским меркам… Примерно как ты, если сравнивать со взрослыми мужчинами вроде этого вашего дэшавара.

– А, ясно, – вздохнула я. – Ровесники еще ничего собой не представляют, кто постарше – уже женат или хотя бы сговорен, а нет, так беден. Может, и пойдет искать по свету такое диво, так пока вернется, принцесса уже состарится! А у кого деньги на диковины есть – те в летах. Вдовцы или нет, не важно…

– Именно.

– А что, что дальше-то было? – спросила Ири.

– Тот алий, что был в услужении у дарителя и подавал принцессе венец, не смотрел на ее лицо, – негромко ответил Ирранкэ. – Он думал о плененной звезде и недоумевал – как можно сравнивать их? Он думал: мне все равно, красива принцесса или нет. Главное, я знаю, как звучит ее голос, я слышал ее смех, я знаю ее запах и чувствую – она плачет сейчас, молча, понимая, что сама приговорила себя к постылому браку. Вот они, эти холодные, как утренняя роса, капли на ее пальцах, теплых и нежных, а мне едва удалось коснуться их… впору позавидовать слезам!

– Вот прямо так и думал?

– Ири, это легенда! – вспылила я. – И вообще… алии не такие приземленные, как мы с тобой!

– Насчет второго я бы поспорил, а вообще Марион права – это легенда, и рассказываю я ее, как принято, – невозмутимо добавил он. – Но могу и не продолжать.

– Пап, дорасскажи! – запросила Ири. – Я не буду больше перебивать!

– Нет.

– Ну и не надо! – Она вздернула нос. – И так понятно, что было дальше!

– И что же? – с интересом спросил Ирранкэ.

– Принцесса вышла замуж за этого вот алия. Правда, не знаю почему, но в сказках всегда так случается, – хитро улыбнулась она.

– Ты угадала. – Он подал мне руку, помогая удержаться на склоне. – Потому что именно тот алий нашел нечто, превзошедшее и затмившее красоту принцессы.

– Ее душу? – тихо спросила я.

– Именно так. Он, понимаешь ли, – еле заметно улыбнулся Ирранкэ, – был почти слеп после ранения и не различал ее лица, а блеск звезды казался ему не ярче огонька свечи. Господин выбрал его именно поэтому: чтобы слуга не соблазнился небывалой красавицей…

– Я так и думала! – воскликнула Ири и тут же поинтересовалась: – А что стало со звездой?

– Ее отпустили, она заняла свое место на небосклоне и

оберегала супругов всю их долгую жизнь.

– А тот алий так и не прозрел? – зачем-то спросила я.

– Нет.

– И правильно, – сказала вдруг Ири. – И не нужно. Все равно он не глазами видел.

– Не глазами, – согласился Ирранкэ и улыбнулся.

Глава 25

Еще две ночи мы провели на холодных камнях, не в силах найти искомое. Ири помнила, откуда пришла, могла отыскать выход наружу, но толку от этого было не много. Хоть оставляй замерзший водопад за спиной, хоть нет, мы все равно начинали кружить. Ирранкэ хотел сходить на разведку один, да мы не пустили: неизвестно, что может приключиться с нами поодиночке!

Фея, правда, не давала о себе знать, и поди пойми: то ли копит силы, то ли просто наблюдает за нами и смеется втихомолку, дескать, не найти простым смертным моего убежища, пока сама не позволю…

– Я слышу, как звучит дверь, – говорила Ири, шмыгая носом, – правда, я уже хорошо ее отличаю! Только никак не пойму, в какой она стороне!

– Эхо, – тяжело вздыхала я.

– Ага, оно самое… Я стараюсь, правда, мам!

– А ты не старайся, – сказал вдруг Ирранкэ. Мы как раз остановились передохнуть, отыскав расщелину, в которую почти не задувало. – Перестань. Ты так напряжена, что даже я чувствую, как вокруг тебя воздух дрожит. А чем больше надрываешься, тем меньше от этого толку: у тебя чутье сбивается, а струны путаются.

– Какие струны?

– Те, что звучат. Как на музыкальных инструментах. Ты ведь именно их слышишь, так ведь?

– А-а-а… кажется, поняла, – протянула она, подумав. – Если начать тренькать как попало, тогда мелодии не получится, а выйдет сплошное безобразие, кто хочешь оглохнет!

– Именно. Дай им успокоиться и перестать вибрировать, потом попробуешь снова. А я пока попытаюсь все-таки отыскать приметы… – Он потер виски. – Чтобы алий заблудился в трех скалах – не бывало такого!

– Скал тут больше трех, а ты уже не совсем алий, – сказала я справедливости ради. – Да и фея, поди, головы нам морочит!

– Нет, не похоже на то. Просто долина будто изменилась с тех пор, как я впервые сюда попал…

– Ирэ! – воскликнула я. – Конечно же, она изменилась! Ты вспомни, сколько лет прошло? Ведь не меньше десяти, верно? А

тут и дождь, и снег, и ветер, и вода… Там оползень, тут камень вымыло, здесь, наоборот, песком занесло, еще где-то скала обвалилась… поищи теперь свои приметы! И ты ведь совсем с другой стороны выбирался, разве нет?

Ирранкэ коротко рассмеялся и обнял меня, прижавшись щекой к моим волосам.

– Надо же, вовсе соображение потерял! В самом деле, и за год-то долина может измениться, а за такое время… Придешь – не узнаешь, вот как я сейчас. Ладно… Попробуем просто выдерживать направление, на это-то я способен… – Он огляделся. – Не иначе, тут грозы с ливнями бушевали, оползней столько… Не помню я таких каменных завалов. Тогда тропа была торная, я ведь с конем прошел, а сейчас – только посмотри!

– Да я уж налюбовалась.

– Ты что-то загрустила, – негромко произнес он, – устала? Тогда отдохнем подольше…

Я покачала головой. Устала, конечно, но не смертельно, идти еще могу. Дело было в другом, но как сознаешься?

– Лучше скажи, что случилось, Марион, – сказал Ирранкэ, будто услышав мои мысли, – если ты ногу стерла или подвернула или недомогаешь, не надо себя мучить, потом хуже будет.

– Ничего такого. Правда, Ирэ, я сильная, на мне пахать можно… только вот для таких переходов я не приспособлена, – честно ответила я. – Я, корова неуклюжая, только задерживаю вас! Может, возьмете ключ да пойдете вперед? У нас и воды, и припасов – кот наплакал, а сколько мы еще вот так плестись будем, неизвестно…

Воцарилось молчание.

– Глупая ты женщина, – сказал наконец Ирранкэ и обнял меня еще крепче, а мне стало вдруг так тепло и спокойно, будто не выл ледяной ветер и не летел в лицо колкий снег, стоило лишь высунуться из укрытия. – Что ты придумала? Больше я тебя не оставлю. И тогда не должен был оставлять…

– Ты же не знал, что выйдет.

– Не важно. Я мог отвезти тебя к себе, но нет же – помчался на поиски, будто месяц-другой что-то решал!

– Думаешь, у тебя дома мы с ключом были бы в большей безопасности?

– Не сомневаюсь, – ответил он после паузы. – Там мой дед, там другие старшие…

– Это ты сейчас выдумываешь лишку. Сам посуди, кем бы я там была? Приживалкой? Прислугой меня бы не взяли, зазорно для тебя, верно? А ничего другого я не умею. На равных с человеком, да еще обычного происхождения, никто из ваших

общаться не стал бы, даже слуги. Приветили бы, если бы ты велел, – добавила я, – но, знаешь, приятного мало, когда с тобой через губу разговаривают и принимают в гостях по необходимости. Так я и сходила бы с ума все эти годы от безделья… И кем выросла бы вот она, если вовсе появилась бы на свет?

– Принцессой, – без улыбки сказал Ирранкэ.

– Могу представить! Ее живо забрали бы у меня, чтобы обучить всему, что полагается знатной девице, так? Молчишь? Значит, я права… Нет уж, не стоит гадать, мол, если бы да кабы… Она дочка ключницы, а ключница в герцогском замке – человек не последний!

– Так это везде так. От ключа зависит, – произнес он. – Но, пожалуй, ты права. Мне куда приятнее видеть сорванца себе на уме, нежели благовоспитанную знатную девицу. И нет смысла гадать о несбывшемся, ты верно сказала. Время вспять не повернешь.

– А если можно было бы, ты бы рискнул?

– Нет, – едва заметно улыбнулся Ирранкэ. – И весточку в прошлое передавать не стал бы. Я уехал тогда, не попрощавшись, но мне показалось, так будет лучше.

– Ну и правильно, – вздохнула я. – Бабушка Берта говорила, долгие проводы – лишние слезы. Да и что ты мог сказать? Марион, это случайно получилось, прощай, больше не свидимся? Лучше уж так. Ты еще сказал, что вряд ли вернешься живым из своего путешествия.

– Но ты все равно ждала, – сказал он утвердительно, а я кивнула.

– Ждала. Сама себе не признавалась, но… Как гляну на нее, – я покосилась на Ири, задумчиво бродившую у входа в наше убежище, – так и думаю, где ты, жив ли еще…

– А раз я все время была перед глазами, то мама, считай, только о тебе и думала, – заключила Ири, мгновенно оказавшись рядом. – И ждала. Ждала-ждала, не отпирайся, мам! Бывало, сядешь и смотришь в никуда, или вон в зеркало наше, а как я спрошу, о чем ты думаешь, так сразу юлить начинаешь. О недостаче в погребах беспокоишься, ага, как же, поверила я!

– Наверно, этим ожиданием ты меня спасла, – серьезно сказал Ирранкэ. – У нас… У нас просто: если я сказал, что не вернусь, значит, так тому и быть. Горевать станут, а вот глаза проглядывать на дороге и в каждом всаднике узнавать меня – нет. А люди… Люди часто поступают неразумно, и в этом их счастье, а еще…

– Я помню, что ты тогда о нас сказал, – невольно улыбнулась

я. – И довольно рассиживаться!

– Верно. И не выдумывай больше глупостей. Надо будет, я вас обеих донесу, – совершенно серьезно сказал Ирранкэ, а я засмеялась, потому что сама думала так же, и не раз. – Что смешного?

– Ничего, – заверила я. – Вспомнилось кое-что. Ну, идем? Ири, ты как, услышала что-нибудь?

– Да-а… – протянула она, восторженно блестя глазами. – Я поняла, как с этим управляться! Я раньше правда тренькала по этим вот струнам не в склад не в лад, а теперь… Теперь разобралась!

– И как же? – спросил Ирранкэ.

– А я не знаю, как объяснить, я таких слов не знаю, – заявила Ири и подняла руки, будто обнимая долину.

– Попробуй теми, какие знаешь. Или новые придумай.

– Ну просто… Кругом все звучит по-своему. У тебя, пап, красивая нота, холодная, темно-синяя и снежная, острая, как твой кинжал… А у мамы – вечерняя, почти черная, жасминовая, бархатная и немножко серебряная, теплая и мягкая. А у нее вот, – тут она бесцеремонно потыкала пальцем ящерку, которая так и сидела у нее на голове, – как лучик света во-он той звезды, да, самой яркой! Такой чистый-чистый, хрустальный звук, вроде бы ледяной, а на самом деле горячий-прегорячий…

– У тебя у самой жара нет? – встревоженно спросила я, но Ири возмущенно отстранилась, когда я потянулась потрогать ее лоб.

– Нет у меня никакого жара! А ключ – он почти как ящерка, только звук зыбкий, дотронешься до струны – слышно эхо… Но это не эхо! – сообразила вдруг Ири. – Это дверь отзывается! Нам вон в ту сторону, пошли скорее!

– Думаешь, мы по таким завалам пройдем? – поежилась я, глядя на осыпь, ощетинившуюся острыми каменными обломками.

– Да, – твердо сказала дочь. – Непременно пройдем. Только минуточку погодите, я, кажется, уже до конца поняла, как нужно на этих струнах играть…

Когда улеглась снежная и каменная пыль, поднятая внезапно сошедшей лавиной (не слишком большой, но не хотелось бы оказаться на ее пути!), а мы откашлялись и протерли глаза, осыпи не было. Что там, склон теперь был ровным, как дорожка в герцогском саду!

– Ну… Перестаралась немножко, – заключила Ири, погладив ящерку. – Зато как далеко видать, никакие булыжники не мешают, а?

Я покосилась на Ирранкэ, а он только вздохнул. И то: ни я, ни

он колдовать не умеем, а Ири, похоже, приспособилась… Как знать, только ли в этой долине? Да без разницы, подумала я тут же, лишь бы на голову себе и нам какую-нибудь скалу не уронила!

– И правда, видно далеко, – сказал он, приглядевшись. – И вот ту скалу я определенно знаю… Идем! Если память меня не подводит, то круг камней должен быть как раз за нею.

– Ага, идем, – согласилась Ири и поскакала вперед.

– Погоди! – окликнул Ирранкэ. – Не убегай от нас, мало ли что… И еще – ты не устала?

– С чего бы? – удивилась она.

– Волшба обычно отнимает много сил.

– А я разве колдовала? – Ири почесала нос. – Ну и дела… Нет, я вовсе не устала, это же совсем не сложно! Неужели ты не видишь эти самые струны, пап? Ты ведь сам мне про них сказал!

– Я только с чужих слов знаю о них, – улыбнулся Ирранкэ. – И могу чувствовать лишь самую малость, как говорил уже, – родную кровь, и только. От меня и от Марион к тебе тянутся ниточки-струны, это я способен различить, а вот то, что ты описываешь… Нет, мне не дано это видеть.

– Жалко, – серьезно сказала она. – Это очень-очень красиво! Так-то я всегда это видела, думала, все остальные тоже…

– Я вообще ничего такого не вижу, – утешила я.

– Жалко, – повторила Ири. – Ну ничего, может, я придумаю, как это тебе показать, мам! Но не сейчас, конечно, не до того… Главное, я поняла, как это все запутано-перепутано! Теперь уж не заблудимся, нам точно нужно к той скале, там за ней… мм-м… будто барабаны гремят, раз, два… Дюжина! Только вот на площади, когда герцог едет, они все вместе бьют, а эти грохочут каждый сам по себе, какой чаще, какой реже, и тише, и громче…

– Это, должно быть, камни круга, – подал голос Ирранкэ.

– Наверно… Они вроде бы и вместе, а все равно тарабанят как попало, – с невероятным азартом продолжала Ири. – И я вот думаю, если заставить их стучать одинаково, тогда проход в феины чертоги и откроется!

– Не перестарайся, – попросил он. – А то попадем не в ее чертоги, а… куда-нибудь еще.

– Куда-нибудь еще не получится, эти барабаны либо вразнобой звучат, либо в одном только ритме, – заверила она. – И еще: та дверь, от которой ключ, куда угодно открывается, а эта – только туда или сюда, не промахнемся. Идем уже, а то я скоро опять проголодаюсь!

Я же вознесла молитву Создателю, чтобы уберег мою дочь, с ее-то неуемным любопытством и кипучей жаждой деятельности,

от последствий ее опытов. Может, услышит и наставит ее на путь истинный…

– Так удивительно и даже немного страшно наблюдать, как возвращается волшебство, – негромко произнес Ирранкэ.

– О чем ты?

– О ней. – Он кивнул на дочь. – Ты разве не поняла? То, что она сейчас сделала, даже самым опытным нашим магам едва-едва по силам, а человеческим – и подавно.

– Да уж, помню, как в матушкиной деревне во время засухи вскладчину колдуна наняли, – проворчала я. – Три дня он по округе бродил, завывал, руками размахивал, дрянь какую-то вонючую жег, съел столько, что на семерых бы хватило… А когда дождь все-таки пошел, заявил, мол, это он его призвал!

– О чем и речь… Ири! – окликнул он. – А ты можешь ветер вызвать?

– А надо? – отозвалась она. – Тут и так задувает будь здоров!

– Нет, не сейчас, а вообще.

– Могу, чего его звать-то? Это куда проще, чем с камнями, те еще расшевели попробуй, а ветерок – он легкий… Главное, – добавила Ири, подумав, – потихоньку это делать. А то возьмет, разгуляется да унесет тебя в чужедальние края, то-то весело будет!

– А как насчет дождя?

– Ну… – На этот раз она думала дольше. – Наверно, тоже сумею. Только, опять же, надо осторожно, чтоб не смыло. Так-то все ясно: ветер должен пригнать тучи, а там уж… Дерни за веревочку, за струну то есть, дождик и польется!

– Ага, лишь бы не ураган с ливнем, – невольно усмехнулась я.

– Да-да, именно! Осторожненько надо, а то беда может приключиться, – совершенно серьезно сказала дочь и полезла выше. – Ой, кажется, я уже вижу этот круг! Только напрямую тут не пройти, обрыв очень уж крутой, а если поверху… нет, мам, ты не заберешься. Да и я что-то боюсь, больно высоко, прямо как галерея на старой башне, а камни ненадежные! И обвал не поможет, тут как бы все не рухнуло…

– А обход есть?

– Найдется, нам надо снова вниз и вокруг скалы. – Ири спрыгнула с камня, чуть не сшибив меня с ног. – Там тоже все завалено, но хоть ничего не шатается и из-под ног не выворачивается, вот.

– Это ты сверху рассмотрела? – с интересом спросил Ирранкэ.

– Нет, под снегом-то все равно не видно. Я же чувствую, – напомнила она, улыбаясь во весь рот. – Вот теперь, когда я поняла, что да как, все намно-ого проще стало! Даже идти или

лезть куда-то не нужно, чтоб понять, каково оно там.

– Не перестарайся, – серьезно сказал он. – Первые выплески силы бывают очень мощными, а потом сходят на нет. Так вот привыкнешь к волшебному зрению, а потом оно угаснет, придется заново учиться действовать, как обычные люди.

– Чего это оно вдруг угаснет? – нахмурилась Ири. – И какие еще выплески? Я говорю ведь, я всегда это видела! Только не знала, как пользоваться, вот. Иногда, наверно, случайно что-то выходило правильно, а я, голова дубовая, и не сообразила, что именно сделала! Ну ничего, я еще получше разберусь, только не на ходу…

– Уж сделай милость, – невольно улыбнулась я и посмотрела вверх, в лицо ее отцу.

Неверный зимний свет был тому причиной или что-то иное, но мне вдруг почудилось, будто Ирранкэ сделался прежним, таким, каким был до визита к фее, и почти угасший огонь в нем разгорелся с новой силой. Даже усталое и ожесточенное лицо словно разгладилось, шрам стал почти незаметным, а выбивающиеся из-под шапки волосы показались не седыми, а пепельно-русыми, как много лет назад…

– Почему ты решил, что волшебство возвращается? – спросила я.

– Помнишь наш разговор на постоялом дворе? – спросил он после паузы. – Я сказал тебе, что оно начало иссякать.

– Да, и мастерство забыто, потому что даже самый умелый мастер не сумеет создать что-то из ничего, – припомнила я. – А потом, в твоих воспоминаниях… Феи выпили волшебство из этого мира, чтобы хватило сил открыть дверь?

– Именно так. Но оно как сорная трава: если останется хоть стебелек, хоть обрывок корешка, вырастет и заполонит все кругом, сколько ни выпалывай, – совершенно серьезно сказал Ирранкэ, и я невольно улыбнулась: нашелся огородник! – Нам повезло, что феи вовремя нашли подходящее место, не успев иссушить наш мир, или выжечь его, или выморозить… А в легендах и о таком говорится, о мирах, в которых вовсе не осталось жизни, только голый камень или лед, которому уже никогда не суждено растаять.

– Вот именно сию минуту немудрено в это поверить, – пробормотала я, поглубже натянув шапку на уши, тут же спохватилась и окликнула: – Ири, а ты почему без шапки, чудовище?!

– А мне жарко! – отозвалась она и указала на ящерку. – Она меня греет!

Я только вздохнула, решив больше ничему не удивляться.

– А помнишь, о чем еще мы говорили?

– О Создателе. О том, что он, наверно, тоже был волшебником, раз умел пользоваться ключом, открывать двери и бродить… – Я осеклась.

– Между мирами, – закончил Ирранкэ. – И сдается мне, он видел то же самое, что видит Ири, и даже намного больше.

– Ты уж говори, да не заговаривайся, – помотала я головой, – а то ты сейчас ее потомком Создателя выставишь!

– Так ведь это правда, – улыбнулся он. – Алиев сотворил он, и в жилах Короля-чародея, должно быть, тоже текла его кровь. Забавно выходит, Марион! Я должен закончить дело жизни моей прародительницы, а Ири, быть может, продолжит дело самого… Раз волшебство возвращается, потребуются те, кто сумеет приручить его заново, – старые-то приемы не работают, да и не осталось умельцев.

– Ирэ, – серьезно сказала я, – бабушка всегда говорила мне: не беги впереди лошади. Мы еще даже дверь не нашли, я уж молчу о том, чтобы совладать с феей, а ты навыдумывал – на десяток жизней хватит, ваших, алийских, а не человеческих!

– А разве это плохо? – так же серьезно ответил он. – Знаешь, Марион… Если ты разучился мечтать, значит, ты почти что мертв.

– Ты…

– Я – разучился. Мое стремление уничтожить эту тварь, спасти вас, найти ключ… это было именно желание, не мечта. Сделать это во что бы то ни стало, а там и смерть не страшна, а о том, что будет… или могло бы быть дальше, думать уже нет ни сил, ни желания. А мечты – они…

Ирранкэ умолк, глядя в серое небо.

– Как облачные драконы? – подсказала я. – Вроде и есть они, и увидеть их можно, а все едино не поймаешь. Только и остается любоваться издали и думать: а вдруг когда-нибудь все-таки получится погладить чудесного зверя?

– Именно так. И, говорят, – добавил он и улыбнулся, – кое-кому это удалось. И заново научиться мечтать, и…

– Неужто?

– Да. Я, похоже, нашел своего облачного дракона. – Ирранкэ крепче сжал мою руку. – Теперь не отпущу.

– Ну конечно, – сказала дочь, вынырнув из-за большого камня, – я там дорогу ищу, а вы тут обнимаетесь! Я, может, тоже хочу! Ай-й… не так же сильно, задавите же…

Она посопела, прижавшись к нам, потом сказала:

– Знаете, как красиво? Все кругом серое, черное, зимнее, а я гляжу: за скалой откуда ни возьмись цветок!.. Ну, кажется, будто цветок – большой такой, больше этой самой скалы, и светится

мягко-мягко, не как вот она. – Ири подергала ящерку за хвост, который свешивался ей на плечо, словно диковинный шарф, – а так… ну… Нежно, вот. Помнишь, мам, у графини Ауноры была шелковая брошь с бриллиантом в середке? Вот похоже: если свет на него попадет, он сияет, а сквозь лепестки лучики просвечивают…

– Ты о нас, что ли? – обескураженно спросила я, переглянувшись с Ирранкэ.

– Ну а о ком же еще? Хотя, – тут же сказала дочь, – брошь – это не то. Она неживая. А это… как цветок жасмина, а в нем роса на свету искрится, вот. Да, так правильно!

Я промолчала. Что тут скажешь?

– И мы уже почти пришли, – вдруг будничным тоном произнесла Ири. – Круг вон там, за поворотом, идем скорее!

Камни были разные – побольше и поменьше, сильно вросшие в землю. Летом на них, должно быть, зеленел мох, но сейчас были видны только черные пятна да белые снежные шапки.

– Да, вот это озерцо и водопад, тоже замерзший… – Ирранкэ шагнул было вперед, но дочь вцепилась в его одежду:

– Погоди! Нельзя пока!

– Почему?

– Я же сказала, они вразнобой тарахтят, – сердито ответила она. – Так ты никуда не попадешь. Если только в очередную обманку. Проход тут только один, но вокруг много напутано…

– И ты… сумеешь распутать? – негромко спросил он.

– Попробую, – вздохнула Ири и подошла к самому большому валуну, серому и округлому.

Почему-то сразу пришло на ум: наверно, каменный великан когда-то прилег отдохнуть, задремал и не проснулся, и зарос землей, одна голова на поверхности осталась. Или же какой-нибудь рыцарь отсек ему голову и прикатил на это место, а может, она сама отлетела от молодецкого удара, да так и валяется здесь неведомо сколько лет.

– Главный, – сказала Ири, положив на него руку. – Самый сильный, от него кругом все гудит, а остальные подтягивают. И струна такая черно-фиолетовая, как грозовое небо, но не мрачная. А в такт ему должен стучать… он! – Она указала на красноватый гранитный обломок. – Чуть потише, да, вот так! А теперь…

– Смотри, – шепнул Ирранкэ, взяв меня за плечи. – Смотри и запоминай: не всякий день увидишь, как маленькая девочка перекраивает волшебство фей на свой лад! Хотя, сдается мне, эти камни были здесь задолго до того, как явились феи, те лишь приспособили их для своих нужд.

– Не так! – Ири грозно топнула ногой, и белая ящерица

зашипела. – На третий счет, а не на второй! Сбиваются с ритма, и все тут, – пожаловалась она, обернувшись. – Особенно этот вот чудит, не слушается…

Она пнула большой угольно-черный камень, ушибла палец, разумеется, выругалась (я пообещала всыпать ей горячих за такие слова, но попозже) и сказала:

– Ну, давайте заново!

– А ты им отстучи, как нужно, – посоветовал Ирранкэ. – Может быть, они просто не понимают, чего ты от них хочешь.

– Я им отстучу, – грозно произнесла Ири. – Я им так отстучу, мало не покажется!

Однако же подняла камень поменьше и примерилась к макушке серого валуна.

– Вот так надо!

Я невольно обхватила себя руками, когда все вокруг заполнил глухой гул, – это, должно быть, камни зазвучали в унисон. Ритм был совершенно нелюдской, от этого барабанного боя закладывало уши и тянуло вжаться в землю. И мне почудилось на мгновение, будто я вижу, как темно-красный луч протягивается от гранитного валуна к замерзшему озерцу и водопаду, потом к нему добавляется голубой, и синий, и фиолетово-черный… И все они пульсируют в такт, будто бьется огромное сердце, а сами эти лучи похожи на просвечивающие на руках жилы – у Ири они хорошо видны, такая тонкая у нее кожа…

– Сейчас! – крикнула Ири. – Глядите!

Лучи встретились в одной точке, как раз за водопадом, и там вспыхнул ослепительный белый огонь, такой, что смотреть было невозможно.

– Идем скорее, – сказал Ирранкэ, – это вход. В тот раз я ничего подобного не видел, но ощущение было то же самое…

– Только, чур, на этот раз все вместе, – серьезно сказала Ири и схватила нас обоих за руки. – Бежим! Скорее, пока он не закрылся! А то я потом замучаюсь снова ритм подбирать: он, оказывается, еще и меняется…

Глава 26

И снова кругом пылало лето в самом разгаре, и водопад взбивал радужную пыль над небольшим озером…

– Ты все-таки вернулся, – негромко произнесла Владычица вод, не поворачиваясь лицом.

Она ничуть не изменилась, ну да с чего бы ей меняться?

Веретено по-прежнему кружилось, и это кружение завораживало, от него клонило в сон, и… Острый локоть Ири вонзился мне в бок, и я очнулась от наваждения. Да уж, таким, как я, с феями не тягаться: одурманит в один миг! То видение,

похоже, было сотворено спустя рукава, но вот если встретиться лицом к лицу с Владычицей вод… Шансов у меня не было.

– Вернулся, – ответил Ирранкэ.

– Я знала, что так и будет. Но зачем ты привел с собой этих смертных?

В голосе ее мне почудилась одновременно и насмешка, и неуверенность. Фея, выходит, все-таки видит Ири. Но вот заметила она ее только теперь, после фокусов с кругом камней, или же знала о ее присутствии с самого начала? А если так, почему не сумела или не пожелала одурманить? В самом деле подумала, что девочка-подросток ничем не сумеет помешать ее планам?

– Ты забываешь о том, что и я смертен, – спокойно сказал он.

– Да… – после долгой паузы отозвалась фея. – И теперь ты смертен куда в большей степени, нежели прежде. За что же ты заплатил такую цену?

– Будто ты не знаешь.

– И не жалеешь об утраченном?

Ирранкэ не ответил, но засмеялся так, что фея вздрогнула. Обидный это был смех, неприятный и злой.

– Я ведь говорил, что ты не стоишь даже родинки на щеке у одной девушки, – повторил он. – Я отдал все, чем владел, чтобы спасти ее. Неужели ты так ничего и не поняла?

– Пока я поняла лишь одно: ты привел ее ко мне, – негромко сказала она и едва заметно повернулась. – Странные у вас, смертных, понятия о спасении…

– Я пришла своей волей, – не выдержала я.

– Помолчи, женщина, – презрительно бросила она. – Ты годишься только на то, чтобы служить вешалкой для чужой вещи да плодить никчемных полукровок!

– Сама ты никчемная! – выпалила Ири прежде, чем я успела зажать ей рот. – На себя посмотри, прясть и то не умеешь! А умела бы, так знала, что нитку обратно в кудель не превратишь, будь ты хоть сто раз фея… А ты не фея, ты тоже полукровка, выкуси!

Ирранкэ, помнится, сказал то же самое о бесконечной пряже Владычицы вод.

– С чего ты…

– Ты сама призналась, забыла? – Дочь победно вздернула нос и уперла руки в боки, как кухарка Катрина. При ее росте и комплекции это выглядело уморительно, вот только нам было не до смеха.

– Умолкни, букашка… – протянула фея, не оборачиваясь.

Она вытянула руку с веретеном, и оно завращалось с вовсе уж

немыслимой скоростью, пронзительно жужжа. Я видела, как нить истончается до предела, но не рвется, будто ее склеивает текущая по пальцам Владычицы вод кровь… И поняла: она сейчас сделает что-то с Ири, а мы… мы ничем не можем ей помешать!

Нить оборвалась, а веретено острым концом нацелилось на Ири, когда фея указала им через плечо, и…

– И это все? – изумленно спросила та, почесав для разнообразия за ухом. – И правда, что никчемная фея, даже в жабу превратить не можешь… Ой, то есть в муху, я перепутала, вот.

Мне было жарко, но пот меня прошиб ледяной.

– Кто ты такая? – негромко произнесла Владычица вод, повернувшись так, что можно было даже рассмотреть часть ее щеки.

Ири стояла слишком далеко от воды, чтобы фея могла увидеть ее отражение, а глаз на затылке не имелось даже у волшебного существа.

– Это моя дочь, – ответил Ирранкэ. Он успел скинуть зимний плащ и куртку, будто думал, что ему придется сражаться и лишняя одежда стеснит его движения.

Глядя на него, и я сбросила душегрею и шапку с шалью – теплый ветерок коснулся лба, высушив испарину и растрепав мне волосы.

– Не твоя, а наша, – поправила я, поняв вдруг, что бояться уже поздно и, если придется, я эту фею утоплю в ее же озере!

Случается со мной изредка подобное: будто порывом ветра подхватывает и уносит, словно палый лист по осени, и в этаком настроении я могу самого герцога отчитать, как последнего поваренка, не то что… Бабушка Берта говорила, это у меня по отцовской линии: что дед мой, что отец могли наворотить дел, и вовсе не со зла и не во хмелю. Вот просто что-то в голову ударит… и уж тогда держись все живое!

– Придумал тоже, я ее столько лет растила и воспитывала, а ты явился на все готовое, – добавила я. – А сам все это время с этой вот крутил, так выходит? Ну, тогда не удивлена, почему ты от нее сбежал: ни кожи, ни рожи, и даже девчонку тебе родить не смогла, не говоря уж о наследнике!

– Ты забыла, мам, – совершенно серьезно сказала Ири, – папа же ею побрезговал. Какие уж тут наследники…

Фея сжала веретено в руке. Вечное ее рукоделие прервалось, кудель бесформенным комом свисала с заткнутой за пояс прялки, ветерок играл окровавленным обрывком нити.

– Дочь, значит… – процедила она. – Но я спросила не об этом. Я хочу знать, кто она такая!

– Полукровка, кто ж еще? – удивленно ответила Ири. – Или ты о том, что я твою ниточку завязала узелком, которому старый адмирал научил?

Да уж, за ту выходку мне очень хотелось Ири выпороть, потому что завязать шнурок корсета знатной девицы морским узлом – это не самая смешная шутка. Шнуровку пришлось резать, а Ири потом созналась, что науку морского волка освоила не до конца: узел должен был развязаться сам, если осторожно потянуть за кончик шнурка, а не затягиваться намертво.

Так или иначе, но сейчас это, похоже, пригодилось. Что уж там видела Ири, сложно сказать, струны или нити, но раз сумела отразить направленное на нее волшебство, значит, все сделала верно. Немудрено было фее удивиться!

– Но кто научил тебя этому?

– А этому еще и учиться надо? – поразилась Ири, а я дернула ее за косу, чтобы не теряла берегов. – Надо же… Я думала, все так умеют, просто ленятся.

– Самородок, выходит, – усмехнулась фея. – Случается и такое… Значит, Ирэ, ты привел с собой свою женщину и вашу дочь и не побоялся того, что я могу сотворить с ними?

– Покамест тебе ничего не удалось сделать, – ответил Ирранкэ. – Моя жена твой морок раскусила, а дочь его вовсе не заметила. Я уж молчу про узелок на ниточке.

– Жена?.. – прошептала я.

– А кто же? – недоуменно покосился он на меня.

Я же вспомнила его слова о бабушке Берте и моем деде: дескать, обещания бывает достаточно… Но мы ведь ничего подобного не говорили! Вернее, Ирранкэ сказал, что хотел бы остаться со мной, но это невозможно, а я… Я просто попросила его не умирать. И вышло по-моему.

– Ты никогда не обладала могуществом своих чистокровных родичей, – продолжал Ирранкэ, глядя на фею в упор, и глаза его горели льдистым пламенем, холодной, лютой ненавистью, от которой мне сделалось не по себе. – И растратила слишком много сил, гоняясь за мною и своей пропажей именно теперь, на пике зимы. Даже представить боюсь, чего тебе стоило уничтожить герцогский замок… а главное, не могу понять, зачем ты это сотворила! Думала, ключ там? И как ты собиралась выцарапывать его изо льда? Ждала бы до весны?

– Не важно, – ответила она, снова повернувшись к воде, – главное, умри хранительница, я могла взять его когда угодно. Пускай даже по весне, когда лед растает. Но ты прав, я зря израсходовала силы… Вы сами принесли мне ключ.

– Но зачем он тебе, если ты все равно не можешь им

воспользоваться? – не выдержала я. – Найти дорогу, по которой ушли твои соплеменники, позвать их, вернуть тебе не по силам, так зачем же?

– Рано или поздно, – произнесла фея, – я соберу достаточно сил, чтобы повернуть ключ. Все эти годы я вспоминала… Теперь я почти уверена, сколько оборотов и в какую сторону сделала та дерзкая алийка. Если же мне не удастся… Что ж, я попробую снова. И снова… Я бессмертна, в отличие от вас.

– Иринэль пожертвовала волшебством нашего рода, лишь бы избавиться от твоего племени и отправить его в ничто, – сказал Ирранкэ. – Не думаешь же ты, что они все-таки отыскали дорогу в какой-то из миров, которые ты показывала мне в своих воспоминаниях?

– Кто знает.

– А если это не так?

– Тогда я постараюсь призвать их обратно. Они должны услышать меня, увидеть открытую дверь… Но без ключа я не могу сделать этого. – Фея снова встала вполоборота, и мне показалось, будто я рассмотрела длинные опущенные ресницы. – Он… он звучит, как звонкий горн в утренней тиши, в густом тумане, способном заглушить или исказить все прочие звуки! Этот же ни с чем не спутаешь, и если они услышат его, то вернутся обратно, придут по его струне… Рано или поздно они непременно вернутся!

– Папе ты совсем другое говорила, – встряла Ири. – Ты сказала, что должна запереть дверь, чтобы из пустоты сюда не пробрались всякие чудовища! Или твоя родня и есть те самые чудовища?

– Для кого как… – пробормотала я, прижав ее к себе. – Кто знает, какие твари водятся в этой самой пустоте, может, кто-нибудь пострашнее фей?

«По струне», сказала фея. Должно быть, они слышат волшебство так же, как Ири, то есть Ири – как они… Ох, не время сейчас думать об этом!

– Ключ ты не получишь, – сказал Ирранкэ. – Мы здесь по другому делу.

– Какому же?

– Я, видишь ли, дал слово избавиться от тебя. Не важно как, но в этом мире тебя быть не должно, Владычица вод.

– Ты ведь понимаешь, что убить фею, даже полукровку, тебе не под силу, алий? – прошептала она.

Рука ее с веретеном бессильно упала, но его острие взблескивало красным, и казалось – оно вот-вот ужалит.

– Понимаю.

– На что же ты рассчитывал?

– Признаюсь, я собирался открыть дверь и вышвырнуть тебя в ничто, – совершенно серьезно ответил Ирранкэ и улыбнулся, будто оскалился. – И планы мои не изменились. Другого выхода все равно нет: или ты призовешь обратно свою родню… и что они, оголодав за столько лет, сделают с этим миром, я и представлять не желаю, или ты отправишься к ним.

– И тебе не жаль меня? После всего, что ты говорил…

В воду капнула слеза, вторая…

– Нет, не жаль, – сказал он. – Алии жестоки, неужели ты не знала? Нам чуждо милосердие.

– Но ты ведь умеешь любить!

– Не тебя, – обронил Ирранкэ.

– Я же могу вернуть тебе утраченное, – прошептала Владычица вод. – Взгляни… Просто взгляни, не бойся! И вы смотрите, смертные, чего он лишился из-за вас!

– Не из-за нас, а ради нас, – поправила Ири. – Это совсем разные вещи, правда, папа?

– Да. Это абсолютно разные вещи, – серьезно ответил он. – Но пускай покажет, чего же я лишился, по ее мнению… Ну? Мы ждем!

Рука с веретеном вновь поднялась, описав полукруг, – его очертили алые капли, застывшие в воздухе, как мухи в золотистом камне. Струи водопада словно замедлили движение, переплелись, и в водяной пыли возникло видение: это был непостижимой красоты дворец, герцогский замок рядом с ним казался жалкой лачугой! Такие дворцы рисуют в книжках с картинками – с высокими белыми башнями, трепещущими на них стягами, с воздушными галереями и стрельчатыми окнами, прекрасными скульптурами и фонтанами в цветущих парках… А уж церемониальный зал – хоть весь город в нем танцуй, еще место останется!

Там собрались алии – множество алиев, а я никогда больше десятка разом не видела, и то половина были слуги. Женщины и мужчины в праздничных нарядах, сам алийский князь – одетый не пышнее прочих, он все равно выделялся из толпы подданных. Он был немолод, а если по алию видно, что он в летах, значит, по человеческим меркам он глубокий старик.

Князь стоял на возвышении и будто ждал чего-то. И дождался: гости расступились, открылись высокие двери и вошел Ирранкэ рука об руку с ослепительной красавицей – я узнала госпожу Меланноэ. Они прошествовали к повелителю, и тот, должно быть, собрался благословить их союз…

– Что за чушь! – сказал настоящий Ирранкэ. – Меланноэ – моя

племянница. С какой стати мне на ней жениться? Да и брачный союз у алиев заключается совсем не так. Это, с позволения сказать, таинство, и никаких… хм… предварительных церемоний не проводится.

– Но…

– То, что ты могла увидеть в моей памяти, – это празднование в честь совершеннолетия Меланноэ. Девушку должен проводить к главе рода взрослый мужчина из ее семьи, но не отец, и из всех дядьев и братьев она выбрала спутником меня. Впрочем, – добавил он, – мы здесь не затем, чтобы обсуждать обычаи алиев! Чего же я лишился по-твоему, о Владычица вод? Союза с благородной алийкой? И что с того?

– Ты же знатный, – подсказала Ири. – Вам положено жениться на таких же…

– Я наследник далеко не первой очереди, да и дед мой умирать покамест не собирается, поэтому кому какое дело, кого я полюбил и взял в жены?

Фея молчала.

– Чем еще удивишь? – спросил Ирранкэ.

– Может быть, теперь твоя женщина взглянет, что я могла бы дать ей? Она ведь не из обычных людей, она… – фея осеклась и закончила с ненавистью: – Из потомков Короля-убийцы. Очень, очень далеких, но наша память простирается в глубину веков, и я вижу: капля этой проклятой крови есть и в ней, и в ее отродье…

– За отродье получишь сейчас! – пообещала Ири, а я снова дернула ее за косу, чтобы не лезла без спросу, и сказала:

– Ну что ж, покажи. Видела я уже кое-что, вдруг это поинтереснее окажется?

Снова вспыхнули радуги водопада, и я увидела себя.

Было на мне платье, какие любила покойная вдовствующая герцогиня, одновременно скромное и дорогое, и ее опаловое ожерелье сверкало у меня на шее. Мои волосы, уложенные в высокую прическу, украшала бриллиантовая диадема, вокруг суетились служанки, а когда в комнату кто-то вошел, порскнули во все стороны, как вспугнутые воробьи. Это сам герцог явился взглянуть, хорошо ли убрана его невеста…

«Не будь я уже женат и не будь ты простолюдинкой, лучшей герцогини я и искать бы не стал», – вспомнила я его слова. А что, не такая мы с ним близкая родня, мог бы и впрямь жениться на мне!

– Да кто ж так на свадьбу наряжается? – вырвалось у меня. – Платье-то свадебное, но ожерелье девичье, диадема бальная, для замужней дамы, а эти вот ленты вовсе траурные, вдовьи!

– Мам, служанки и те вечно путают, что к чему надевать

нужно, а фея вовсе сколько лет людей не видела! – вставила Ири. – Ой…

В видении появилась и она сама, в праздничном наряде, настоящая принцесса, и герцог отечески поцеловал ее в лоб…

– Глупости какие, – твердо сказала она. – А теперь для меня картинка будет, да? Ой, не могу! Поглядите только!

Тут и мы увидели, как по раскаленным солнцем белокаменным улицам движется процессия: всадники на великолепных конях в золоченой сбруе, темнокожие полуобнаженные воины с копьями в два человеческих роста и изогнутыми саблями, в плащах из звериных шкур, с огромными пятнистыми кошками на поводках. В середине же медленно шло громадное чудище с шатром на спине, с ушами-опахалами, с погонщиком на шее. В шатре возлежали на подушках дэшавар Урза и Алиш, а Ири, одетая во что-то вроде занавесочки из невесомого золотистого шелка, унизанные самоцветами цепочки да собственные распущенные кудри, подавала им фрукты.

– Ой, заберите этого вашего дэшавара с дэшаварчиком! – покатывалась она со смеху. – Вот умора! Мам, ну скажи, не могло такого случиться никогда-никогда! Да я лучше бы утопилась, чем пошла замуж за этого обормота!

– А может быть, ты согласилась бы стать моей наперсницей, дитя? – спросила вдруг фея. – У меня нет наследницы, а твоим родителям теперь не до тебя, раз уж они обрели друг друга! Я показала бы тебе все тайны этого мира, обучила тому, о чем даже не слышали ни люди, ни алии, и ты стала бы…

– Еще чего не хватало! – перебила Ири. – Многое ты можешь показать, ага, не вылезая из этой долины. Я по дороге и то больше видела, вот! И научишь ты, как же, жди… Еще скажи: чтоб попасть к тебе в ученицы, надо отречься от родителей, как в сказке, и служить тебе верой и правдой много лет! Размечталась…

– Зачем ты тянешь время и искушаешь нас? – спросил вдруг Ирранкэ у феи. – Чего ты дожидаешься? Ты ведь не хуже нас понимаешь, что эти твои видения фальшивы насквозь, так в чем же дело? Думаешь, кто-то из нас настолько глуп, чтобы поверить тебе?

– Нет… конечно же, нет, – прошептала она. – Но вдруг? Вдруг кто-то дрогнул бы… Столько лет… Мне нужен ключ! Отдайте, отдайте, прошу, не заставляйте отбирать его силой! Я смогу, мне хватит сил…

– Убить нас? Тогда почему ты не сделала этого сразу, как разделила нас по прибытии? Я хоть как-то мог сопротивляться, а моя жена? Почему ты не прикончила ее и не забрала ключ? Она

же была в полной твоей власти! – Ирранкэ выдохнул. – И не говори, что просто хотела позабавиться. У тебя уже не осталось сил на такие игры.

– Я не смогла, – ответила фея со странным смешком. – Представь, Ирэ, я не смогла… У этой женщины такая броня, что мне ее не пробить! И это не ключ, нет, он не дает защиты, это…

– Это кровь Короля-чародея, – сказал он. – Короля-убийцы, как вы его называете. И благодарю Создателя за то, что она – его потомок.

«Чей именно?» – подумала я и вздрогнула от кощунства этой мысли. И заметила – при фее Ирранкэ ни меня, ни дочь не называет по имени. Она, правда, могла слышать нас прежде, но вдруг не поняла?

– Отдайте ключ, – повторила фея. – Отдайте! Я покамест прошу по-хорошему, я оставлю вас в живых, убирайтесь прочь из этой долины… Здесь у меня все еще достаточно сил, и пускай я не могу убить женщину, я изувечу тебя, Ирэ, и даже если она сумеет вытащить то, что от тебя останется, за ту грань, где я не властна, ты все равно умрешь в мучениях! Но до этого дело не дойдет, она вернет мне ключ, лишь бы не видеть твоих страданий…

– А почему ты решила, что этот алий мне настолько дорог? – перебила я. – Я была с ним всего лишь одну ночь, а вновь встретила больше десяти лет спустя. И я не романтичная девица, способная влюбиться не то что в мельком увиденного принца, а и в описание его портрета!

– Мам, я же говорю, она совсем не знает людей и алиев тоже, – серьезно сказала Ири. – Откуда бы? Сюда если кто забредал, так как раз эти вот… которые в портрет влюбляются. Или в отражение. Или вообще в одни только слова. Чудики, одним словом! Ну или по делу приходили, как папа и наша прапрапра… Иринэль, в общем.

Воцарилась тишина, нарушаемая только журчанием воды.

– А как ты собирался избавиться от меня? – спросила вдруг фея. – Ты же знаешь, убить меня не так-то просто…

– Я ведь уже сказал, что хотел открыть дверь и вышвырнуть тебя… не знаю куда, главное, прочь отсюда. А потом запереть эту дверь и… Ключ непросто уничтожить, но мы придумали бы что-нибудь. Я даже знаю, кто сумел бы помочь в этом.

– Твоя родня? Среди них нет ни одного настоящего чародея, ты сам говорил, и ваши скромные умения – не в счет!

– Нет. Я говорю о том, кому дал слово, – он взглянул вверх, на выгоревшее небо без солнца, – и кто не может сюда попасть. Пока не может.

– Ты… – Владычица вод вздрогнула. – Ты не осмелился бы… Нет… Только не…

– Почему тебя так пугает зима? Лед по весне растает, разве нет? Или ты когда-то имела дело с самими… – Ирранкэ сделал выразительную паузу, – и ухитрилась чем-то обидеть их?

– Нет! – выкрикнула она и закрыла лицо рукавом, хотя и без того стояла спиной к нам. – Не в том дело… Просто они… они нас ненавидят. И особенно – меня, полукровку! Таких никто не любит, вам ли не знать…

Я сгребла свою полукровку в охапку и прижала к себе покрепче. Еще бы и в макушку поцеловала, если бы не ящерка, о которой мы и позабыли, но которая никуда не подевалась.

– Нужно запереть дверь, – сказал Ирранкэ. – Я помню, где она. Я сделаю это, хочешь ты этого или нет, о Владычица вод.

– Мы сделаем, – добавила я. – Ключ-то у меня.

– Верно. А с ней, – он кивнул на фею, – как-нибудь совладаем. Скала вон там, идем!

– Нет.

Воздух будто загустел, как это бывает перед бурей.

– Вы не подойдете к двери. Мне еще хватит сил на то, чтобы убить вас. Не нужно было растрачиваться на миражи и обманы, верно, но с вами я справлюсь… – Фея тихонько засмеялась. – Девочка самая опасная из вас, поэтому…

– Да ладно? – удивленно сказала Ири, когда водопад вдруг замер, а затем воды его покатились вспять и веретено, которое выронила фея, принялось вращаться само собою. – Мама… ма…

«Сказала, что утоплю в озере, значит, утоплю!» – мелькнуло у меня в голове, когда Ири вдруг схватилась за горло, словно пытаясь избавиться от удавки.

Я была крупнее феи и тяжелее и без труда сшибла ее в воду.

– Убью, тварь! – Длинные волосы сами собою намотались мне на руку, и я, оседлав Владычицу вод, несколько раз приложила ее лицом о каменистый берег, как она ни старалась вывернуться.

Одежда тянула на дно, но тут было не особенно глубоко, и мне хватало роста для того, чтобы вынырнуть, вдохнуть и снова окунуться. Сильное гибкое тело билось подо мною, и я вдруг получила такой удар, что едва не захлебнулась и выпустила добычу. Тут уж Ирранкэ схватил меня за шиворот, потом под руку и выволок на берег.

– С ума сошла! Это же ее стихия!

– Плевать! – выдохнула я, откашлявшись, и глянула на озеро. Феи не было. – За дочь я ее хоть в воде сожгу, хоть в огне утоплю! А ты где был?!

– Мам, он мне помогал, – тихо сказала Ири, подобравшись с

другого бока. На горле у нее багровела широкая полоса. – Это какое-то ужасно хитрое колдовство, я не успела бы распутать, если б папа не держал эту гадость…

Ирранкэ молча вытер руки об одежду – пальцы у него были в крови.

Я сгребла дочь в охапку, не думая о том, мокрая я или не слишком. Живы обе, и ладно!

– Где же эта дрянь?

– Может, пока ее не видно, добраться до двери? – спросила дочь, вытерев нос.

– Боюсь, поздно, – ответил Ирранкэ, глядя на озеро.

Уже взбаламученное, теперь оно пошло волнами, будто в середине зарождался водоворот. Так оно и было: еще мгновение, и фея поднялась из глубин – струи воды стекали по ее переливчатому одеянию, по длинным волосам, облепившим лицо, – его по-прежнему невозможно было различить.

– Вы сами выбрали свой путь, – негромко произнесла она. – Ирэ… я ведь любила тебя. Тебя я убью последним…

Глава 27

– Мам, отдай мне ключ, – прошипела Ири. – Скорее!

– Я не могу скорее, узелок намертво затянулся, да шнурок вдобавок намок, – обескураженно ответила я, ощупав цепочку. – И зачем он тебе?

– Да уже незачем, – вздохнула она.

Фея шла к нам, низко опустив голову и свесив пустые – в кои-то веки! – руки. Прялка с веретеном – я видела – лежали на берегу озера, а Владычица вод непроизвольно перебирала пальцами, словно все еще сучила тонкую нить и раскручивала веретено.

Я нашла в кармане свой ножик и на ощупь принялась резать шнурок. Он поддался наконец, но вот стащить через голову цепочку удалось не враз, ее заклепывали прямо на мне. Уши ободрала… Вот ведь – последняя битва, как в легендах, а я с ободранными ушами! И смех и грех, как бабушка говорила!

– Вот он. – Я сунула ключ в руку Ири. – Не потеряй.

– Ни за что, – серьезно ответила она и надела цепочку себе на шею. – Не бойся, мам, она не сумеет вас заколдовать. Вы сильнее.

– О чем ты?

– Я так вижу, – без улыбки ответила Ири.

А я вдруг вспомнила: ее отец ведь спасался воспоминаниями обо мне, о нашей нечаянной ночи, об аромате жасмина… И если это случайное воспоминание оказалось сильнее волшбы феи, то неужто мы не выстоим перед нею теперь?

– Стой, ты куда? – спохватилась я, когда Ири вдруг пошла

вперед, прямо к фее, и ринулась следом, но Ирранкэ схватил меня за локоть.

– Решила не длить мучений? – бледно улыбнулась Владычица вод. – Ну что ж, иди ко мне, девочка!

– Какая ты несчастная! – сказала Ири, посмотрев на нее снизу вверх. – Тебя же никто никогда не любил, разве не так? Для фей полукровка так… все равно что человек, если не хуже. Людей ты презираешь, алии тебя поманили любовью и обманули, они недобрые, потому что ледяные изнутри, такая уж их природа. Какими Создатель сотворил, такими и живут, не для каждого оттаивают…

– О чем ты?!

– О тебе. Если никто тебя не любит, так, может, дело в тебе, а не в других? Ты вот глядишь да глядишь в воду, а вода – она текучая, она правды не скажет. И как поймешь, какой тебя видят? На вот, посмотри по-настоящему! – Ири протянула ей что-то. – Ну, что ты отвернулась? Боишься?

В руках у Ири было наше зеркало. Должно быть, все это время она прятала его под одеждой, и я подумала: может, направленное на нее колдовство отразилось? Иначе Ири не успела бы распутать удавку или вовсе жужжала бы пчелой на ромашке, а я вряд ли бы сумела поставить Владычице вод великолепный синяк на подбородке!

– Нет… не надо… – Фея отшатнулась, закрываясь мокрыми руками. – Не надо!

– Да ты не бойся, – серьезно сказала Ири, подняв зеркало повыше, – смотри.

Вихрь видений поднялся из глубин озера, и пусть мы видели не все, но…

Вот она, фея, еще не Владычица вод, просто юная девушка на балу, никто не замечает ее, кавалеры проносятся мимо со счастливыми соперницами, и шелестит за спиной «Ах, эта, ну конечно…»

Вот она помогает госпоже, рвет жилы, чтобы удостоиться снисходительной похвалы и слов «Для такой, как ты, это немало!»

Вот смешки за спиной: «Она думает, соблазнить алия сложнее, чем человека? Они же все одинаковы, эти смертные!»

И слова госпожи: «Ты останешься, чтобы запереть дверь». А в жутких, черных без блеска глазах чистокровной феи читается: «Хоть на это ты сгодишься!»

И, наконец, алий, которого она полюбила: «Ты не стоишь даже родинки на щеке этой девушки»…

– Это кривое зеркало, – громко и четко произнесла Владычица вод. – Кривое!

Она вскинула руку, и Ири не удержала зеркало – оно взлетело над озером, сверкнуло и кануло на дно. Но не разбилось, я видела – стекло алийской работы так просто не разбить, будь ты хоть сто раз фея, как говорит моя дочь…

– Оно не кривое, – сказала Ири, глядя прямо на нее. – Оно отражает правду. А правду видеть мало кому нравится.

– Например, тебе? Незаконнорожденной дочери незаконнорожденной дочери?

– Подумаешь! Главное, мама меня любит, и папа, и бабушка, и тети с дядями, и кузены с кузинами, и друзья… И маму любят! А тебя – никто. Или пользуются, или обманывают, или все сразу! – выдала Ири, посопела и добавила: – Я бы так жить не смогла.

– Вот и я больше не могу, – прошептала фея, и водоворот унялся. – Отдайте ключ. Я хочу уйти, но не могу. Я даже покончить с собой не способна, я ведь…

Она не закончила фразы.

Ящерка, о которой мы совсем позабыли, вдруг соскочила с плеча Ири, нырнула в озеро, и оно будто вскипело. Все кругом заволокло паром, и из этого пара вдруг начало подниматься нечто… нечто огромное.

Я успела рассмотреть узкую, вовсе не ящеричью морду, длинные усы и пышную гриву, потом мелькнули гибкая шея и когтистая лапа, и гребень на прихотливо изогнутой спине… Казалось, существо это вовсе нескончаемо: колоссальная голова его уже коснулась туч, а хвоста все было не видать; зверь словно сросся с водопадом, проистекал из него, бесконечный, как поток воды!

– Мама, это же… – Ири вцепилась в мою руку. – Это же облачный дракон! Настоящий, живой! И мы все это время носили его с собой, я его за хвост дергала… С ума сойти!

В низких тучах загрохотало. Дракон выгнул спину и поймал молнии на гребень; чешуя его полыхнула холодным иссиня-белым пламенем, а по гриве побежали синие искры, как у кошек по шерсти перед грозой.

Что? На небе ведь не было ни облачка! Но нет: долину заволакивало тучами, тяжелыми, грозовыми, но совсем не летними.

– Это не облачный дракон, – едва слышно произнес Ирранкэ, обняв нас обеих покрепче. – Они же непостоянны: только что здесь – и уже нет их, а наш что-то не спешит рассеяться или улететь по ветру…

– А кто же это тогда?

– Понятия не имею!

Длинное тело уже заключило долину в кольцо, а теперь в середине этого кольца собирался водоворот из снежных туч. Там, наверху, наверно, было очень холодно, куда холоднее, чем здесь, потому что дракон вдруг встопорщился и встряхнулся, опять же, по-кошачьи, и вниз полетел колкий снег. Драконья чешуя теперь сверкала льдистым огнем, на который больно было смотреть.

– Вот, значит, как… – негромко произнесла Владычица вод, глядя, как озеро под ее ногами подергивается первым ледком. – Ключ… все прочее… Лишь для того, чтобы разрушить мои стены? Явиться сюда?

Я глянула вверх: над нашими головами кружился сверкающий дракон, собирая тучи. И наконец грянуло…

Мне показалось, молния ударила прямо в озеро, и я на мгновение ослепла, а когда зрение прояснилось, глазам моим предстало необыкновенное зрелище.

Сперва мне почудилось, будто от грозно клубящихся туч поднявшийся ветер оторвал клок и гонит вниз, но нет – это была высокая фигура в развевающемся плаще.

Я замерла, боясь пошевелиться: по гребню облачного (или ледяного, поди пойми!) дракона к нам спускалась из поднебесья сама Зимняя королева. Как и в воспоминаниях Ирранкэ, капюшона на ней не было, и поверх плаща из метели стелились волосы чернее ночи, а звездная корона сверкала так, что лица было не разглядеть. Да и так бы не вышло, поняла я, увидев, как трепещет туманная вуаль, оставляя на виду лишь глаза, пронзительно-голубые, такие же яркие и холодные, как звезды в королевском венце.

– Ух ты… – восторженно протянула Ири, и я очнулась от наваждения.

– Я еще не завершил обещанного, – негромко сказал Ирранкэ, шагнув навстречу королеве. – Я не успел…

Она лишь подняла руку – ледяным огнем сверкнули камни в перстнях, – и он посторонился.

Там, где ступала королева Зимы, трава не просто увядала, она делалась будто бы стеклянной, тронь – зазвенит. Искристая поземка вилась у ее ног, ластилась, словно белая кошка, и легкий снег укрывал все кругом и не таял. Да и как бы ему растаять, если солнца здесь не было, а раскаленное небо скрылось за тучами и вниз все сыпались и сыпались мелкие льдистые осколки…

– Это наш дракон линяет, – со знанием дела сказала Ири, подобрав ледяную чешуйку. – Слишком быстро вырос, потому что чуть не всю воду из озера выпил, вот и сбрасывает шкуру… Мам, а как думаешь, это он или она? Я уже привыкла, что она, но дракон все-таки «он»…

– Ири, честное слово, вот об этом я сейчас совершенно не думаю! – не выдержала я.

– Гляди, а это ведь настоящие зеркальца! – не слушая меня, заявила дочь и принялась собирать льдинки, которые не таяли у нее в руках. – Сколько их, наверно, по всей округе разлетелось! Ну да, правильно, зеркало-то наше в озеро упало, из которого дракон пил, а оно…

– Непростое, – прошелестела поземка, и Зимняя королева взглянула на меня.

Я думала, умру на месте, но нет, ничего страшного не случилось, разве что мороз пробрал до костей. И то, я же мокрая насквозь… Или уже нет? Что за чудеса творятся?! Я же с головой окунулась, с меня ручьем течь должно, а того вернее – сосульки свисать!

– В этом озере не обычная вода, – будто прочитала мои мысли призрачная королева.

– Воспоминания? – само собой вырвалось у меня. – И отражения? Поэтому оно такое холодное?

Она медленно кивнула в ответ и повернулась к Ири, а та уставилась на легендарное создание с таким же искренним восторгом, как до того – на дракона. Ну и, разумеется, не могла не спросить:

– Так это была ваша ящерка, госпожа?

Звезды в короне снова мигнули, когда Зимняя королева наклонила голову, а потом протянула руку и взяла Ири за подбородок. Надо было спасать дочь, потому что прикосновение такого существа никогда не сулило ничего доброго, но я будто примерзла к месту…

– Чудесное зеркало, – произнесла королева и другой рукой провела по волосам Ири, оставляя снежный след. – Мы еще поговорим с тобой, дитя, но сперва нужно закончить начатое твоим отцом. Подойди, алий.

И он подошел, будто завороженный глядя в туманную пелену и ослепительные искры под развевающейся на ветру черной гривой.

– Ты обещал избавиться от феи, – сказала Зимняя королева, глядя на него в упор. – И ты сделал все, что было в твоих силах.

– Мне помогали, госпожа, – усмехнулся он.

– Твои помощницы неотделимы от тебя. Раз уж даже моя вьюга не сумела разлучить вас…

– Так это правда были вы! Там, в лесу… Я так и подумала! – подскочила Ири.

– Дело за малым, – продолжала королева, не обратив на нее внимания, – закончи начатое, алий. Ключ у вас, дверь – у тебя за

спиной, так сделай же, что должен.

Он взглянул на фею, замершую на месте, потом на меня, протянул руку за ключом, но…

– Не дам, – сказала Ири и спрятала руки за спину, упрямо вздернув подбородок.

– Не глупи! – нахмурился он.

– Это не глупости, пап, – серьезно произнесла она. – Нельзя с ней так.

– Она же сама хочет уйти… – прошептала я, а фея кивнула, пряча лицо в ладонях.

Владычица вод будто потускнела, поблекла, платье не переливалось больше всеми цветами радуги, как оперение волшебных птиц из южных стран, волосы не искрились, висели мокрыми сосульками, а понизу, по-моему, уже превратились в настоящие сосульки. И – я только теперь поняла – она же была маленькой. Не ребенком, но по меркам волшебного народа, наверно, еще подростком. Королева Зимы назвала Ирранкэ молодым алием, в его-то годы! А если пересчитать возраст феи на наш, она ведь окажется едва-едва старше моей дочери!

– Она не представляет, что ее там ждет, – негромко сказала Ири.

– Я знаю, – шепнула Владычица вод. – Великое ничто. И, может быть, когда-нибудь я найду свой народ…

– Вот именно – ничто. Тут ты в озеро могла смотреться, кто-то заглядывал, да и наружу можно выбраться хоть ненадолго, по травке погулять! А там вообще ничего не будет. Только твои мысли и воспоминания. И так – навсегда! – горячо произнесла Ири и продолжила вдохновенно: – Люди вон всего за год в темнице с ума сходят, я слыхала, а тут будет целая вечность… И не найдешь ты никого, лет-то уже сколько прошло? Они давно ускакали так далеко, что и следа не осталось, и дозваться их не получится даже и с ключом!

– Откуда ты-то знаешь, букашка? – усмехнулась фея.

– А я головой думаю, прежде чем что-то делать, – пресерьезно ответила та. – И вообще думаю. И мне вот кажется, ты тут жила, как заключенный в этой самой одиночной камере, много-много лет, и от того немножко уже умом подвинулась. А в этом великом ничто будет куда как хуже!

Ирранкэ издал непонятный звук, то ли засмеялся, то ли подавился, да и я была близка к тому же.

– Ты покоя хочешь, – добавила Ири, глядя на фею. – Но ты его не получишь.

– Почему же?

– Потому что все твои мысли останутся при тебе, – серьезно

ответила она. – И ты будешь думать их снова и снова, по кругу, и отвлечься… ну вот хоть на облака посмотреть, на воду, уже не сможешь. Какой же это покой? Я бы точно от такого спятила!

– И что же? Что ты можешь предложить взамен? – Владычица вод посмотрела на нас из-под распущенных волос. – Остаться здесь? Невелика разница… Я проиграла. Вы сильнее, вы призвали на помощь ту, против которой я – ничто… Знать бы раньше…

Королева Зимы хранила молчание, но я чувствовала ее присутствие, даже если не смотрела на нее.

– Если бы ты знала заранее, то тебе хватило бы ума не трогать колодец в замке, – произнесла она наконец.

– Это вы заморозили воду? – тут же спросила Ири.

– Да.

И верно, подумала я, если бы ударившая из-под замка вода не застыла льдом, то все дома просто бы смыло. И так-то много людей погибло, но от падающей ледяной глыбы еще можно как-то увернуться, а вот поток унесет – и поминай как звали!

– Былого уже не вернуть… – Фея оглянулась на свою пряжу, мокрую, спутанную, на веретено, вмерзшее в лед на берегу, – озеро понемногу схватывалось льдом. – И что мне остается? Ни алий, ни человек не могут убить меня, а я не могу умереть своей волей!

И тут королева Зимы раскрыла ей свои объятия.

– Иди ко мне, девочка, – тихо-тихо произнесла она. – Иди, не бойся. Я подарю тебе покой, о котором ты мечтаешь…

Владычица вод сделала шаг, другой… Ноги ее будто подкашивались, ее шатало, как пьяную, но она шла навстречу своей погибели.

– Они никогда не простят меня, – шептала она, – никогда. Я больше их не увижу.

– А ты хотя бы помнишь лицо своей матери?

– Нет. Я не знаю, кто породил меня. Я не знаю, был ли смертным отец или мать. Меня подбросили сюда, к ведьмину водопаду, тогда его называли так… Феи вырастили меня, но…

– Ты не была им родной, хотя их кровь течет в твоих жилах? Но теперь это уже не имеет значения. – Белые пальцы Зимней королевы коснулись лица Владычицы вод. – Несчастное дитя… Даже феям нельзя заглядываться на мою охоту!

– Так, выходит, я… – Фея вскинулась, попыталась было схватиться за руку королевы, но отшатнулась. – Я одна из вас?

Та молча покачала головой.

– Одной из нас родиться нельзя. Такими, как мы, становятся, отказавшись от всего, что удерживает на земле.

– И позабыв?..

– Нет. Отказавшись. Ты будешь помнить, но уже никогда не притронешься к этому вот алию, даже озера своего не коснешься, не выморозив его до дна. Выбирай, девочка. Или это, или…

Она подняла руки чуть выше, и они сверкнули льдом.

– Я только попрощаюсь, – едва слышно попросила Владычица вод, – хорошо?

Не дождавшись ответа, она повернулась к озеру, окинула взглядом долину, потом сделала шаг к Ирранкэ и долго смотрела ему в лицо. Затем шагнула ко мне и лишь усмехнулась, а вот на Ири глядела дольше.

– Теперь это все твое, букашка, – сказала она моей дочери. – Владей.

Фея подошла к королеве Зимы и посмотрела ей в лицо, в кои-то веки откинув волосы назад.

– Я устала, – сказала она. – Я так устала…

– Иди ко мне… – прошелестела поземка. – Ты жаждешь покоя, и я дарую его тебе!

Я видела, как фея прильнула к груди Зимней королевы, а та обняла ее, медленно-медленно заключая в кольцо рук, и от них по телу Владычицы вод побежали льдистые дорожки. Их становилось все больше и больше, и наконец королева сомкнула объятия…

Раздался тихий перезвон, когда хрупкая фигура Владычицы вод вдруг рассыпалась бесчисленными льдинками. Мне показалось, будто я успела увидеть улыбку на ее лице и закрытые глаза – слезинка упала и канула в пожухлую траву.

– Много лет назад, в ином где, в ином когда одна женщина твоей крови подарила нам фею. Настоящую, чистокровную, – негромко произнесла Зимняя королева, обращаясь ко мне. – С тех пор мы чуем их повсюду, даже полукровок, даже укрывшихся от испуга в самых дальних уголках мира…

– Они так вредят вам? – тут же спросила Ири.

– Они нарушают исконный ход событий, установленный раз и навсегда. Они – как зловредные гусеницы, выедающие сердцевину розового бутона. Им нет места в наших мирах, ни в одном из них, и этот свободен отныне. Будет свободен, – добавила королева, обратив на мою дочь ледяные искры глаз, – когда ты отдашь мне ключ, а я навеки запечатаю дверь.

– Я не отдам, – совершенно серьезно сказала она и снова спрятала руку с зажатым в ней ключом за спину. – Ты заморозишь его, а он живой! И его не феи сделали, они его просто присвоили, вот.

– И что же ты намерена делать с ним, дитя?

– Пока ничего, – ответила Ири. – Просто… ну просто… Все боятся, что оттуда, из-за двери, придут чудовища. А если нет?

Если это не чудовища… то есть нам они кажутся ужас какими страшными, но на самом деле это вовсе не так? Что, если их выжили из дома такие вот феи и они вовсе не нападают, а просто ищут, где бы спрятаться?

Воцарилось молчание, нарушаемое только посвистом ветра.

– И ты, дитя, полагаешь, что сумеешь отличить несчастных беглецов от врагов, готовых поглотить и тебя, и все кругом? – негромко спросила королева Зимы.

– Да, я сумею! – громко и звонко ответила Ири, задрав нос до небес. – У меня зеркало есть, бабушкино, алийской работы, и в нем все отражаются взаправду, а не… как придумали! Правда, оно немножко утонуло, но мы его достанем, тут не очень глубоко, вот. Да, мам?

– Достанем, – кивнула я.

Я не понимала, что она затеяла, знала лишь, что сама могу с трудом и слово молвить, оказавшись лицом к лицу с Зимней королевой, а дочь, поди ж ты, болтала с ней, как с равной!

«Почему «как»? – подумалось мне. – Королева сказала ведь, что такими, как она, не рождаются, а становятся, и как знать, кем она была прежде!»

– Не нужно поднимать, – негромко сказала королева Зимы, – пускай покоится на дне. Иначе кое-кто не сумеет увидеть своего отражения. Некоторые слишком уж велики…

– Как вот он… или все-таки она? – Ири задрала голову, глядя на дракона.

– Для них это не имеет значения. Они же не плодятся, как люди… и алии. – Мне показалось, будто туманная вуаль дрогнула от едва заметной улыбки. – Твоя мать была права: не ко времени появившийся детеныш решил дождаться весны и уснул среди камней. Крохотная ящерка по весне должна была стать настоящим облачным драконом, непостоянным, ветреным, но… Солнце палило его, холод жег его… – Синие искры вспыхнули ярче. – Ваши руки согревали его, когда вы сами погибали от холода. Вы укрывали его от зноя и делились с ним водой, которой не хватало вам самим. Он отведал вашей крови. Любуйтесь теперь, какое чудовище вы взрастили!

Ослепительно-белый дракон в сумрачном небе потянулся всем телом – грянул гром, и несколько молний ударили совсем рядом с нами.

– Это уже не облачный дракон, – негромко сказала королева Зимы, – алий был прав. И даже мы не знаем, что он такое.

– Он такой красивый! – воскликнула Ири, глядя вверх. – Жаль только, нельзя его погладить, очень уж большой!

Будто услышав ее слова, гигантский зверь посмотрел на нас и

устремился вниз. Я могла только зажмуриться и молиться Создателю – остаться бы в живых, и ладно! А когда открыла глаза, Ири ерошила гриву большого, не меньше лошади размером чудовища, а то все норовило лизнуть ее…

– Вы же не заберете его, правда? – требовательно спросила дочь у Зимней королевы. – Он со мной хочет быть и с мамой, я чувствую!

– Они сами решают, с кем им оставаться, – был ответ. – Это все – твое, дитя. Долина, и озеро, и зеркало, и этот… странный зверь. И даже ключ. Владей ими. Но помни…

– Я не использую их во зло, – перебила Ири. – И не открою дверь… всякой гадости, вот! Посмотрю сперва, кто там стучится и зачем!

– Ты справишься. – Зимняя королева подняла голову: вдалеке слышался перезвон бубенцов. Мгновение, и та самая пара белогривых коней стала перед нею. – А нам пора. До встречи, маленькая привратница.

– Вы приходите на новоселье! – крикнула Ири ей вслед. – Обязательно приходите! Летом, ага?

Ответа мы не расслышали, так взвыл ветер. Мгновение – и вьюга улеглась, и уже ничто не напоминало о случившемся. Ну, кроме озера, сияющего нездешним светом, и белого зверя, которого обнимала Ири.

– А как же дверь? – осипшим голосом спросила я.

– Не надо ее запирать, – ответила дочь. – Феи не вернутся, дороги не найдут. А кто-нибудь, может, придет.

– Создатель вовсе не был забывчив, – добавил Ирранкэ. – Он просто видел наперед и знал: кому-то придется спасаться из родных краев, потому и не запирал за собой двери. Может быть, кто-то и успел выбраться…

– А ключ… – Ири протянула нам замысловатую вещицу, – он сам разберет, кто пришел с миром, кто с горем, а кто со злобой. Смотрите!

Мы видели: в ее ладонях он налился мягким светом, и вот уже не безделушку она держит в руках, а цветок, белоснежный, живой, нежный…

– Пускай растет, – сказала она, посадив его на стебель возле заветной скалы. – Мы дверь открывать не будем, нам никуда не нужно, и тут хорошо, правда, мам? Но если кто-нибудь постучит… Ты злодеев не впустишь, верно?

Белый дракон наклонил огромную голову. Никак не получалось понять, насколько же он велик: с собаку размером, с коня, а может, с гору? Он менялся на глазах, и трудно было признать в нем ту ящерку, которая…

– Ай! – вскрикнула я, когда меня укусили за ухо. – Ну, знаешь, это уже чересчур!

– Не обижайся, мам, он же любя, – серьезно сказала Ири и схватила дракона за усы. – Ну, не балуй!

– Значит, все закончилось… – негромко произнес Ирранкэ. – Так странно…

– Больше не нужно гнать коней вскачь, – шепнула я. – Сколько времени ни осталось – все наше. Так?

Он кивнул и обнял меня, как никогда не обнимал прежде… Чуть кости не переломал.

– Это теперь все мое, – сказала Ири, – так фея сказала. Дворец получше герцогского, а, мам? Может, и получше алийского?

– Ему не хватает изысканности, – не удержался Ирранкэ и улыбнулся.

– Так ты в самом деле намерена остаться тут? – спросила я.

– Да, мам. – Ири посмотрела мне в глаза. – Так уж вышло. Но если вы с папой хотите уйти, ну так… вы взрослые, как вас удержишь? Но я вас всегда буду ждать, вот…

Мы с ним переглянулись и засмеялись – ну надо же такое сказать!

– Мне бы только деду сообщить, что я жив и исполнил обещание, – сказал Ирранкэ, – и довольно.

– А мне – матери весточку послать, что мы обе уцелели.

– Вот он передаст, – сказала Ири, глянув на своего облачного дракона. – И нет, мам, не перепугает всю округу. Он же умеет прикидываться крохотулькой!

Ирранкэ молча смотрел в серое зимнее небо, и снежинки таяли на его лице.

– Как хорошо, – сказал он наконец. – Оно настоящее. Завтра выглянет солнце, потом опять будет метель, а весной долина зацветет…

– И мы построим дом, – добавила я. – Сдается мне, ты сыт дворцом феи по горло!

– Что? – очнулся он от раздумий. – Нет, дворец мне по нраву, кое-что подправить, и можно жить. А ты, Марион, готова остаться здесь… не знаю, на сколько нашей жизни хватит?

– С вами двоими? – Я покосилась на дочь, которая все гладила и гладила белого дракона, с чьей гривы летел снег, а потом потащила его куда-то. – Конечно. Кто ж ее научит, что такое – быть ключницей, если не я!

– За что я всегда любил людей, – сказал Ирранкэ, взяв мое лицо в ладони, – так это за их практичность!

Издалека донеслось:

– Ой, ну они опять обнимаются… и целуются даже! Идем,

посмотрим, что тут еще есть. Я буду хозяйкой долины, а ты – хранителем, вот… И не фыркай! Я вот думаю, как лучше ее назвать? Зеркальной? Никто не поймет… Может, Облачной?

Хозяйка Облачной долины обходила свои владения, и ее дракон следовал за нею по пятам.

Но это уже совсем другая история.